

Д Ъ Т И
А Б Б А Т С Т В А ,

А Г Л И Н С К О Й Р О М А Н Ъ .

Переведено съ Французскаго

М. Я.

Ч А С Т Ъ Ш Е С Т А Я .

М О С К В А , 1803.

ВЪ Университетской Типографїи,
у Любія, Гарія и Полова.

**Съ дозволенія Московской
Цензуры.**

Д Ъ Т И

А Б Б А Т С Т В А .

Г Л А В А I.

Едва только показалась Аминша въ лавку, какъ опворилась дверь въ пріемную, и Миссриссъ Коннель идетъ къ ней на встрѣчу. О! о! Миссб! сказала она ей, я считала, что вы насъ навсегда оставили. Слова сіи произнесла она такимъ неласковымъ и грубымъ голосомъ, которой смутилъ Аминшу, и заставилъ ее думать, что вошла какая нибудь пасмурная мысль въ умъ ея хозяйки. Войдите, Миссб, войдите, продолжала Миссриссъ

Коннель; я съ великою неперпбливостію ожидала увидѣть въ ваше возвращеніе. Смятеніе Аминпы умножилось; въ молчаніи слѣдовала она за Мистриссою Коннель, и нашла въ пріемной пожилую женщину, довольно пріятнаго вида, которая весьма смущенною казалась. Не воображала она имѣть какую либо ссору съ сею женщиною, и однако же боялась того; сѣла она съ препепомъ во всѣхъ членахъ ея, и съ неперпбливостію ожидала обьясненія.

По нѣсколькихъ минутахъ молчанія, незнакомка, посмопрѣвъ прилѣжно на Аминпу, сказала ей: дочь моя, сударыня, увѣдомила меня о томъ, что вы для насъ сдѣлали; я весьма радуюсь, имѣя возможность воздать вамъ должное мною. По сему началу познала Аминпа Мистриссу Руброкъ; но весьма была она уди-

влена ея пономѣ и обращеніемъ; холодность онаго и принужденная учтивость извѣсняли болѣе неудовольствіе и отвращеніе, нежели чувство признашельности. Мисприссѣ Рузброкѣ въ то же время вспала, и подала Аминтѣ банковской билетъ. Изумленіемъ отнималась у Аминты рѣчь, и не оставляло оно ей силы ни отказать, ни принять билета, лежащаго на столѣ предъ нею.

Позвольте мнѣ, сказала ей тогда Мисприссѣ Рузброкѣ, сѣвши оянь, спросить у васъ истинное ли есть имя ваше Миссѣ Дональдъ? — Предчувствіе Аминты, сооружавшее бурю надъ главою ея, становилось для нее справедливымъ. Ясно было, что сіе сработано Бельгравомъ, надмѣру много успѣвшемъ въ вымыслахъ своихъ.

Аминта казалась быть тогда въ самомъ жесточайшемъ

часѣ участи ея. Въ различныхъ испытаніяхъ, каковымъ она до сихъ поръ подвергалась, всегда оставалось ей нѣкоторое упованіе, какая нибудь подпора ея слабости, какое либо услажденіе горестямъ ея. Когда упала она подъ мерзкимъ заговоромъ Бельграва, очернившаго честь ея во мнѣніи особъ, которыхъ уваженіе было ей драгоцѣнно, могла она почерпнуть нѣкое утѣшеніе въ той мысли, что имѣла прибѣжище и покровъ въ обвѣщаніяхъ отца, безмѣрно ее любившаго. При потерѣ отца своего она обрѣтала нѣжныхъ друзей; которые слезы свои смѣшивали съ ея слезами, и которые на раны сердца ея изливали бальзамъ состраданія. Когда она опшоргнута была отъ предмета нѣжнѣйшей ея привязанности, самое существованіе учинилось для нее тягостнымъ бременемъ;

но въ томъ мѣстѣ, куда сокрылась, гласъ дружбы пронизалъ въ ея душу, и не имѣя возможности исцѣлить ея скорби, по крайности облегчалъ ихъ. Нынѣ же одна, оставленная, и лишенная всякой помощи какого-либо живущаго существа, видѣла она ужасную бурю, готовую грянуть надъ ея покорною главою, не имѣя никакого пристанища, которое бы могло отъ ея защитить, не имѣя никакой надежды, къ которой бы прилѣпиться могла. Окруженная посторонними, худо прошивъ нее предвѣренными, не могла она надѣяться, чтобъ простое и чистосердечное объясненіе, какое бы она сдѣлала имъ о поступкѣ своемъ, нашло предъ ними какое либо вѣроятіе, и могло бы обязать ихъ защитить ее прошивъ злочестиваго, погубившаго ея въ мысли ихъ. Представился ей

весь ужасъ ея положенія , и сполько смутилъ духъ ея , что она впала въ нѣкоторой родъ безчувственности ; положила голову на свою руку , и глубокое степенаніе вышло изъ обмирающаго сердца ея.

Видите ли вы , сказала Мис-приссѣ Коннель по продолжительномъ молчаніи , что ей не чего отвѣчать ?

Аминша подняла голову и возвратила чувства свои. Всемогущее и всеблагое Существо , на Которое возлагаю мое упованіе , и Котораго я никогда добровольно не оскорбила , безъ сомнѣнія придетъ ко мнѣ на помощь , какъ то и прежде случалось. Сіе - то мыслила она въ самой себѣ , не имѣя силы говорить ; но вопросъ Мистриссы Рузброкъ еще поразилъ слухъ ея. Позвольте мнѣ , сударыня , напоследокъ сказала она ей , спросишь у

васъ : какую имѣете вы причину хотѣть узнать, истинное ли мое имя Миссѣ Дональдъ ?

Боже мой ! моя любезная , сказала Миссиссѣ Коннелъ Миссиссѣ Рузброкъ , нѣтъ нужды вамъ себя болѣе беспокоить допрашиваніемъ ; ибо самой учиненный ею вопросъ служитъ довольнымъ отвѣтомъ на вашъ.

Я дѣйствительно думаю , сказала Миссиссѣ Рузброкъ , что уже теперь излишнимъ будетъ всякое разыскиваніе.

Соглашаюсь я , сказала Аминта нѣсколько успокоясь , свидѣтельствомъ совѣсти своей , что имя мое не Дональдъ ; но обязана притомъ справедливостію къ себѣ самой объяснить , хотя и опасаясь не возмогу увѣрить , что истинное имя мое сокрыто не по какой либо причинѣ , заставляющей меня краснѣть , ниже которая бы могла заслуживать

какое нибудь порицаніе. Неща-
спія мои велики и почти необы-
чайны; единственное мое утѣ-
шеніе есть въ возможности ска-
зать самой себѣ, что я никогда
не навлекла ихъ какимъ либо
неблагодаруміемъ.

Не нужно мнѣ, сударыня,
с к а з а л а Мисприссѣ Рузброкѣ,
знаешь, какое ваше положеніе; не-
запруднишельны вы были въ
одномъ пунктѣ, надѣюсь, что
равномѣрно таковою же будете
и при другомъ вопросѣ. Письмо
сіе, сказала она ей, подавая
письмо писанное къ Рузброку,
опѣ васъ ли?

Такъ, сударыня, отвѣчала
Аминша, кошкою Chespolubie
возспало, дабы опвергнуть оназы-
ваемое ей презрѣніе; оно моею
руки.

Прошу васъ, продолжала
Мисприссѣ Рузброкѣ, глядя на
нее пристально и взявъ шовъ

гораздо суровѣе, сказать, что побудило васъ написать такое письмо?

Я думаю, сударыня, отвѣчала Аминта, что побужденіе къ тому довольно ясно объясняется самымъ симъ письмомъ.

Прекрасное изъясненіе! вскричала Мисприссъ Коннель; и такъ - то вы надѣетесь имѣть возможность обругать свойственнаго честнаго человѣка! Но, Миссъ, мы также получили другое объясненіе, подобное вашему, и доставленія онаго къ намъ вы никакъ не могли предвидѣть. Вы намъ открыты, не взирая на ваше малое искусство составлять безвмянные письма, такія, какъ находятся въ романахъ. Г. Сиппорпъ тотчасъ узналъ вашъ почеркъ: бѣдной веселой человѣкъ! онъ говоритъ, что вы довольно имѣете ума, но оный обращенъ во зло, и сіе очень

жалко: онъ васъ весьма знаетъ собственнымъ своимъ опытомъ.

Такъ, сударыня, сказала Аминта; онъ знаетъ, что я по твореніе, котораго разрушилъ онъ благополучіе, но не воспоржесивовалъ надъ невинностію онаго; онъ знаетъ, что какъ злой духъ, прилѣпленный къ спезямъ моимъ, навлекъ онъ на меня груду несчастій и въ сердце мое водворилъ тьму печалей; но знаетъ также и то, что никогда не могъ онъ довести меня до паденія подъ безчестными его заговорами, и что онъ никогда не вспрѣчалъ отъ меня ничего, кромѣ презрѣнія и ужаса, которыя онъ заслуживаетъ, и которыя были однимъ отвѣтомъ моимъ на предложенія его.

Ахъ, сударыня! вскричала Мисприссъ Коннель взглянувъ на Мисприссъ Рузброкъ, повѣрьте,

что она точно играла на какомъ нибудь театрѣ.

Такъ, сударыня, перехватила Аминта, которой задыхающійся голосъ означалъ горечь сердца ея, да и въ плачевныхъ и жестокихъ сценахъ.

Добро! добро! вскричала Мистриссъ Коннель, признайшесь въ своихъ погрѣшностяхъ и въ лукавствѣ своемъ проливъ сего бѣднаго Г. Сиппорпа, и все будетъ забыто.

Я дѣйствительно должна совершенно объяснить себя, сказала Аминта; честь моя того требуетъ, равно какъ и желаніе, которое я имѣю спасти дочь вашу и васъ самихъ отъ нещастія вамъ угрожающаго. Тутъ сказала она имъ все, что знала о Белгравѣ; но имѣла несносное прискрбіе видѣть, что повѣствованіе ея, сколь ни было оно просто, приняло со всѣми зна-

ками весьма полного недовѣрія къ ней. Не ввѣрайтесь, сударыня, сказала она Миссриссѣ Рузброкѣ, споль слѣпому предубѣжденію; спрашайтесь послѣдствій онаго, убѣдительно о томъ прошу васъ; не принуждайте невинность дочери вашей къ рѣшенію на то, въ чемъ она провинилась, и чемъ доведена бы она была до гибели своей; не приуговляйте себѣ по учиненіи такого насилія раздирающихъ угрызений, которыя непременно послѣдуютъ за онымъ. Для чего вашъ Г. Сиппюрпъ не появляешся поддержать объявленіе его въ моемъ присутствіи?

Я просила его находиться при нашемъ объясненіи, сказала Миссриссѣ Рузброкѣ; но онъ чувствительнѣе, и не захотѣлъ быть свидѣтелемъ вашего смятенія и прискорбія, сколько бы вы оныхъ ни заслуживали.

Нѣтъ, сударыня, сказала Аминша, онъ отказался шутъ присупствовашъ для того, что онъ очень зналъ, что не могъ бы снести вида оскорбленной имъ невинности; для того, что онъ весьма увѣренъ, что лице его и поступки измѣнили бы виновной душѣ его. Еще повторяю вамъ: онъ не то, чемъ называется вамъ бышь. Въ свидѣтельство истинны назначаю Сира Карла Бингеля; я беру въ васъ нѣжное участіе, хотя вы и самомалѣйшее ко мнѣ имѣшь отказываете. Знаю, что повѣривъ злословію, вы считаете меня бѣднымъ швореніемъ, блуждающимъ въ пупяхъ порока: но когда бы я и виновна была, то горестное состояніе, въ какомъ вы меня видите, долженствовало бы возбудить жалость вашу. Извините меня, сударыня, если ли я вамъ скажу, что поступокъ

вашъ былъ прошивъ меня жестокъ. Кропкія добродѣтели конечно тѣ, которыя наилучше помѣщены въ сердцѣ женщины. Оказывающая нѣкое снисхожденіе къ падшей подругѣ своей, исполняетъ Божественную заповѣдь, и слеза, пролитая ею на погребѣнности другой, есть драгоценна предъ очами Бога, и состраданіе ея самой ей привлекаетъ благословеніе. О сударыня! было время, когда я надѣялась совсѣмъ различнаго пріема отъ того, которой вы мнѣ сдѣлали. Я льстила въ найти нѣкоторую подпору и нѣкую опраду въ дружествѣ Г. Рузброка и Мисприссы Рузброкъ; но сія надежда, какъ и многія другія, для меня исчезаетъ. При сихъ послѣднихъ словахъ недоспало голоса Аминтѣ, и слезы вновь омочили лице ея. Мисприссъ Рузброкъ краснѣла при укоризнѣ, которую сдѣлала ей

Аминта въ жестокости ея; она попустила глаза, чувствуя, что заслуживала оную, и долго пребывала, не имѣвъ возможности поднять ихъ на бѣдное ивореніе, съ которымъ она столь худо попустила. Можешъ быть, сказала она наконецъ, наговорила я слишкомъ много суровости; но должно согласиться, что сіе было не безъ причины. Дружба и благодарность, коею я обязана Г. Сипшорлу, заставили меня живо возчувствовать обнесенія, каковыми вы его предъ нами опягчили.

Я удивляюсь, вскричала Мисприссѣ Коннель, крепости, съ какою вы ей говорите; впредь я буду гораздо осторожнѣе въ разборѣ людей, которыхъ спану принимаю въ мой домъ. Признаюсь, что она показалась мнѣ столь ужасающею воображенія одного, имѣть кварширу у не-

извѣстныхъ ей людей, что дабы успокоить ее, я бы предложила ей раздѣлить мою постелью, если бы Эмилиа меня въ помѣ не предупредила. Но я вижу, что страхъ сей былъ только одинъ предлогъ, чѣмъ ввести себя въ тотъ домъ, гдѣ жилъ Г. Сипшорпъ, и вновь наложить на него свои оковы. Не соглашаюсь я, чѣмъ она ночевала у меня другую ночь; такъ, Миссъ, вы можете искать квартеры, гдѣ вамъ угодно; но начните съ того, чѣмъ сей часъ выйдете отсюда; вы не только незнакомы въ Лондонѣ, какъ вы это представляете.

Мисприссъ Коннель вспала, окончивъ рѣчь, и подходила къ Аминтѣ съ видомъ, означающимъ, что она сама угрозы свои намѣревалась произвести въ дѣйство. Аминта непременно расплагалась завтра по утру осша-

вить домъ ; но бытъ выгнанною за воропы въ такой часъ , и бродить по улицамъ , сія мысль ужасомъ ея наполняла . Она встала , и отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ , заблужденнымъ и печальнымъ окомъ взирала на Мисприссу Коннель . Я вамъ то поворяю , воскликнула опять сія женщина , въ сей часъ выйдите изъ моего дома ! Несчастная Аминта чувствовала круженіе головы , померкъ свѣтъ въ глазахъ ея , ноги подъ нею подгибались , и она упала бы , естльибъ Мисприссъ Рузброкъ , примѣшивъ ея положеніе , заблаговременно не поддержала ея ; она посадила ея и брызгала воды въ лицо . Войдите въ себя , сказала ей Мисприссъ Рузброкъ голосомъ гораздо смягченнымъ , и копторой оказывалъ въ ней возвращеніе къ состраданію ; вы не будете принуждены оставить домъ

въ сію ночь; я вамъ по обѣщаю
именемъ Мистриссы Коннель,
кошорая добра, и не захочешъ
умножать вашу печаль.

Ахъ! сказала Мистриссъ
Коннель, Богу по извѣстно, что
доброта есть моя слабость; и
шакъ, Миссъ, вы можете пре-
проводить здѣсь ночь, какъ
вамъ по сказала Мистриссъ Руз-
брокъ. Аминта открыла слабыя
глаза, и поднявъ голову, прикло-
ненную къ груди Мистриссы
Рузброкъ, сказала препенущимъ
голосомъ: завтра, сударыня, я
выду отъ васъ; о сколь великая
бы была милость Божія, приба-
вила она утопая въ слезахъ,
еслибъ я еще скорѣ могла
отсюда выдти!

Нушка, сказала Мистриссъ
Коннель, полно плакать и ры-
дать, Миссъ! вы можете взять
со стола свѣчу и отправиться
въ свою комнашу.

Аминта не заставила по повторить себѣ.

Кое - какъ добрела она до маленькой комнаты; все въ оной было печально и уныло; не нашла она въ ней ни огня, коптой ее согрѣвалъ шупъ прежде, ни Эмили, коей чистосердечная ласка возвратила бы ей утѣшительныя попеченія; слаба, брошена, истинное чадо бѣдствія, сѣла она въ ногахъ своей кровати, и предалась всей своей печали.

Такъ говорила она сама себѣ: правда, что я имѣла друзей, любившихъ меня равно съ самими собою, и копорымъ существованіе и благополучіе мое было нужно. При осшавленіи, въ какомъ нынѣ нахожусь, сіе воспоминаніе прошедшаго умякаетъ только горестъ мою; и можетъ быть хорошо: еще и по для меня, что не извѣстно мнѣ бу-

дущее, меня ожидающее. О родители мой! естлибъ ты могъ читать въ книгѣ судебъ печальныя спроки, въ коихъ назначена судьба любезной твоей Аминты: самая жизнь твоя тогда была бы тебѣ въ тягость!

О Оскаръ! и такъ другая, а не моя рука доставитъ тебѣ бумагу, копорая должна возвратитъ твою независимость. Несчастія мои сопровождаютъ меня ко гробу, въ копорой давно уже желала бы я сойти, естлибъ не льстилась надеждою тебя увидѣть!

Когда была она среди сихъ печальныхъ размышлений, дверь комнаты отворилась; и вмѣсто Эмили, копорую она еще надѣялась увидѣть, зрѣла она вошедшую служанку Миссриссы Коннель. О сударыня! сказала ей сія дѣвка, я весьма огорчаюсь положеніемъ вашимъ; не лучше

же теперь и то, въ которомъ находится бѣдная Миссъ Эмилія; но рано или поздно, обѣ сіи старыя госпожи будутъ наказаны за столь жестокой съ вами поступокъ. Госпожа Рузброкъ дорого за то заплашитъ, когда, отдавши дочь свою за Г. Сипшорпа, познаетъ, что онъ за человекъ. Аминша претепала при мысли сей о участи, угрожающей Эмиліи. И такъ я вамъ уже сказала, сударыня, продолжала служанка, что бѣдная Миссъ столько же много нещаслива: онъ ее заперли въ комнату у хозяйки, откуда она не смѣетъ выдти; но нашла средство увидѣться со мною, и вручила мнѣ къ вамъ записку:

„Я надѣюсь, что моя любезная Миссъ Дональдъ не усомнится о искренности моей, когда скажу ей, что всѣ мученія мои умножились полученнымъ

мною свѣденіемъ, что претерпѣ-
ваемая ею сущь дѣйствіе уча-
стія, которое она оказаша мнѣ
щилась; узнала я о недостой-
номъ поступкѣ, въ домъ ею по-
несенномъ, и намѣреніе ея завтра
рано изъ онаго выдти. Какъ из-
вѣстно мнѣ отращеніе ея по-
селиться съ незнакомыми ей людь-
ми, то въ разсужденіи сего гово-
рила я съ служанкой, и имѣла
удовольствіе узнать, что помо-
щю ея моя любезная Миссѣ
Дональдъ можетъ найши благо-
надежный домъ, гдѣ она вла-
стна будетъ пребыть нѣсколь-
ко дней, и сколько, что съ имѣть
время сыскать приличную ей
квартиру. Дѣвка, которая вру-
читъ ей сію записку, и на вѣр-
ность которой она положится
можетъ, остальное ей расска-
жетъ. Единое удовольствіе, ка-
кое вкушаю въ сію минуту, и
какое только способна ощущать,

есть то, что я могу быть хотя
мало полезна моей любезной Мис-
сѣ Дональдѣ; надѣюсь, что она
всегда будетъ считатьъ меня
искреннимъ и усерднымъ другомъ
Э. Р.,

А какое же то мѣсто, съ
живостію сказала Аминта, куда
могу переселиться?

У меня, сударыня, сказала
ей служанка, есть сестра, управ-
ляющая однимъ великимъ домомъ
на пути къ Ришмонду; все се-
мейство отправилось въ Бриг-
тонъ, и сестра моя осталась
одна; она приметъ васъ съ вели-
кимъ удовольствіемъ, и вы мо-
жете тамъ побыть до тѣхъ
поръ, какъ найдете приличную
вамъ квартиру. Сестра моя жен-
щина разсудительная и умная, и
сдѣлаешь все то, чемъ только
обязать васъ возможетъ; вы
будете тамъ столько же покой-
ны и столько же безопасны, какъ

бы вы могли быть въ собственномъ вашемъ домѣ. Бѣдная Миссъ Эмилія не прежде успокоилась, какъ узнаевъ, что вы побудете у сестры моея, пока вамъ возможно будетъ сыскать жилище у знакомыхъ вамъ людей; и поистиннѣ, сударыня, не лъзя лучше, какъ пущь вамъ будетъ. Если вы рѣшитесь на то согласиться, то завтра по утру я васъ провожу туда, и почту себя весьма щасливою, что могла вамъ такимъ образомъ услужить.

Аминта великое ощущала отвращеніе поселиться въ домѣ безъ вѣдома господъ онаго; но необходимость побѣждала сомнѣнія сіи, и она спрашивала у служанки о часѣ, въ которой она придетъ за нею.

Я приду, сударыня, какъ будетъ можно намъ надѣяться найти на площади карету, и мы вмѣстѣ пойдемъ искать ее. Но,

сударыня, лице ваше очень дурно; позвольте мнѣ помочь вамъ раздѣться. Вамъ весьма нуженъ покой; чтобы ни сказала о томъ хозяйка моя, но естли вы хошите, принесу вамъ немного вина. Аминша отъ того отказалась; но охотно приняла помощь отъ служанки лечь въ постелю, будучи распроена безпокойствомъ дня того. Аминша подтвердила ей быть распоропной, и препоручила также засвидѣтельствовать всю свою признательность Миссѣ Руброкъ, за оказанное къ ней сосираданіе ея. Сонъ ея былъ, какъ и прошедшую ночь, часто прерываемъ и возмущался плачевными сновидѣніями. Она встала блѣдна, прегещуща и не получивъ въ ночи ни малѣйшаго облегченія. Служанка скоро появилась. Аминша сходила съ шрепетомъ, опасаясь, чтобы при выходѣ ея изъ дома

не показался нечаянно Бельгравъ, и не преслѣдовалъ бы ее до мѣста новаго ея пребыванія. Но не встрѣчала она никого, и скоро нашла карету, въ которую сѣла.

Дорогою, Аминта просила служанку, которая, казалось, довольно хорошо знала Бельграва, сказать Миссѣ Рузброкъ, что не должна она ни мало сомнѣваться о незаконныхъ намѣреніяхъ Бельграва, еслили хотѣла она сама себя спасти отъ вѣрной гибели. Дѣвка увѣряла ее, что не преминетъ то исполнить, и прибавила, что всегда она не довѣряла, чтобъ Г. Сипторпъ былъ по, чемъ хотѣлъ казаться. Скоро путь Аминты окончился. Домъ былъ большой и прекрасной; подвѣзжали къ нему небольшою каштановою аллею. Сестра служанки была женщина среднихъ лѣтъ, и имѣла видъ и поступки простые; она приняла Аминту съ ве-

лихими знаками уваженія, и провела ее въ прекрасную приѣмную комнату, гдѣ нашла она со всею опрятностію изготовленный завтракъ. Я захопилась, сударыня, сказала служанка съ улыбкой, еще вѣра предварить сестру мою о чески, которую она будетъ имѣть сего утра принять васъ, и я увѣрена, что она все сдѣлаетъ, что только возможно, дабы обязать васъ.

Благодарю васъ и шу и другую, сказала Аминта съ обыкновеню ей ласковостію и кропотлівою; но, говоря имъ, нѣсколько слезъ текли по щекамъ ея, помышляя о положеніи, въ которомъ она находилась, предоставленная чело-вѣколюбію лицъ, ей вовсе неизвѣстныхъ, и которыхъ сами были въ зависимости, навлекаемой бѣдностію. Надѣюсь, продолжала она, что не надолго буду я вамъ въ тягость; намѣреніе мое было

нанять квартиру въ сосѣднемъ крестьянскомъ домѣ, до тѣхъ поръ, какъ возмогу окончить нѣкоторыя дѣла и возвратиться къ себѣ; но хочу я воздать за ваши попеченія, и заплатить издержки, мною вамъ причиненныя. Въ то же время принудила она сѣбѣихъ женщинъ взять плащъ, съ которымъ онѣ долго опречались. Мисприссъ Дебора сказала ей также, что совершенно не нужно было помышлять такъ скоро оставить домъ; ибо господа онаго не прежде, какъ чрезъ шесть недѣль должны возвратиться. Но Аминша не допустила поколебать свою рѣшимость; не могла она побѣдить отвращеніе свое осматриваясь въ домъ безъ вѣдома господъ онаго. Служанка ушла, и изъ приготовленнаго завтрака Аминша употребила только не много чаю. Жестокую чувствовала она

головную боль, и весь составъ ея былъ разспроенъ и въ великомъ безпорядкѣ. Мисприссъ Дебора, дабы разсбять ее, предложила ей осмотрѣть домъ и садъ, который весьма былъ приятенъ; но Аминта отговорила се отъ того, сказавъ, что покой ей былъ всего полезнѣе. Мисприссъ Дебора проводила ее въ хорошо прибранную комнату, гдѣ и оставила ее, сказавъ ей, что она пойдетъ занявшись приготовленіемъ къ обѣду чего нибудь получше, что бы могло поощрить ее нѣсколько покушать.

Аминта, оставшись одна, всячески старалась успокоить свои прискорбія и движеніе свое, памышляя, что она была въ безопасномъ мѣстѣ и въ защитѣ отъ покушеній Бельграва; и однако же сонъ, въ которой она отъ усталости впадала, не возвращалъ ей спокойствія. Малѣй-

лїей шорохъ заставлялъ ее шре-
 лепашь, и причинялъ ей неизъ-
 ясненныя ужасы. Мисприссъ Де-
 бора два или три раза входила,
 чтобъ узнать о ея здоровьѣ, и
 напослѣдокъ принесла ей обѣ-
 дашь; подлѣ постели ея поста-
 вила она небольшой столикъ и
 убѣждала ее принять пищу. Въ
 поступкахъ ея былъ видъ ла-
 сковости и дружелюбія, напоми-
 нающія Аминтѣ добрыхъ Эдви-
 новъ; вздыхала она помышляя, что
 сіе шоль крошкое убѣжище для
 нее опнынѣ зашворено было по
 причинѣ сосѣдства съ Тудор-
 Галломъ, откуда изгоняла ее
 благоприсшойность и самая нѣ-
 жность ея. Воспоминанія сіи
 шолько ее удручили, что не мо-
 гла она бсть; благодарила Ми-
 сприссу Дебора за ея попеченія,
 и просила оставишь ее одну. Но
 уединеніе скоро сдѣлалось ей не-
 сясно, и грусть ея была шоль.

велика, что воображала она прогулкою въ саду возмочь нѣсколь-
ко успокоить оную. Когда схо-
дила она съ лѣстницы, слыша-
ла внизу въ пріемной, кошорой
дверь однако же была зашворе-
на, говорящаго мужчину; она
сошла тихонько, и подошедъ бли-
же, узнала голосъ одного слуги
Бельграва, котораго видѣла она
въ Девонширѣ; слушала съ тѣмъ
ужасомъ, какой пронзаетъ зло-
дѣя, внимающаго приговоръ судьи,
кошорой на смерть его осуждаетъ.

Такъ, я васъ увѣрю, гово-
рилъ человекъ; мы были прогна-
ны отъ Мистриссы Коннель; но
дичила, копорую мы ловимъ, ше-
перь гораздо лучше потерянной
нами; и для того - то въ сей
же вечеръ вы можете ожидать
сюда Полковника въ коляскѣ, че-
тырмя лошадьми запряженной,
съ тѣмъ, чтобъ подхватить ва-
шу пригожую пѣяницу.

Я тому очень рада, отвѣчала Мистриссъ Дебора; ибо я думаю, что ей не очень долго жить останется.

Вотъ тебѣ развѣ! сказалъ онъ, опъ чего вы хотите, чтобъ она умерла? развѣ только. . . и шупъ онъ говорилъ тихо, и сказанное имъ произвело громкій смѣхъ. Аминша, услыша ихъ расположеніе выходить изъ приемной, съ торопливостію взошла опять на лѣстницу, и стояла у дверей своей комнаты до смѣха поръ, какъ услышала, что Мистриссъ Дебора безъ всякаго шума сего человѣка до воротъ проводила. Аминша, вошедъ въ свою комнату, заперла дверь; и зная, что виновная совѣсть недобрыча и легко успраивается, бросилась въ свою постель, опасаясь, чтобъ Мистриссъ Дебора, нашедъ ее вставшею, не возвѣдала бы какихъ подозрѣній. Опча-

явное положеніе ея придавало ей тогда нѣкую силу и отважность, и она уповала имѣть возможность извлечь себя изъ опасности съ нѣкоторымъ присутствіемъ духа. Рѣшилась она, еслилибъ только могла вырваться изъ дома, пробиться прямо въ Лондонъ. Хотя мысль войти въ оной, не зная куда пристать, ужасала ея воображеніе, мнила однако же, что авосьлибо найдетъ тамъ гораздо надежнѣе пристанище, нежели въ шой деревнѣ, гдѣ она находилась, и гдѣ легко могли узнать объ ней. Миссисъ Дебора и дѣйствительно пришла, какъ Аминша того ожидала. Запрепетала она, увидя ее; но помышляя, что безопасность ея требовала, чпобъ она совершенно скрыла свой страхъ, и для того рѣшилась разговаривать съ вѣроломною тварью. Вспала на послѣдокъ, сказавъ, что она уже

слишкомъ много предавалась своему разлѣненію ; и прошедъ нѣсколько разъ по комнатахъ , сбѣла у окна и выхваляла красоту сада. Тутъ множество плодовъ , не шаблы ли ? сказала она Мисприссъ Дебора. Если бы не опасалась я обременить ваше снисхожденіе , то бы попросила у васъ одинъ или два персика.

Очень охотно , моя любезная Госпожа , сказала ей Мисприссъ Дебора. Я уже бы вамъ и давно подала ихъ , если бы не думала , что вамъ пріятнѣе бы было пройти по саду и самимъ сорвать ихъ.

О ! сказала Аминпа , это когда нибудь , а не теперь. Мисприссъ Дебора пошла , и Аминпа стояла у окна до шѣхъ поръ , какъ увидѣла ее въ концѣ сада. Тогда взяла она свою шляпу , привязала ее на головѣ плашкомъ ,

дабы лучше скрыть себя ; съ поспѣшностію сошла съ лѣстницы , и заперла находящіяся подлѣ дома воропы въ садѣ , чтобѣ воспрепятствовать Мистриссѣ Дебора надмѣру скоро за нею преслѣдовать ; бѣжала чрезѣ всю околицу , и не прежде пошла обыкновеннымѣ шагомѣ , какѣ будучи на большой дорогѣ , сколько для того , что уже не такѣ опасно было быть примѣченною , какѣ и для того , что слабость ея не позволяла ей скорѣе идти . Тренипала она при спукѣ каждой повозки , и отворачивала голову , чтобѣ не быть видимою находящимися въ оной . Напослѣдокѣ достигла она Лондона безѣ всякой злой встрѣчи . Спановилось поздно , и она чувствовала необходимость поскорѣе достать себѣ квартиру . Увидя нѣкоторыхѣ бѣдныхѣ женщинѣ , возвращающихся домой съ остатками

не проданныхъ ими плодовъ, пролила она слезы. Нѣсколько времени назадъ, говорила она, женщины сіи были предметомъ моего соспранданія, а нынѣ я сама гораздо болѣе, нежели онѣ, достойна сожалѣнія! Знала она, что въ тогдашній часъ не могла она быть принята, какъ только въ какомъ нибудь негодномъ и бѣдномъ домикѣ, и искала такого, лишь бы только могла приспашь въ ономъ. На послѣдокъ увидѣла она лавку, гдѣ продавали сыръ и масло, и гдѣ старая женщина, сидя на прилавкѣ, вязала чулокъ. Аминна подошла; старуха вспала съ видомъ удивленія и съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Аминта, облокотясь на дзерь, съ минушу не способна была объясниться; наконецъ, прерывающимся голосомъ, и румянецъ смятенія на щекахъ ея заступалъ блѣднось, сказала

она : есть ли у васъ , сударыня ,
квартира мнѣ нанять ?

При семъ вопросѣ старуха
опять сѣла , и посмошрѣвъ при-
стально на Аминшу , сказала ей :
никогда не видано , чшобъ честная
особа принуждена была искашь
квартиры въ такой часъ .

Ваша правда , сударыня ,
прервала Аминшу ; но особенныя
обстоятельства повергли меня
въ сію необходимость ; и еслили
вы можете принять меня , то
увѣрю васъ , что не будете
имѣть причины въ шомъ раская-
ваться .

О ! сказала женщина , не
знаю я , какую изъ того выгоду
получить могу . Это естествен-
но , что всякой за себя споймѣ .
Однако же еслили я вамъ дамъ
комнату , да у меня только и
если одна , которую я дать могу :
то заранѣе хочу получить пла-
ту .

Вы ее и получите, сударыня, сказала Аминша.

Ну, хорошо, прервала женщина; пойдете, я покажу вамъ комнату. Тутъ кликнула она двочку постеречь лавку; и взявъ свѣчу, провела Аминшу чрезъ узкую и кривую лѣстницу въ комнату, въ которой нечистота и мерзкой запахъ ужаснули ее. Усиливалась она побѣдить се отвращеніе, въ разсужденіи нужды, какую имѣла въ убѣжищѣ, дабы избѣгнутьъ отъ угрожающей еще опасности, и помышляя, что сверхъ того она завтра же могла ее оставить.

Ну, сударыня, сказала ей женщина, цѣна сей комнаты гвиней на недѣлю, ни больше ни меньше; и есѣли она вамъ не подѣшпаетъ, то убирайтесь.

Я не буду спорить о цѣнѣ, сказала Аминша, полагая, что

люди, живущія у васъ въ домѣ, не наведутъ безпокойства.

Могу шѣмъ похвалиться, сударыня, прервала женщина, что во всемъ приходѣ нѣтъ такого дома, о которомъ бы лучше моего сказали.

Я тому очень рада, говорила Аминта, и льщусь, что вы не обидѣлись моимъ вопросомъ. Потомъ опустила руку въ карманъ свой, чтобъ заплашиться, но не нашла кошелька; она искала въ другомъ карманѣ, рылась въ обоихъ безъ всякаго успѣха. О! теперь, вскричала она сложивъ руки и бывъ обвѣта неизвѣстною горестію, теперь я пропала! потеряла свой кошелечекъ, и не могу въ сію минушу заплашиться пребуемой вами гвиней.

О! о! сказала женщина, я о томъ догадовалась, и подозрѣнія мои меня не обманули. Ахъ, моя сударыня! я радовалась, что

объ домъ моемъ не говорятъ худо ; о ! конечно я поостерегусь пошерять это , пустивъ въ него шаковую побродягу !

Убѣдительно прошу васъ , сказала ей Аминта , взявъ ее за руку , пустить меня здѣсь ночевать ; вамъ никакого убытка не будетъ ; у меня есть вещь иѣкопорой цѣны въ чемоданѣ моемъ , которой я оставила въ городѣ въ одномъ мѣстѣ , о коемъ дамъ вамъ записку , и куда вы можете послать взять его .

У васъ есть чемоданъ ? прервала женщина насмѣшливымъ голосомъ , точно также , какъ и кошелекъ . Изрядную рассказываете мнѣ басню ; но , моя малютка , довольно уже слыхала я ихъ , чтобъ опдать себя въ шаковой обманъ . Сей часъ выдѣше отсюда !

Аминта возобновила свои убѣдительныя прозбы , но жен-

щина прѣрвала ея, обьясняя, что ежели она не выдетъ въ сію минушу, то будетъ раскаяваться въ томъ. Аминша замолчала и сошла съ лѣстницы противъ воли своей; по слабости ея остановилась она на минушу въ лавкѣ; женщина по примѣтивъ, грубо схватила ея за руку, и съ жестокостію толкнувъ, заперла за нею дверь. Аминша находилась тогда не въ состояніи разсуждать, что ей дѣлать, не способна будучи ко всякому размышленію. Всѣ силы ума спѣснены были скорбію души ея. Проходила она нѣсколько времени вдоль улицы подлѣ домовъ, не зная, что дѣлать, ниже куда шла, до тѣхъ поръ, какъ слабость заставила ея упасть противъ однихъ дверей; на ступеньку оныхъ положила голову свою. Пораженная нѣкоторымъ родомъ изумленія, пребывала она нѣсколько времени въ семъ со-

стоянїи , какъ вдругъ извлечена была изъ онаго шорохомъ , происходившимъ отъ двухъ чело-вѣкъ , проливъ нее остановившихся. Ужасъ , бытъ наспигнутой Бельгравомъ , совершенно наполнялъ всю душу ея ; не сомнѣвалась она , чѣмъ то не былъ онъ самъ , или слуга его ; она приподнялась , испустила крикъ , призывая Небо къ себѣ на помощь , и старалась укрыться , какъ вдругъ видитъ , что берущъ ее за руку. Великій Боже ! сказалъ шотъ , кошорой ее удерживалъ : сей голосъ мнѣ знакомъ !

Сиръ Карлъ Бинглей ! вскричала Аминша ; и когда въ одно мгновеніе въ тогдашнемъ ея состоянїи обвѣли ея удивленіе , радость и смятеніе : то сего уже слишкомъ было много для разспроеннаго ея состава , и голова ея упала на грудь Сира Карла. Чувство радости , ощущаемой ею

отъ столь неожиданнаго покровишельства, побѣждалась стыдомъ быть встрѣченной въ такомъ положеніи, которое должно сповало подасть весьма неблагопріятныя о ней мысли, какъ и разпоргнуть ей было не возможно: столь сильны были пропивъ нее всѣ наружности!

Какъ! вскричалъ Сиръ Карлъ удивительнымъ и унылымъ голосомъ, это Миссъ Фипзаланъ! О ужасное зрѣлище! Тяжкій и содрогательный стонъ былъ единый опвѣтъ Аминшы, и пребывала она безъ всякаго чувства въ рукахъ Бинглей, которой, державъ ее близь пренещуцаго сердца своего, испытывалъ самъ раздрающую скорбь при видѣ состоянія Аминшы. Товарищъ его былъ нѣсколько времени безмолвнымъ зрительемъ сцены сей; сначала покушался онъ сдѣлать нѣкопюрыя насмѣшки, видя пригожую

дѣвицу, бросившуюся въ руки Бингеля, какъ казалось ему, почти добровольно; но удержанъ былъ отъ того горестнымъ восклицаніемъ своего пріятеля, и при томъ съ помощію свѣта отъ фонаря, поставленнаго у дверей, разсматривалъ онъ прекрасныя черты лица Аминшы, и видѣ Сира Карла, изображающей ужасъ и печаль.

Миссъ Фипзаланъ! сказалъ Сиръ Карлъ: вы очень нездоровы; позвольте мнѣ васъ проводить къ вамъ.

Ко мнѣ, повторила Аминша, голосомъ отъ опчянія задыхающимъ, и поднявъ слабыя глаза: увы! у меня нѣтъ ни малѣйшаго уголка.

Всѣ догадки, представившіяся уму Сира Карла при видѣ положенія Аминшы, симъ для него подтвердились. Онъ спеналъ, шрепеталъ, и едва въ состояніи

былъ держаться на ногахъ, тогда, какъ и драгоценное бремя находилось на рукахъ его; принужденъ былъ прислониться къ стѣнѣ, и просилъ своего друга идти сыскашь носилки или карету, съ помощію которой онъ проводилъ бы Аминшу въ какойнибудь домъ, гдѣ бы могли принять ее. Другъ его, видя состояніе, въ какомъ онъ находился, поспѣшилъ сдѣлать ему удобное.

Молчаніе Аминшы казалось бытъ Сирю Карлу дѣйствиемъ ея слабости плѣла, и припомъ смятенія и спыда ея. Товарищъ его скоро возвратился съ повозкой, и Сиръ Карлъ позналъ тогда, что онъ обманулся шаковымъ истолкованіемъ; ибо Аминша была совсѣмъ безъ чувства: опнесли ее въ карету, и онъ опять держалъ ее на своихъ рукахъ. Карета остановилась; онъ

препоручилъ ее попеченіямъ своего пріятеля, и вошелъ въ домъ, куда хопблѣ проводить ее. Возвратился съ служанкою, которая помогла ему взнести Аминта на верхъ. Удивленіе его было чрезвычайно, когда, вошедъ въ комнату, онъ услышалъ одинъ голосъ вскричавшій: о Боже! это Миссѣ Дональдъ! вскричала такъ Миссѣ Рузброкъ, и въ домъ той же Госпожи Коннель, и для ввѣренія попеченіямъ Рузброка Бинглеемъ изъ тюрьмы освобожденнаго, Аминта принесена была. Бинглей сказалъ имъ только, что нашелъ одну молодую особу въ весьма печальномъ положеніи, и которую поручалъ онъ ихъ попеченіямъ, никакъ не подозревая, чтобъ особа та называлась Миссѣ Дональдъ, о которой рассказывалъ ему Рузброкъ, что имѣлъ столь великія къ ней обязанности.

Это я! вскричала Мистриссъ Рузброкъ, смотря пристально на Аминшу раскаевающимся и плачевнымъ взоромъ; это я, которая довела ее до такого состоянія, и никогда не прощу себѣ того!

О, мой другъ! моя благодѣтельница! избавительница моя! говорила Эмилиа, проливая надъ Аминшою источникъ слезъ; такъ-то иная Эмилиа себя обрѣщала! .. Положили Аминшу на софу; на лицѣ ея видима была смертная блѣдность, и въ измѣнившихся чертахъ изображалось отчаяніе; положеніе такое выражало страданіе души ея гораздо лучше, нежели бы могло по учинить всякое искусство краснорѣчія. Нѣсколько вздоховъ возвѣспили, что приходитъ она въ себя; но глаза ея пребывали закрыты, и не могла еще держать головы. Мистриссъ Рузброкъ и дочь ея

поражены были неизъясненною печалію; но та, которую ощущалъ Карлъ Бинглей, была, естъли то возможно, еще гораздо жесточе. Тогда, какъ онъ наклонился къ ней, и когда слезы его упали на блѣдное лице ея, которое онъ разсматривалъ, это ли, спрашивалъ онъ самъ у себя, это ли Аминша? та ли это женщина, которой всѣ движенія были столь прелестны, которая не имѣла подобной въ красотѣ, которую сердце мое обожало какъ наисовершеннѣйшую изъ ея пола, и съ которой я желалъ соединить судьбу свою, увѣренъ будучи въ соединеніи семъ найти превосходнѣйшее благополучіе? ... О какая перемена! о Аминша! естъли бы злочестивецъ, тебя развратившій, могъ въ соспсѣяніи семъ тебя увидѣть, ужасъ самаго себя и угрызенія овладѣ-

ли бы имъ при видѣ послѣдствій его коварства.

Не уже ли, спросилъ подошедшій Рузброкъ, и бросившій на Аминшу сострадательный взоръ, не уже ли сіе молодое и несчастное твореніе не имѣетъ ни родителей, ни друзей, кои бы могли спасти ее?

Нѣтъ, отвѣчалъ Сиръ Карлъ; она лишилась отца и матери.

Щасптивы, сказалъ Рузброкъ, родители, сокрытые во мракъ гроба, копорые симъ избавляющся бытъ свидѣтелями бѣдствія дѣтей своихъ, а особливо погрѣшностямъ такого дѣшяпи, какъ сія!

Пожалуйте скажите, государь мой, спросила у Сира Карла Мисприссъ Коннель, копорая терла виски Аминтъ лоделованомъ: что намъ съ нею дѣлать, когда она придетъ въ себя?

Это мое дѣло, сказалъ Сирѣ Карлѣ, сыскашь ей пристанище. Такъ, Аминта, продолжалъ онъ, бросивъ на нее вмѣстѣ нѣжный и печальный взоръ; потѣ, кто не престанетъ оплакивать свою судьбину, упопребитъ всѣ возможности усладить оную. Но, прибавилъ онъ, не надобно ли позвать Лѣкаря?

Нѣтъ, кажется не надобно, сказала Мистриссъ Коннель; думаю, что недоспапокъ пищи и сна повергъ ее въ то состояніе, въ какомъ она теперь находится.

Недоспапокъ пищи и сна! повторилъ Сирѣ Карлѣ со умноженіемъ печали; возможно ли, чѣлобъ Аминта была доведена до крайности бродить по улицамъ, не имѣя куска хлѣба, и пристанища, куда приклонить свою голову? Ахъ! это ужасно! . . . О друзья мои! сказалъ онъ, бросивъ вокругъ себя взоръ, изображаю-

щей все нѣжное состраданіе души его : будьте попечительны для бѣднаго сего творенія ! Но не нужно мнѣ просить васъ о помѣ ; такъ , я знаю , что вы найдете удовольствіе перевязать раны разшерзаннаго сердца и осушить слезы нещастія . Увы ! давно ли казалась она соединять все , что только сердце смерннаго могло бы желать , и все то , чемъ могла бы превозноситься всякая женщина ? Теперь она сполкнулась , и паденіемъ своимъ потерялась для себя самой и для свѣта .

Нѣтъ , сказала Эмилиа съ отважнымъ великодушіемъ и поднявшись отъ софы , подлѣ которой она стояла на колѣнахъ : я увѣрена , что Миссъ Дональдъ никогда не была виновна .

И я , сказала Мисприссъ Рузброкъ , твердо располагаюсь быть мнѣнія Эмилии ; я вѣрю ,

что злодѣй, ставившій сѣти мое-
ей дочери, озлословилъ также и
Миссу Дональдъ, дабы лишить
ее покровительства тѣхъ, кото-
рые бы могли разрушить его без-
честныя предпріятія.

Дай Небо, вскричалъ Сиръ
Карлъ, чѣмъ догадка ваша нѣ-
когда оказалась справедливою! —
Подошелъ онъ опять къ Амин-
тѣ, все въ одномъ положеніи
пребывающей. Когда открыла
она глаза, взялъ онъ оледенѣв-
шую ея руку, и крошкимъ голо-
сомъ сказалъ ей: успокойтесь!
вамъ не чего болѣе страшиться.
Но она казалась ничего невне-
мляющею, и едва дыханіе имѣла.
Она умираетъ! вскричалъ Сиръ
Карлъ; она умираетъ! о милая
Аминта! скоро разторгнутся
узы, удерживающія пивую печаль-
ную душу въ смертномъ тѣлѣ!
Я еще надѣюсь, сказалъ Ка-
питанъ Рузброкъ; но я думаю,

не лучше ли бы ей было въ по-
стелѣ. Жена его и дочь не въ
вилахъ были произнести ни еди-
наго слова ; взялись положить
ее, и опнесли ее въ ближнюю ком-
нату. Сирѣ Карлѣ въ пріемной
дождался возвращенія Мисприс-
сы Рузброкѣ, которая сказала
ему, что Миссѣ Дональдѣ была
все въ одномъ состояніи. Онѣ
просилъ, чтобъ послали за Лѣка-
ремъ, и съ великою грустію
уѣхалъ.

Г Л А В А 2.

Надлежитъ намъ теперь
сообщить нашимъ читателямъ
о происшествіяхъ, случившихся
прежде тѣхъ, о коихъ рассказы-
вали въ предвѣдущей главѣ.
Письмо Аминшы къ Рузброкамъ
преисполнило ихъ удивленія и

ужаса. Мисприссѣ Р у з б р о к ѣ прибѣжала къ Мисприссѣ Коннелъ, которая не колебалась ни минушы сказать, что это была одна только хитрость, выдуманная злобою, дабы погубить Сипторпа въ умѣ ихъ; или желаніе, лишишь дочь ихъ выгоднаго супружества, какое ей предстояло. Мисприссѣ Р уз б р о к ѣ нашлась расположенною принять сіе мнѣніе; она была пронута вспоможеніемъ, какое уже оказалъ Сипторпъ ея семейству; и уступая признашельности, допустила Мисприссу Коннелъ руководствовать собою, которая присовѣтовала ей показать письмо Г. Сипторпу. Сіи-то были, говорили онѣ, наилучшія мѣры, какія только предпринять было можно. Если онъ невиненъ, то будетъ пронутъ оказанною ему довѣренностію; если же виновенъ, смяшеніе его измѣнитъ ему. Но,

Бельгравъ надмѣру много получилъ предосторожности. Слуга его замѣнилъ Аминшу, когда она входила къ Мистриссѣ Коннелъ по прїѣздѣ своемъ въ городъ; онъ узналъ отъ служанки, что будетъ она жить въ семъ домѣ, и что была подъ именемъ Миссы Дональдъ. Сообщилъ онъ всѣ сіи обстоятельства господину своему, которой восхитился отъ радости, узнавъ, что она приняла подложное имя; онъ заключалъ изъ того, что она была не только въ несчастномъ положеніи, но и находилась удаленною отъ друзей и покровителей своихъ, и рѣшился не терять сего благопрїятнаго случая, имѣть ее наконецъ въ полной власти своей; и расположился потчасъ оставить намѣренія свои въ разсужденіи Эмилии, которой прїятная простота и бѣдность увѣряли его, что не

трудно ему достигнуть того, чтобы учинить ее своею добычею; принялъ рѣшеніе обратиться всѣ свои мысли на Аминшу, которая всегда была наилестнѣйшимъ предметомъ сердца его. Гордость его, столько же какъ и страсть, участвовала въ томъ, чтобы повергнуть ее въ свои сѣти. Жестоко онъ оскорбленъ былъ худымъ успѣхомъ первыхъ хитростей своихъ; не извѣстно ему было, какъ ускользнула она изъ его дома, и взбѣсясь за нея побѣгъ, преслѣдовалъ ее въ Ирландію, и скрывался въ окружностяхъ святыя Екаперины до тѣхъ поръ, какъ появленіе Лорда Моршимера увѣрило его, что опныя преслѣдованія его были бы бесполезны. Тогда, какъ онъ занимался учрежденіемъ своего расположенія, былъ приглашенъ отъ Мисприссы Коннель сойти въ пріемную, гдѣ дали ему про-

честь письмо. Скоро позналъ онъ издателя онаго, и вооружась всею наглостію порока, сказалъ онъ симъ женщинамъ, что сія мнимая Миссъ Дональдъ была одна изъ оставленныхъ имъ любовницъ, и копорая изъ ревности желаетъ воспрепятствовать союзу ихъ съ любезною его Эмилию. Сообщилъ имъ, что имя, принятое ею, было подложное, и совѣщивалъ имъ пошчасъ укорить ее во лжи сей, и по смятенію ея судить, была ли она виновна; а чрезъ сей обманъ могутъ дознаться и о томъ, копорой противъ него употребляетъ. Непоколебимостъ его утвердила легковѣрныхъ слушателей, уже довольно дурно противъ нее предваренныхъ; и вышелъ онъ отъ обѣихъ сихъ женщинъ совершенно оправданнымъ. Не заботился ни мало о томъ, видѣла ли его Аминта, или нѣтъ, будучи весьма

увѣренъ, что все то, что бы она объ немъ ни сказала, не получила вѣроятія. Въ предвѣдущій день, при наступленіи ночи, когда не возвращалась Аминта, спрашался онъ потерять ее изъ виду. Пришествіе ея успокоило его; разговоръ обѣихъ женщинъ съ Аминтою въ приемной былъ ему пересказанъ его слугою, слышавшимъ оной отъ комнатной дѣвки. Намѣреніе Аминты, оставивъ домъ въ слѣдующій день, заставило его придумать вымыселъ, выполненіе котораго выше сего объявлено, и въ которомъ вспомоществовало мнимое письмо Эмилиі, составленное Бельгравомъ. Ничто не могло изобразить его бѣшенства, когда, пріѣхавъ съ коляскою въ намѣреніи увезти Аминту, не нашелъ ее болѣе. Разозлился, произносилъ ругательства, спускалъ съ себя ногою,

и обвинялъ Мисприссу Дебора и слугу своего въ томъ, что способствовали побѣгу Аминты. Тщательно Мисприссъ Дебора объясняла ему, какую хитростию она ихъ обманула, и какъ она сама въ домъ принуждена уже была влѣзть въ окно; упорствовавъ онъ въ укоризнахъ своихъ, которыя раздражили наконецъ его слугу (незаслуживавшаго оныхъ) такимъ образомъ, что онъ дерзко отвѣчалъ господину своему. Бельгравъ, уже вышедъ изъ себя, до такой крайности разсердился, что преснулъ его въ голову съ толикою жестокостию, что человекъ упалъ съ одного удара. Едва лишь предался онъ своему гнѣву, какъ уже и раскаялся о томъ, видя, что дѣло могло имѣть худыя слѣдствія: ибо слуга не подавалъ никакого знака жизни. Участіе въ своей безопасности преодолѣло

въ немъ всѣ чувства челоѣколюбія , и онъ ушелъ изъ дома , прежде нежели Мисприсъ Дебора имѣла время позвать на помощь другихъ служителей и велѣть оспановить его . Онъ побѣжалъ къ Лондону , и пришедъ къ пракширу въ Паль - Малъ , рѣшился потчасъ уѣхать въ Дувръ , и пробраться за границу . Когда всходилъ онъ на лѣспницу , встрѣшилъ такого челоѣка , которой въ сію минуту былъ для него ужаснѣе всѣхъ прочихъ : Карла Бинглей ! Хотѣлъ уйти отъ него , но не успѣлъ . Надѣялся онъ , что Сиру Карлу не извѣстны еще были послѣднія его канальства ; но скоро вышелъ изъ сего заблужденія , услыша Сира Карла сказавшаго ему съ холодностію и презрѣніемъ , что имѣетъ нужду съ нимъ поговорить . Но прежде нежели представимъ здѣсь ихъ разговоръ , нужно увѣдомить

о томъ, что происходило у Рузброкъ.

Капишанъ Рузброкъ, болѣе имѣя познанія о людяхъ, нежели жена его, меньше былъ легковѣренъ. Безъименное письмо доставило ему нѣкоторыя подозрѣнія на счетъ Сипшорпа, и онъ рѣшился прервать всякое сношеніе дочери своей съ симъ человѣкомъ до тѣхъ поръ, какъ объяснятся сомнѣнія его. Послалъ онъ сына своего къ человѣку, управляющему дѣлами Сира, и узналъ отъ него, что онъ былъ въ городѣ, и стоялъ въ прачирѣ въ Паль-Малѣ. Тотчасъ писалъ онъ къ нему, прося простить его, увѣренъ будучи, говорилъ онъ ему, что человѣколюбіе, котораго онъ не лишенъ, заставитъ его простить принимаемую имъ смѣлость, когда узнаешь причину, понудившую его взять оную. По щастію, Сиръ

Карль въ сію минушу находилсѧ у себя , и пришелъ въ шюрьму съ молодымъ Рузброкомъ. Письмо удивило его ; но удивленіе уступило мѣсто другимъ чувствамъ. Тогда какъ вошелъ въ скаредную комнату, занимаемую Рузброкомъ, обвѣтъ былъ жалостию. Никогда не видалъ онъ споль души рѣздирающаго зрѣлища, и никогда о о не входило и въ мысль его. Видѣлъ онъ война, ибо платье его шаковымъ означало, сидящаго предъ угасающимъ огнемъ, окруженнаго дѣшми; печальное положеніе его возвѣщало бѣдность , а собесѣдница его нещастія обращала на дѣшей своихъ нѣжные и горестные взоры.

Нѣсколько минутъ Рузброкъ не имѣлъ возможности говорить; благодарилъ наослѣдокъ благотворительнаго человѣка, пришедшаго къ нему, за благосклонность его ; въ короткихъ словахъ со-

общилъ ему о причинѣ, для которой желалъ видѣть его, и окончилъ, подавъ ему въ руки письмо Аминны. Сиръ Карлъ съ удивленіемъ и ужасомъ читалъ оное. Великій Боже! вскричалъ онъ, какой извергъ человекъ сей! Я не знаю особы, заставившей васъ опрестись ко мнѣ; но могу подтвердить вамъ истинну всего сказаннаго здѣсь о Бельгавѣ.

При объясненіи семъ, Миссрисъ Рузброкъ, пораженная мыслию, что едва не погубила дочь свою, отдавъ ее Бельгаву, опчаявшись опнынъ и з в л е ч ь мужа своего изъ темницы, и раздираемая угрызеніями о томъ, что споль худо поступила съ особою, доставившею ей такое спасительное увѣдомленіе, упала на полъ, не возмогши удержаться на ногахъ опъ таковыхъ ужасныхъ движеній. Сиръ Карлъ под-

нялъ ее; ибо трепещущая рука Рузброка отказалась отъ услуги сей. Несчастная женщина! вскричалъ Рузброкъ: разрушеніе всѣхъ ея надеждъ доставило ей надмѣру жестокій для нее ударъ. Брызгали ей воды въ лицо; сію только одну помощь могли доставить въ той комнатѣ. Пришедъ въ чувство, первый предметъ, поразившій взоръ ея, была Эмилія, блѣдная и упоающая въ слезахъ, копорую отецъ ея велѣлъ позвать въ свою темницу. О дитя мое! вскричала она, прижимая ее къ груди своей: прости твоей матери, сіюль близко бывшей къ тому, чтобъ утвердить тебѣ непремѣнную гибель! О дѣти мои! говорила она къ другимъ: изъ любви къ вамъ хотѣла я пожертвовать моею любовью, моею милою дочерью. Краснѣю, трепещу, когда подумаю о поступкѣ моемъ про-

пивъ шой молодой и несчастной особы, которая, какъ Ангелъ хранитель, спасла мою Эмилию отъ пропасти, куда она готова была низвергнуться. Но сіи плачевныя стѣбны, продолжала она упоая въ слезахъ, изъ коихъ мужъ мой не имѣетъ надежды выдти, сокроютъ опнынѣ мой спыдѣ и горестъ мою !

Пожалуйте не предавайтесь, сударыня , такому опчаянію , сказалъ ей Сирѣ Карлѣ крѣпкимъ и доброхопнымъ голосомъ; а вы, продолжалъ онъ , оборошась къ Г. Рузброку, простите миѣ, естль ли спрощу у васъ о нѣкопрыхъ подробностяхъ вашего несчастнаго положенія , и о произшествіяхъ , до онаго васъ доведшихъ. Рѣчь его и поступки заключали столько крѣпости и благопріятства , что Рузброкъ , которому гласъ благошворительности давно уже чуждѣ былъ ,

вкратцѣ сообщилъ ему исторію о своихъ несчастіяхъ. Бинглей слушалъ его съ великимъ вниманіемъ; и, выходя отъ него, взялъ его за руку, и прощался съ улыбкою, подобною той, каковою возможно полагають на лицѣ Ангела утѣшителя, ниспосланнаго съ неба, дабы излишь бальзамъ состраданія на раны разперзаннаго сердца.

На другой день по утру онъ возвратился; лице его было весело, и всѣ черты онаго изображали благополучное чувство. О вы всѣ, чада безумія, роскоши и распочительности! никогда не испытаете вы удовольствія подобнаго тому, какое ощущалъ Сиръ Карлъ, вошедъ въ комнату Рузброка, дабы сказать ему, что онъ былъ свободенъ, — тогда, какъ чувствительностію прерывающимся голосомъ онъ сообщилъ сіе пріятное извѣстіе, и вни-

шалъ маленькихъ дѣтей съ удивленіемъ повторяющихъ слова его, и видѣлъ отца и мать отъ удивленія и восторга въ безмолвіи другъ на друга взирающихъ!

Рузброкъ наконецъ хотѣлъ изъяснить ему свою признательность. Сиръ Карлъ остановилъ его. Соспоянiе мое, говорилъ онъ ему, довольно хорошо, и гораздо выше нуждъ моихъ: какое же лучше могу я сдѣлать употребленіе моему излишеству, какъ не то, чтобъ возвратить свободу человѣку, съ пользою служившему его отечеству; который имѣетъ семейство, и который можетъ научить дѣтей своихъ подражать ему? Да возможетъ свобода, получаемая вами, привести съ собою какое либо вамъ благополучіе! Вы свободны. Я надѣюсь, что дружба наша, начавшаяся въ семъ

печальномѣ мѣстѣ, продолжится во всю жизнь нашу.

Все семейство сопровождено было къ Мистриссѣ Коннель, гдѣ Сирѣ Карлѣ былѣ наканунѣ, дабы возвѣспитъ о ихѣ освобожденіи, и велѣшь сдѣлать нѣкоторыя приугоповленія принять ихѣ. Освѣдомлялся шутѣ о Сиппорпѣ, или, лучше сказать, о Бельгравѣ, которому располагался онѣ сдѣлать укоризны за безчестныя его предпріятія противѣ Миссы Рузброкѣ; но Бельгравѣ оставилѣ домѣ пошчасѣ, какѣ начерталѣ свой планѣ въ разсужденіи Аминты. Весьма возмущаема была радость Рузброкѣ, когда узнали они, что Аминты уже не было болѣе у Мистриссы Коннель. Изѣ всего сказаннаго прошивѣ нее Бельгравомѣ не повѣрили бы они ничему, еспѣ либѣ не подтверждалѣ по видѣ сокровенности, въ которой она

облекалась. Важная услуга, отъ нее имъ оказанная, заслуживала всю ихъ признательность; хотѣлось имъ объяснить ей оную. Хотя наружности были противъ Аминшы, но въ ту же минуту Миссриссъ Рузброкъ изъяснила мысль свою, что можетъ быть Бельгравъ злословилъ Аминшу, дабы исполнилъ ужасныя свои противъ нее намѣренія. Мысль сія поразила Сира Карла, и онъ рѣшился сыскать Бельграва и узнать отъ него, не было ли какой истинны въ сказанномъ имъ объ Аминшѣ. Щастливый случай доставилъ ему съ нимъ встрѣчу въ трактирѣ, гдѣ они и пошъ и другой остановились. Не могъ онъ скрыть даже ни на минуту презрѣнія, ощущаемаго имъ къ Бельграву; и какъ только успѣлъ войти въ комнату, то и началъ укорять его въ недостойныхъ умыслахъ противъ Миссы

Узброкъ; умыслы крайне гнусныя, для того что извѣстному было, что наносилъ ударъ сердцу отца, кошорому несчастное положеніе его не оставляло возможности защититься отъ него, или опмститься за него. Бы, сказалъ ему Сиръ Карлъ, не только гонитель, но и жестокой оболгатель невинной и добродѣтельной дѣвицы; и я очень увѣренъ, по всему происшествію и по всему видимому мною, что всѣ обнесенія ваши прошивъ Миссы Фитзаланъ были шакія же коварныя клеветы.

Ахъ! вы можете, отвѣчалъ Бельгравъ, покрыть ихъ сомнѣніемъ, естли вамъ сіе приноситъ удовольствіе; но совѣтую вамъ не всякому извѣщать, что вы взялись бытъ ея шпиономъ.

О Бельгравъ! вскричалъ Сиръ Карлъ: можете ли вы безъ угрызенія помыслить, что вы похи-

пиди не только честь, но въ сей часъ и жизнь у милаго сего шворенія?

Жизнь! съ ужасомъ повторилъ Бельгравъ, что вы хопите сказать?

Я хочу сказать, что Аминта Фипзаланъ, повергнутая вами въ бездну несчастій, и не возмогши снести ихъ, теперь на смертномъ одрѣ. Бельгравъ измѣнился въ лицѣ, прелепалъ и просилъ Сира Карла проспраннѣе обьясниться.

Сиръ Карлъ замѣтилъ, что онъ сильно былъ пронутъ; и уповая, что сіе движеніе возможетъ довести его до нѣкоторыхъ признаній, сообщилъ ему всѣ требуемыя имъ подробности, и положеніе Аминты описалъ ему самымъ жалостнѣйшимъ образомъ.

Аминта была единая женщина, которая когда либо прону-

ла сердце Бельграва. Душа его, объявая чувствомъ ужаса и ослабѣвшая отъ страха, слѣдующаго за злодѣяніемъ учиненнаго имъ убійства, не могла противустоять умноженію горести, причиняемой картиною соспоянія Аминты. Она умираетъ? говорите вы, повторялъ онъ. Аминта Физзаланъ умираетъ; такъ, она становится щасливою: ее ожидаетъ небесное блаженство; самыя Ангелы не могутъ быть чище ее.

И такъ ты, вскричалъ Сиръ Карлъ, мерзкое чудовище! и въ самое сіе время положилъ руку на ефесъ своей шпаги.

Разите! сказалъ Бельгравъ съ видомъ заблужденнымъ; смерть освободитъ меня отъ ужаснаго чувства, какое къ самому себѣ имѣю. Смерть отъ руки вашей предпочтительнѣе безчестнаго конца меня ожидающаго: ибо я

вамъ сказываю, что я вчера въ вечеру учинилъ смертоубійство.

Сирѣ Карлѣ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

Такъ, говорилъ онъ, я виновенъ въ убійствѣ. Разите! я не подниму руки прошивъ васъ; злочеспіемъ сочту покуситься на такую жизнь, какъ ваша, все-совершенно добродѣтельнымъ дѣйствіямъ посвященная, и лишитъ несчастныхъ опоры, въ васъ ими находимой.

Сирѣ Карлѣ, прерпешавъ отъ сего разговора, и бывъ при томъ весьма пронувъ, требовалъ тому обьясненія; а Бельгравъ, допрашиваемый, такъ сказать, собственною своею совѣстію, ощущалъ нѣкоторое облегченіе, учинивъ оное такому челювѣку, которому могъ онъ ввѣриться. Разказалъ ему свои ухищренія, свои заговоры прошивъ Аминпы, и открылъ предъ нимъ цѣпь ужасовъ.

Нѣтъ, сказалъ Сиръ Карлъ выслушавъ его, безчеловѣчно и низко бы было того поражать, на кого рука Правосудія уже подвѣша. Да возможетъ раскаяніе удалить отъ васъ наказаніе!

Не удобно описать восхищенія Сира Карла, видя Аминшу оправданную. Нѣжный отецъ, обрѣтающій любезное дитя, которое считалъ погибшимъ, не можетъ ощущать превосходнѣйшаго удовольствія. На другой день по утру потчасъ, какъ было возможно войти къ Мистриссѣ Коннель, онъ пришелъ туда, и имѣлъ удовольствіе узнать, что Аминта спала еще спокойнымъ сномъ, отъ котораго уповали наилучшихъ дѣйствій. Разказалъ онъ Рузброку и женщинамъ все, что наканунѣ происходило между имъ и Бельгравомъ, и сообщилъ имъ свою радость, которую они съ нимъ дѣлили, и которою онъ

ушѣшались сполько же для него, какъ и для Аминшы. Мисприссѣ Рузброкъ и Эмилиа препроводили подлѣ Аминшы прошедшую ночь, весьма для нее дурную, въ продолженіе которой чувствва ея къ ней не возвращались; но около утра, Аминша впала въ глубокой сонѣ. Было уже даале полудни, когда она пробудилась; сначала не чувствовала, какъ шолько пріятную слабоспѣ, не имѣя еще особенной мысли о своемъ положеніи. Мало по малу возвратились къ ней ея воспоминанія, и при скорбіе познать, гдѣ она была; ничего не помнила она съ самой той минушы, въ которую вспрѣшила Сира Карла; тихонько открыла свой занавѣсѣ, и съ неизвясненнымъ удовольствіемъ увидѣла Эмилию въ ногахъ ея постели сидящую, которая, пошчасѣ вставъ и съ восхищеніемъ поцѣловавъ ее, спрашивала, ка-

ково она себя чувствуетъ? О! какъ сладостенъ и утѣшительнъ былъ гласъ сей слуху Аминшы! наипрїяпнѣйшая музыка не могла бы сослѣдовать ей такого удовольствїя; упоенно было сердце ея, и насыщались глаза доброхотствомъ, разсѣяннымъ во взорахъ Эмилии. Наконецъ, голосомъ еще слабымъ, сказала она: не могу я болѣе сомнѣваться въ моемъ спасенїи, потому что нахожу себя съ Эмилиєю.

Мисприссъ Рузброкъ, которая ходила къ своему мужу, вошла въ сію минуту. Удовольствїе ея, увидя Аминшу въ выздоровленїи, было столь же велико, какъ и то, каковое симъ доставлялось ея дочери; но воспоминанїе о ея поступкѣ еще держало ее въ отдаленїи. На послѣдокъ подошедъ къ ней, сказала она: я стыжусь, и соболѣзновать буду во всю жизнь мою о томъ, что

могла возвѣмѣть сомнѣніе противъ васъ ; но открытіе вашей невинности самимъ вамъ не можеть болѣе принести удовольствія , какъ мнѣ.

Моя невинность открыта ? сказала Аминта поднявъ свою голову ; о праведное Небо ! да какъ ? и какимъ средствомъ ? скажите мнѣ о томъ , убѣдительно прошу васъ.

Миссриссъ Рузбрукъ спѣшила ее удовольствовать , и рассказала ей все , что слышала отъ Сира Карла . Повѣствованіе сіе совсѣмъ оживило Аминту ; но слушая оное , текли слезы ея , и величайшее ощущала движеніе . Миссриссъ Рузбрукъ сего спрашила , и уговаривала ее успокоиться .

Не опасайтесь слезъ сихъ , сказала ей Аминта ; онѣ мнѣ никакого вреда не сдѣлають . Давно уже , очень давно не пла-

кала я отъ радости; и поднявъ глаза къ небу, просила Бога, наиблагодѣйшими благословеніями своими вознаградить великодушіе, оказанное ей Сиромъ Карломъ, и низпослать благодать свою Рузброкамъ. Успокоясь о собственной своей участи, спѣшила съ великимъ тщаніемъ заняться Оскарвою; и не взирая на предостереженія Миссриссы Рузброкъ, которая спрашивалась, чтобъ она не предприняла болѣе, нежели позволяли ей силы ея. Послѣ обѣда встала она, чтобъ идти въ залу, рѣшась уведомить Рузброка и Сира Карла, которыхъ великодушіе къ ней заслуживало всю ея довѣренность, о истинныхъ причинахъ ея путешествія въ Лондонъ, равно какъ и о всѣхъ дѣлахъ, какія нужно было сообщить имъ; и просить ихъ также сдѣлать всевозможныя разысканія, дабы открыть ея

брата. Эмилиа помогла ей одѣться, и подала ей руку, чтобъ проводить ее въ залу. Сиръ Карлъ во весь день шутъ оспаивался; и когда она входила, сиръ пошелъ къ ней навстрѣчу, и принялъ ее съ нѣжнымъ и сострадательнымъ видомъ. Слабость ея и блѣдность доказывали разстройку, причиненную ей горестію души и болѣзнію. Взоры Сира Карла гораздо болѣе, нежели слова, выражали чувства его. Хотя изъяснялся онъ со всею нѣжностію, и казалось, что шрепешала рука его, когда прижималъ ею къ груди своей руку Аминшы.

Сиръ Карлъ! сказала она ему: моя признательность къ вамъ превышаетъ всякаго выраженія, и не иначе, какъ съ жизнію моею окончится.

Сиръ Карлъ убѣждалъ ее не говорить ему о благодарности; во всемъ учиненномъ мною для васъ,

сказалъ онъ ей, я прудился болѣе для самого себя; ибо не могу быть покоенъ, когда вы несчастны.

Рузброкъ подошелъ къ ней, дабы принести ей свою благодарность; но она, равно какъ Сиръ Карлъ, удалила рѣчь сію. Мысль, что опшныя была она въ безопасности, и обязательныя поличенія, которыхъ была она предметомъ, доспазляли ей спокойствіе духа, какое давно уже ей не извѣстно было. Воспоминаніе прошедшихъ опасностей гораздо сдѣлало для нее пріятнѣе наслажденіе настоящей благонадежности. Видя благополучіе Рузброка, съ великимъ прудомъ могла она воспрешить себѣ опдать справедливыя похвалы соорудившему блаженство сіе. Но судила о сердцѣ Сира Карла по своему собственному, и не допустила себя превозносить его,

увѣрена будучи, что молчаливое уваженіе сердца предпочишаетъ онъ всѣмъ восклицаніямъ, какія ухо можетъ слышать.

Послѣ чаю, Сиръ Карлъ, господинъ и госпожа Рузброкъ и Эмилиа оспались одни въ залѣ. Тутъ сдѣлала она имъ довѣренность, которую рѣшилась учинить имъ. Они слушали ее съ великимъ вниманіемъ, и съ крайнимъ удивленіемъ и состраданіемъ; и когда она кончила, Сиръ Карлъ и Рузброкъ объявили твердое свое рѣшеніе услужить ей. Послѣдній, оказавшій великое движеніе при ея повѣствованіи, увѣрялъ ее, что онъ не сомнѣвался очень скоро имѣть возможность доставить ей извѣстіе о братѣ ея.

Увѣреніе сіе весьма сладостно было для сердца Аминшы, и располагало ее къ спокойной ночи; она удалилась довольно рано. Сонъ ея былъ продолжителенъ и

безмятеженъ. На другой день вспала она къ завтраку. Вотъ! сказалъ ей Рузброкъ, я вчера ввечеру сказалъ вамъ, что скоро буду въ состояніи доставить вамъ извѣстіе о вашемъ братѣ, и не обманулся въ томъ.

О Небо! вскричала Аминша: не уже ли дѣйствительно вы что нибудь узнали о немъ?

Успокойтесь, моя вселюбезная, сказалъ онъ ей, взявъ ее за руки, съ видомъ весьма огорченнымъ и ласковѣйшимъ; такъ, я нѣчто провѣдалъ о немъ; но...

Но что? сказала Аминша, движеніе кошпорой умножилось.

Увы! говорилъ онъ ей, и онъ также имѣлъ горести въ теченіи жизни своей; но подумайте, что горести его миновались, и что повѣствованіе о нихъ не должно быть новою для васъ причиною къ сираданіямъ.

О! скажите мнѣ, убѣдительно прошу васъ, прервала Аминта : гдѣ онъ? увижу ли я его?

Такъ, прервалъ Рузброкъ, вы его увидите; и чтобъ не мучить васъ долбе неизвѣстностію, скажу вамъ, что онъ уже нѣсколько мѣсяцовъ въ той ужасной пемницѣ, откуда извлеченъ я великодушіемъ Сира Карла.

О братъ мой! проливая слезы сказала она.

Вчера только ввечеру узналъ я, что онъ братъ вашъ, потому что истинное имя ваше мнѣ было не извѣстно. Я сказалъ о семъ Сиру Карлу, который сего утра пошелъ его увидѣть, и конечно приведетъ его къ вамъ; но должно ожидать вамъ великую найпи въ немъ перемену. Съ свободою и щастіемъ, скоро также возвратитъ онъ и здоровье свое. Постойте, я слышу кого-то по лѣспницѣ идущаго.

Аминта хотѣла встать , и опять упала на спулъ свой. Дверь отворилась, и вошелъ Сиръ Карлъ преслѣдуемый Оскаромъ. Хотя и приуготовлена была увидѣть его измѣнившимся, жестоко однако же поражена она была переменю, какую видѣла въ немъ: блѣденъ и худъ, прекрасные волосы его въ безпорядкѣ, былъ онъ болѣе завернутъ, нежели одѣтъ, въ старрой солдатской плащъ. При приближеніи его Аминта вспала.

Аминта! любезная сестра моя! вскричалъ онъ. Шатаясь на ногахъ, подошла она къ нему, и упавъ на грудь его, дала свободное печеніе радостнымъ слезамъ. Оскаръ прижалъ ее къ своему сердцу; съ восторгомъ она смотрѣла на него; но ослабѣвала радость ея, когда размышляла о переменѣ лица его; не меньше чувствительна была и та, какую онъ находилъ въ ней тогда, какъ

она въ немъ оную замѣчала ; ибо черты лица Аминшы, блѣдной и убитой нещаспемъ , и печальная ея одежда, возвѣщали вдругъ и о страданіяхъ ея , и о невозвратной ихъ потерѣ, случившейся послѣ послѣдняго ихъ свиданія.

О родитель мой ! спеная говорилъ Оскаръ : ты былъ тогда съ нами , когда видѣлъ я въ послѣдній разъ сестру мою ! Произнося слова сіи, еще гораздо крѣпче прижалъ Аминшу къ своему сердцу , какъ будто бы болѣе любезною становилась она ему при воспоминаніи о потерѣ , которую приводилъ себѣ на мысль.

Не можемъ мы , говорила Аминша , воспрешить себѣ его оплакивать ; но естлибъ онъ жилъ , какихъ бы не претерпѣлъ онъ мученій, бывъ свидѣтелемъ нещаспій дѣшей своихъ , не имѣя возможности вспомошествовать имъ !

Добро! сказалъ Капитанъ Руброкъ, котораго омоченныя глаза, равно какъ оныя и у всѣхъ шупѣ присутствующихъ означали, сколь пронуты они были сею сценою, — не спанемъ отправлять настоящаго благополучія нашего воспоминаніями прошедшихъ плачевныхъ несчастій нашихъ. Всѣ мы въ жизни сей должны гововишься къ пошерямъ такоаго рода, какою вы оплакиваете.

Какъ скоро Оскаръ и Аминта начали спановишься гораздо покойнѣе, то оставили ихъ вмѣстѣ, и Оскаръ удовольствовалъ нешерпѣливостъ сестры своей, рассказавъ ей, что случилось съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ расстались они въ Дублинѣ. Началъ онъ съ привязанности его къ Аделии, и произшествій, которыя заснавили его лишиишься оной; но извѣстна уже чипашелямъ

нашимъ сія часть его исторіи ,
и такъ мы помѣстимъ здѣсь
только ссору его съ Бельгравомъ,
о которой онъ рассказывалъ сестрѣ
своей.

Г Л А В А 3.

Поѣхалъ я изъ Эннискелина ,
говорилъ Оскаръ , въ величайшей
горести , пошому что выѣжалъ
изъ онаго съ тою мыслию , что
никогда уже болѣе не увижу
Аделию ; однако же съ прискор-
біемъ симъ очень радовался я ,
что не слѣдуетъ она за своимъ
мужемъ : ибо еще бы мнѣ ужас-
нѣе было взирать на нее , какъ
на жену Бельграва . Если бы
злосчастіе , приключившееся любви
моей , было дѣйствіемъ ея равно-
душія , честолюбіе мое помогло
бы мнѣ снести ударъ сей ; но

какъ зналъ, что Аделія имѣла ко мнѣ равныя сѣтѣми, какія я имѣлъ къ ней чувства, то мысль сія питала и умножала скорбь мою. Помышленіе о благополучіи, котораго бы я могъ достигнуть, дѣлало меня нечувствительнымъ ко всякому изъ тѣхъ, какія бы я могъ вкушать еще. Должности, возложенныя на меня состояніемъ моимъ, осправлялъ я по одной привычкѣ и безъ всякаго приспрасія; убѣгалъ сообществъ сколько, какъ мнѣ то было возможно, неспособенъ будучи выдерживать шутки моихъ товарищей надъ унылостію моею.

Въ то лѣто, когда вы пріѣзжали въ Ирландію, полкъ нашъ былъ посланъ въ Брай, котораго романическое положеніе доставляло мнѣ множество пріятныхъ и уединенныхъ прогулокъ. Былъ у насъ тамъ одинъ вновь вснупившій въ службу солдатъ,

котораго поступки и свойства были для насъ предметомъ удивленія и переговоровъ; онъ казался быть весьма не низкаго состоянія. Никогда не видывалъ я прекраснѣе спана. Офицеры щепиные дѣлали усилія узнать, что онъ былъ и чѣмъ прежде бывалъ; не допускалъ онъ себя проникнуть, что дѣлало его, естли по возможно, еще болѣе заслуживающимъ любопытство. Молодая и прекрасная жена, которая, равно какъ онъ, казалось происходила отъ высшаго состоянія, но которая, такъ какъ и мужъ ея, довольствовалась своимъ положеніемъ ежели не съ радостію, то по крайности съ покорностію.

Марія имѣла работу почти на всѣхъ Офицеровъ. Генрихъ былъ исправенъ въ своихъ должностяхъ, и оба были любимы, и даже уважаемы. Часто въ уединенныхъ мо-

ихъ прогулкахъ заставлялъ я сію злополучную чету ищущихъ, равно какъ и я, уединенія, дабы въ ономъ предаваться своей печали, и плакать вмѣстѣ, какъ казалось мнѣ, при воспоминаніи щастливѣйшаго времени. Часто видалъ я ихъ съ нѣжностію, смѣшанною съ прискорбіемъ, устремляющихъ глаза на дитя, которое кормила Марія, какъ бы огорчаясь о участи его ожидающей.

Красота Маріи была надмѣру поразительна, чтобъ не привлечь взоровъ Бельграва въ разсужденіи положенія, въ какомъ она находилась; онъ льстился найти въ ней легкую побѣду. Обманулся онъ: съ ужасомъ и негодованіемъ отвергла она открытіе его. Желала оставить ихъ въ невѣденіи у своего мужа; но оный былъ увѣдомленъ о томъ отъ своихъ поварищей, которые много разъ видали Полковника

преслѣдующаго Марію. Тогда-то съ горестію почувсвовалъ онъ нещастіе своего положенія! Очень былъ онъ увѣренъ въ женѣ своей; она уже доставила ему непосредственныя доказательства нѣжной своей приверженности; но спрашился онъ для нее поруганій Полковника; бодрость его и ея собственная остерожность служили ей однако же защитою. Раздраженный Полковникъ, видя намѣренія свои испровергнушыми, наконецъ соорудилъ ужаснѣйшій планъ, какой только смогла изобрестьи злоба чловѣческаго сердца.

Отданъ былъ приказъ объ отрядѣ солдатъ, которымъ надлежало опсправиться на одну часть берега, дабы вопрошавишись непріятельскимъ нападеніямъ на оной. Генрихъ былъ назначенъ въ то число; но не находили его, когда надлежало отъ-

ѣзжать. Слуга Бельграва, мерзкой повѣренной своего господина, и доспойный его, предупредилъ Генриха, что Бельгравъ располагалъ воспользоваться его отсутствіемъ, чтобъ посѣтить Марію. Супругъ, прещущій о женѣ своей, рѣшился лучше подвернуться всему, нежели оставишь ее въ такой опасности; скрылся онъ до пѣхъ поръ, какъ отрядъ будетъ отправленъ. Въ слѣдствіе сего нарушенія военного порядка, заслуживалъ онъ арештъ и судъ, которой опредѣлилъ его на завтра прогнать сквозь строй. Судившіе его Офицеры сами въ жестокомъ были прискорбіи, но строгость установленія не позволяла имъ, судить иначе.

Не присуплю я къ тому, чтобъ описывать положеніе юной и несчастной чепы: каждой изъ нихъ страдалъ другъ о другъ болѣе, нежели о самомъ себѣ; но

честполюбіе Генриха умножало еще скорби его.

Видѣвъ я вошедшую ко мнѣ Марію, блѣдну, упопающую въ слезахъ и съ видомъ заблужденнымъ. Бросилась она къ ногамъ моимъ, и поднявъ ко мнѣ свои руки, убѣждала меня предспашельсповать за ея мужа. Я поднялъ бѣдное швореніе, и увѣрялъ ее, что сдѣлаю все, что только возмогу къ спасенію его, хотя ни мало не имѣлъ надежды успѣшь въ томъ. Спѣшилъ я ийти къ Полковнику просить о милости, которую бы потнушался я испрашивать у него для самого себя, но дабы услужить несчастной челѣ, готовъ бы я былъ распянуться у ногъ его.

Полковникъ находился въ парадѣ, и какъ бы проникнувъ мое камѣреніе, старался убѣгать меня; но я не шерялъ бодрости, и съ упорностію пре-

слѣдовалъ его, испрашивая на нѣсколько минутъ поговорить со мною.

Скажише ваше дѣло въ двухъ словахъ! отвѣчалъ онъ мнѣ съ надменностію гораздо болѣе обычной ему.

Я то и сдѣлаю, сказалъ я ему, съ трудомъ удерживая негодованіе свое, и надѣюсь, что сіе будетъ не безъ успѣха.

Въ чемъ же дѣло состоитъ? спросилъ онъ у меня.

Я пришелъ, говорилъ я ему, умолять ваше человеколюбіе, и совсѣмъ не для себя. Тутъ говорилъ я ему о милости къ солдату и Маріи. Бѣшенство и злоба оказались на удовольствительномъ лицѣ его.

Никогда, сказалъ онъ, не сдѣлаю я милости сему прусу! и удивляюсь, какъ вы осмѣлились о ней просить меня.

Ваше удивленіе , сказалъ я ему , не должно быть споль велико , какъ то , которое вы даете мнѣ о жестокости вашей , хотя по всему , извѣстному мнѣ объ васъ , не надлежало бы мнѣ никакому дѣйствію вашему удивляться.

Бѣшенство его сдѣлалось безмѣрно ; онъ спрашивалъ у меня , знаю ли я , кому говорю ?

Съ лишкомъ много знаю , сказалъ я ему , что говорю наигнуснѣйшему и злобнѣйшему человеку.

При сихъ словахъ онъ поднялъ на меня небольшую прость , которую держалъ въ рукѣ . Я болѣе не могъ обладать собою ; бросился на него , выхватилъ у него прость , изломалъ ее , и куски швырнулъ ему въ голову.

Теперь , сказалъ я ему , готовъ я дать вамъ удовольствіе въ томъ , что я выговорилъ вамъ ,

и истинну чего не опрекаюсь подшверждать, подвергая опасности самую жизнь мою.

Нѣмѣ, сказалъ онѣ сѣ холодностію и размышляющею злобою ; другаго рода удовлетвореніе нужно мѣ.

Нѣкоторые офицеры, подошедѣ къ намѣ, желали вступиться ; но онѣ сѣ надменностію налагалъ имѣ молчаніе, и велѣлъ шопчасѣ арестовашъ меня.

Тогда видѣлъ я участь мою опредѣленну, и рѣшился сѣ бодростію сносить оную, и не подавашъ Бельграву никакого поржества надѣ свойствомѣ моимѣ. Я былѣ подѣ карауломѣ вѣ моей комнаѣ, а Генриху на другой день по утру опредѣлено было претерпѣть воинское наказаніе, къ которому онѣ осужденѣ былѣ. Не стану я, любезная сестра, раздирашъ швою чувствительную душу, описывая теперѣ, какѣ

то рассказывалъ мнѣ одинъ изъ его товарищей, о разлукѣ супруговъ, опчаяніе матери, вопль дѣшей! Честолюбіе, негодование, нѣжность, жалость — вдругъ осаждали душу Генриха, и изображались на лицѣ его и во всѣхъ поступкахъ. Усиливался онъ преодолѣвъ самого себя; но пришедъ на мѣсто казни, не могъ онъ болѣе овладѣть своими чувствами. Благородное его сердце не могло выдержати мысли о посрамленіи и безчестіи: смертная блѣдность обвѣяла его; онъ упалъ въ руки одному солдату, и умеръ съ именемъ Маріи во устахъ.

Въ четвертый день послѣ сего печальнаго происшествія, я былъ судимъ, какъ и ожидалъ того, военнымъ судомъ, и опшавленъ при собраніи всего полку, за неуваженіе къ начальствующему Офицеру. Удалился я въ постоялый дворъ, бѣдный

и опдаленный въ сосѣдствѣ Брам. Не могу вамъ описать положенія души. Безъ друзей и безъ денегъ, опъ сей минушы считалъ я себя впредь совсѣмъ ненужнымъ въ свѣтѣ.

Одинъ молодой Порупчикъ, съ которымъ имѣлъ я тѣсное знакомство, пришелъ посѣпить меня въ моемъ убѣжищѣ. Оказанное имъ прискорбіе о состояніи, въ какомъ онъ меня видѣлъ, извлекло меня изъ крайняго унынія, до котораго я доходилъ. Гласъ дружбы проникъ до глубины сердца моего, и постепенно улаждалъ мои печали. Онъ спрашивалъ меня: сдѣлалъ ли я въ разсужденіи самаго себя какое либо расположеніе? Я сказалъ ему, что нѣтъ; для того что не зналъ, за какое и приняться, потому что не имѣлъ ни друзей, ни помощи употребить ко исполненію онаго. Онъ

взялъ меня за руку ; сказалъ мнѣ , что буду имѣть и по и другое ; что онъ напишетъ въ Лондонъ къ одному изъ друзей своихъ , имѣющему великія владѣнія въ Америкѣ , и что онъ меня туда отправитъ , если только я на сіе согласенъ буду . Я сказалъ ему , что сіе было точно то , чего бы я желалъ просить , и свидѣтельствовалъ ему за то всю свою признательность .

Въ вечеру того же дня получилъ я посланіе отъ несчастной Маріи : она убѣждала меня придти съ нею повидаться ; а солдатъ , пришедшій отъ нее , сказывалъ мнѣ , что она умираетъ . Она была въ постелѣ , и подлѣ нее находилась жена одного солдата , которая призидала ее . Заходящее солнце ударяло въ ея комнату и на постелю ея , и окружало ее нѣкоторымъ

родомъ сіянiя. Красота , причинившая ей нещастiе , была помрачена болѣзнію ; но она отъ того еще прогашельнѣе казалась. Рыданiя ея и слезы долго препятствовали ей произнести какое либо слово. Наконецъ слабымъ голосомъ сказала она мнѣ : я посылала васъ искать , государь мой , для того что извѣстны мнѣ ваша благость и человеколюбiе ваше , которыя извиняли меня предъ вами ; знаю , что не откажешесь вы отъ добраго дѣйствiя , могущаго излить нѣкоторое утѣшенiе на послѣднiя мои минушы.

Тутъ сказала она мнѣ причину , которую имѣла посылать за мною. Просила меня вручить ея опцу , человеку богашому , живущему въ Дублинѣ , дiя , котораго она имѣла отъ нещастнаго Генриха , и велѣла ее погребсти подлѣ мужа ея. Генрихъ

былъ сынъ одного богатаго купца ; семейство его и Маріино были дружны , и взаимная ихъ привязанность началась съ самой юности . Отецъ Генриха испыталъ презрательность щастія . Родители Маріи объявили ей , что не должна она болѣе помышлять о соединеніи съ своимъ юнымъ другомъ . Онъ тайно обвинчался , и каждой изъ нихъ пребывалъ въ немилости у своихъ родителей : Генриховы укоряли его въ томъ , что учинилъ подлость , войдя въ презирающее его семейство ; а Маріины обвиняли ее въ нарушеніи родительской власти . И такъ они оба необходимостію принуждены были избрать такое соспаніе жизни , къ которому они не были рождены . Но , прибавила она , я льщусь , что негодование отца моего не преслѣдуетъ меня даже до гроба , и что будетъ онъ

покровительствовать сего маленького сироту.

Я обѣщалъ ей свято исполнить пребуемое ею; и чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ я ее оставилъ, она умерла. Я находился при ея погребеніи, и отвезъ дитя ея въ Дублинъ.

Удивленный отецъ, жестоко оскорбляясь, сожалѣлъ, но уже поздно, о томъ, что оказалъ толкую жестокость; принялъ младенца въ свои руки, и пролилъ надъ нимъ слезы раскаянія.

Доспалъ я себѣ рекомендабельныя письма, и отправился въ Англію, написавъ прежде прощальное письмо къ родителю моему, и другое Мисприссѣ Марловъ, въ которыхъ увѣдомилъ ихъ о намѣреніи моемъ оставить Государство.

Какъ скоро только нашелъ я себѣ маленькую квартиру въ городѣ, пошелъ къ человѣку, ко-

порому было обо мнѣ писано ; но посудите о моемъ смятеніи , когда узналъ я , что онѣ отпра-вился въ западную Индію ! Вошелъ я въ кофейной домъ , съ намѣреніемъ сообщить о сей неудачѣ пріятелю моему , молодому Офицеру . Между тѣмъ какъ ожидалъ чернилъ и бумаги , взялъ я еженедѣльное изданіе и окинулъ глазами — о моя любезная Аминта ! какимъ ударомъ былъ я пораженъ , читая въ оныхъ о смерти отца моего ! Сожалѣнія мои о немъ , прискорбіе о тебѣ , осаждали сердце и голову мою ; и не могъ я выдержатъ сего сраженія : упалъ безъ чувства ; отнесли меня на мою кварширу ; положили въ постелью , гдѣ лихорадка цѣлыя двѣ недѣли меня выдержала . Въ продолженіе моей болѣзни принужденъ былъ испратить малосшь денегъ , у меня оставшихся , и

весьма задолжалъ хозяевамъ этого дома. Когда я нѣсколько по-выздоровѣлъ, и когда они представили ихъ счесть, я ошкоро-венно обьяснялся, что не въ силахъ былъ заплатить имъ. Въ слѣдствіе сего меня задержали, и не допусти-ли взять изъ малаго имущества моего ничего, кромѣ плащя и двухъ рубашекъ. Вообразите опчаяніе мое, когда видѣлъ я себя угрожаема вѣчною неволею, и когда размышлялъ о вашемъ положеніи! Тысячу разъ собирался я писать къ вамъ, но удерживалъ себя опъ того, опасаясь умножить мученія ваши, доставивъ свѣденіе о моихъ, и бытъ вамъ въ шягость, вмѣсто того, чтобъ принести собою нѣкоторое вспоможеніе. Сообщество Капитана Рузброка услаждало невольничество мое. Очень видѣлъ я, что дѣлалъ въ немъ невозвратную потерю; но опъ того не

меньше чистосердечно радовался, видя его возвращающимъ свою свободу. Ни мало не помышлялъ я о томъ, чтобъ избавленіе его привлекло за собою и мое. Сего упра возвратился онъ ко мнѣ, сопровождаемъ Сиромъ Карломъ. Оба они помаленьку приутопили меня къ добрымъ извѣстіямъ, какія имѣли сообщить мнѣ. По истиннѣ могу сказать, что увѣдомленіе, сдѣланное мнѣ ими о великомъ ожидающемъ меня богатствѣ, не доставило мнѣ с ш о л ь к о удовольствія, какъ увѣреніе, данное мнѣ отъ нихъ, что скоро могу васъ увидѣть. — А бѣдная моя Аделія, съ самаго заключенія моего, н и ч е г о не слыхалъ я объ ней! но трепещу помышляя, что должна она претерпѣвать, живучи подъ властію Бельграва; ибо доброй старой Генералъ умеръ скоро послѣ отъѣзда моего изъ Эннискелина.

Я имѣю причину такимъ образомъ о томъ судить по тому, что пишеть ко мнѣ Миссисъ Марловъ. Любезный мой Оскаръ! говоритъ она мнѣ, не сожалѣйте надмѣру много о добромъ вашемъ другѣ, старомъ Генералѣ; лучше порадуйтесь, узнавъ, что онъ похищенъ отъ свѣта прежде, нежели бы были послѣдніе дни его оправлены зрѣлищемъ злополучія его любезной дочери.

О сестрица! продолжалъ Оскаръ, испуская тяжкій вздохъ, между тѣмъ какъ слезы его смѣшивались съ слезами Аминты: должно, чтобъ въ свѣтѣ семъ мы никогда не наслаждались полнымъ и совершеннымъ благополучіемъ, и чтобъ мы всегда имѣли о чемъ сожалѣть и чего желать. —

Оскаръ при окончаніи своего повѣствованія оказалъ Аминтѣ

на всемъ лицѣ своемъ выраженіе споль глубокаго унынія, что она твердо находилась увѣренною въ томъ, что страсть его къ Аделіи была неизлѣчима; и съ лишкомъ вѣрно было, что ни разсудокъ, ни отсутствіе, ни время, не могли доставить никакого уменьшенія оной, и что возвращаемая ему свобода и богатство не могли имѣть для него ни половины цѣны своей, до тѣхъ поръ, какъ въ сердцѣ его пребудетъ чувство о потерѣ Аделіи! —

Когда друзья ихъ вошли опять въ залу, и вновь приносили ему поздравленія о щасливой переменѣ его положенія, уныніе его едва позволяло ему отвѣчать имъ. Какъ Г. и Госпожа Рузброкъ говорили ему о благополучіи, до наслажденія которымъ онъ достигалъ, онъ слушалъ ихъ съ вѣкоторымъ прискорбіемъ; сердце его не согласовалось съ тѣмъ,

что они ему говорили. Однако же богобоязненными своими размышлениями призываемъ былъ къ гораздо разсудительнѣйшимъ чувствамъ признательности прошивъ Провидѣнія, изливающего на него столь неожиданная благодѣянiя. Ропшанiя его и жалобы, послѣ такой благополучной въ положенiи его переменъ, казались ему неблагодарностию. Опытъ долженъ бы уже научить его, что въ мiрѣ семъ нѣтъ совершеннаго благополучiя; и безъ сомнѣнiя спранныя бы была въ немъ надменность, проповорствовать всеобщей участи челоуѣчества. Вдругъ приобрѣсть независимость, доставляемую богатствомъ; имѣть нѣкоторыя средства воздать за одолженiя, полученныя имъ отъ Сира Карла; быть въ состоянiи доставлять утѣшенiе и довольство обожаемой сестрѣ, столько по-

страдавшей; наконецъ, помогашъ несчастнымъ и покровительствовашъ ихъ — сіи — то огньныя будущія егo наслажденія; и столь новыя ему благодѣянія не пребудутъ ли оныя него наживѣйшей признашельности къ Подателю оныхъ? Здравыя разсужденія сіи прогали и успокоивали душу его; крошкое и нѣжное уныніе заступило мѣсто мрачной печали. Всегда помышлялъ онъ объ Аделии, но не съ такою жестокою скорбію, какую ощущалъ онъ столь долгое время. Это было уже родъ нѣжнаго сожалѣнія чувствительной души о смерти друга; а для него Аделия была потеряна, равно какъ бы сошла она во гробъ. Такъ, любезный другъ мой! говорилъ онъ ей, какъ бы уже была она обитательницею небеснаго жилища, мы соединимся въ семъ пребываніи благополучія, кошорое одно

можетъ доставить тебѣ воздаяніе за доброту твою, и вознаградишь за все претерпѣнное тобою.

Тогда былъ онъ въ состояніи разсуждать съ своими друзьями о мѣрахъ, какія надлежало предпринять для утвержденія правъ его. Мнѣніе Капитана Руброка и Сира Карла было то, что довольно для сего дать знать о завѣщаніи Маркизу Рослину, потому что дѣйствительность сей бумаги не можетъ быть имъ оспорима, будучи подтверждена свидѣтельствомъ Лади Дунрапъ, еще въ живыхъ находящейся; и что ежели онъ спанетъ спросивляясь, то и тогда еще будетъ время приступить къ надлежащимъ шагамъ правосудія.

Сиръ Карлъ лично зналъ Маркиза, и имѣлъ также много друзей и знакомыхъ въ сосѣдствѣ замка Рослина. Онъ пред-

ложилъ Оскару отправишься въ Шотландію тогда же, какъ и онъ тамъ будетъ. О с к а р ъ весьма признателенъ былъ за сіе предложеніе, увѣренъ будучи, что подпора челоуѣка, столь всеобща почитаемаго, была бы ему чрезвычайно полезна въ дѣлахъ его.

Сирѣ Карлѣ сказалъ ему, что имѣлъ онъ нѣкоторыя дѣла въ полку своемъ въ Ирландіи; но пробудетъ тамъ не болѣе, какъ нѣсколько дней; и какъ полкъ его былъ на квартирахъ въ Донагедеѣ, то весьма кратко переѣзды опшуда до Порт-Патрика, опкуда въ нѣсколько часовъ явится въ Рослин-Кастлѣ.

Назначивъ день своего отъѣзда въ Ирландію, предложилъ онъ Оскару ѣхать съ нимъ; что сей съ удовольствіемъ и принялъ.

Трепешало сердце Аминшы отъ радости при помышленіи о путешествіи въ Ирландію. Извѣстно было, что побѣдѣ чрезъ Валлиское Княжество, и она усердно желала до сихъ мѣсяцъ сотовариществовать брату своему, чѣмъ оспаться у кормилицы своей Эдвинѣ, откуда часто бы могла она посѣщать Тудор-Галлѣ; бродить въ мѣстахъ, которыя пробѣгала она съ Моршимеромъ, и сказать имъ въ послѣдній разъ прости! ибо рѣшилась она навсегда отсюда удалиться, тогда, какъ узнаетъ о возвращеніи Лорда Моршимера въ Англію. Въ прощаніяхъ сихъ полагала она наименѣе отраду горестямъ своимъ: воображала она, что бесполезно бы было сопровождать брата своего до Шотландіи, и рѣшилась уклониться отъ сего путешествія, развѣ только скажутъ ей, что

Оно необходимо было нужно. Слишкомъ уже превыше бодрости ея то, чтобъ находиться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ имѣла бы почти въ глазахъ своихъ празднества брака Лорда Морпимера, и гдѣ подвергла бы себя вниманью всѣ подробности оныхъ. Сверхъ того не хотѣла дать проникнуть брату своему иайну ея привязанности, будучи увѣрена, что весьма бы огорчился онъ, увидя ее опредѣленную на спрѣданія, какія влечетъ безнадежная любовь, и можетъ быть не въ состояніи склониться на всѣ расположенія, каковыя уже онъ приготавливалъ для благополучія сестры своей. Наконецъ къ симъ причинамъ присоединилось отъращеніе приближиться къ тому мѣсту, гдѣ могла бытъ свидѣтельницею мученія, какое безъ сомнѣнія возчувствуетъ Лордъ Морпимеръ, видя семейство, съ

которымъ онъ соединяется, пораженное жестокимъ ударомъ ему приуготовляемымъ. Трепещало сердце ея, помышляя, что прежде прибытія Оскара въ Шотландію выгоды Маркиза Рослина будущъ твердо соединены съ участвіемъ Лорда Моршимера, и что розыскъ Оскара будетъ успремленъ вмѣстѣ прошивъ того и другаго. Оскаръ не прощивъ ей въ отвращеніи, которое имѣла она къ путешествію въ Шотландію. Согласились ее отъ онаго избавить; ни малой не было необходимости въ ея присутствіи.

Сиръ Карлъ Бинглей былъ также сего мнѣнія, хотя сіе было, тихимъ голосомъ сказалъ онъ ей, въ противность ея собственной выгоды.

Въ сію же бы минушу сообщила она о своемъ желаніи ъхать въ Валлиское Княжество,

естьлибъ не останавливалъ ее страхъ, дасть проникнуть истинное ея къ тому побужденіе. Между тѣмъ какъ колебалась она въ семъ случаѣ, Сиръ Карлъ сказалъ Капитану Рузброку, что онъ испросилъ у одного изъ друзей своихъ, въ шпашской службѣ находящагося, для него должность съ порядочнымъ жалованьемъ; что надлежало ему немедленно отправиться къ мѣсту для него назначенному, въ тридцати миляхъ отъ Лондона. Желательно для него было, чтобъ онъ и Госпожа Рузброкъ съ завтрашняго дня дѣлали приугошленія къ отъѣзду ихъ.

Радость ихъ и благодарность никакъ не находили выраженія при семъ новомъ знакъ благости Сира Карла. Отнынѣ надѣялись они бытъ въ состояніи самимъ себя содержать. Хлѣбъ независимости есть всегда са-

мый вкуснѣйшій, даже и съ прудомъ приобретаемый, который никогда не былъ для нихъ въ тягость.

Слышавъ, что Рузброки намѣревались оставить Лондонъ, Оскаръ съ прискорбіемъ взглянулъ на сестру свою, и взглядъ его, казалось, говорилъ: самъ опшюда удаляясь, чьимъ попеченіямъ ввѣрю я ее? Мистриссъ Рузброкъ поняла сей взоръ, и просила Миссу Физзаланъ бхатъ съ ними въ новое ихъ переселеніе, что учинитъ благополучіе ихъ совершеннымъ. Сія-то была минута, удобная для Аминты обьясниться. Взяла она опшважность, и обьявила желаніе, какое имѣла посѣпить свою усердную кормилицу, и что не хотѣла она пропустишь удобнаго случая, представляющагося ей сдѣлать сіе путешествіе, сопровождая до шѣхъ мѣсѣхъ брата своего. Эми-

лія говорила въ пользу расположенія матери своей; но Аминта, извѣсяняя всю признательность и всю свою нѣжность, дабы усладить отказъ свой, настаивала въ томъ. Оскаръ весьма доволенъ былъ рѣшеніемъ сестры своей, а паче утѣшался надеждою, что природная страна и попеченія кормилицы ея будутъ способствовать къ поправленію ея здоровья. Что касается до Сира Карла, онъ восхищался возможностью, споль великую часть пути своего наслаждаться сообществомъ Аминты.

Когда такимъ образомъ все было расположено, сѣли за столъ, и Сиръ Карлъ ловкою поступкомъ его и живостию ума сославилъ весьма пріятнымъ время обѣда. Рано ушелъ онъ отъ нихъ. На другой день Аминта, сошедъ къ завтраку, нашла путь своего брата, Капитана Рузброка,

Сира Карла Бинглей. Послѣ завтрака Бинглей опшелъ Оскара къ споронѣ, и предложилъ ему самыми оспорожибѣйшими выраженіями бытъ его векседавецемъ; на что Оскаръ съ благодарностію согласился. Послѣ сего принялъ изъ рукъ Сира Карла потребную ему сумму, вручилъ сестрѣ своей нѣсколько банковыхъ билетовъ, для исправленія нужныхъ покупокъ къ ея опѣзду, и для сего, куда надлежитъ, опсправилась она съ Руброками, занимающимися также пріуготовленіями къ ихъ путешествію. По возвращеніи ихъ, Сиръ Карлъ нашедъ Аминту одну, воспользовался симъ случаемъ еще разъ предложитъ ей свою руку.

Искренняя дружба, какую возбѣла она къ нему, заснавляла ее отвѣчать ему въ сихъ словахъ:

„Сирѣ Карлѣ! естълибѣ приняла я великодушное ваше предложеніе, то переспала бы заслуживать десное для меня доброе мнѣніе ваше обо мнѣ, и потеряла бы права и удовольствіе признавать оное; для того что не могу я передать вамѣ себя съ собственнымѣ моимѣ къ себѣ уваженіемѣ. Дружба ваша обязываетѣ меня, прибавила она съ кропкою стыдливостію, объяснился предѣ вами, что прежде, нежели увидѣла васѣ, сердце мое уже было отдано.“

Сирѣ Карлѣ поблѣднѣлѣ; схватилѣ руку Аминпы, вѣ молчаніи прижалѣ оную къ груди своей, и вскричалѣ: Миссѣ Фитзаланѣ! давши мнѣ сей знакѣ великодушной вашей довѣренности, никакой болѣе не встрѣтите оуѣ меня докучливости.

Г Л А В А 4.

На другой день по утру, Оскаръ, Аминта и Сиръ Карлъ пустились въ путь. Рузброки, признававши Аминту за источникъ благополучія ихъ, дѣлали ей печальныя и нѣжныя прощанія, которыя жестоко пронули ее. Путешествіе ихъ въ Валлиское Княжество продолжалось пріятно и поспѣшно; время было прекраснѣйшее. На третій день въ вечеру, при захожденіи солнца, пріѣхали они въ деревню Эдвиновъ. Принявъ нѣсколько пищи и отдохнувъ, Аминта отправилась къ нимъ, сопровождаема своимъ братомъ. Приказала она, чѣмъ имуществу ея гораздо попозже привезли туда. Не хотѣлось ей, чѣмъ Сиръ Карлъ также провожалъ ее; она почти укоряла себя и за то, что была съ нимъ въ путешествіи; ибѣ

страсть Бинглей къ ней, казалось, возрасла во время онаго. Какъ дорого заплачу я, сказалъ онъ ей, подавъ ей руку на лѣспницѣ, за краткіе часы удовольствія, вкушаемаго мною въ присутствіи вашемъ воспоминаніями и сожалѣніями, чрезъ оныя мнѣ оставляемыми!

Аминта просилась съ нимъ, и удалилась отъ него. Оскаръ дошелъ только до околицы, ведущей къ дому; не имѣлъ онъ времени отвѣчать на вопросы, какіе Эдвинъ началъ бы ему дѣлать, и не хотѣлъ, чтобъ новое его положеніе было кому-либо свѣдомо, кромѣ тѣхъ, которые уже извѣстны объ ономъ. Аминта располагалась сказать своимъ хозяевамъ, пришедши къ нимъ, что воспользовалась она сошваричесствомъ двухъ друзей, бѣдующихъ въ Ирландію, чтобъ пріѣхать повидаться съ ними и

провести у нихъ нѣскольکو времени. Оскаръ общалъ ей изъ Ирландіи и потомъ изъ Шотландіи писать къ ней, какъ скоро только повидается съ Маркизомъ; увѣщевалъ ее беречь свое здоровье, и нѣжнѣйшимъ образомъ проснился съ нею. Видя его уныніе, Аминта радовалась, что не сообщила ему о собственныхъ своихъ печаляхъ. Льспилась она нѣжными своими пощеніями усладить горести брата своего; ибо, судя объ Оскарѣ по себѣ самой, не почитала она возможнымъ извлечь изъ сердца его стрѣлу, поразившую оное; но уповала, что авосьлибо удастся сдѣлать оную меньше пронзительною.

Аминта, по отвѣздѣ брата своего, шла тихо; она находилась на той землѣ, которая приводила ей на память тысячу пріятныхъ воспоминаній. Тутъ

нѣкогда бросила она въ послѣдній разъ взоры свои на Тудор-Галль; шупъ - то отецъ ея возводилъ умирающіе глаза свои на колокольню церкви, подлѣ копорой погребена нѣжная его супруга; шупъ Лордъ Морпимеръ имѣлъ привычку выходить къ ней на встрѣчу. Тяготилось сердце ея споль печальными воспоминаніями. Безчисленные вылетали вздохи изъ стѣсненной груди ея; едва удерживала она слезы свои. Все вокругъ ея было пріятно и весело; но ея ни что не утѣшало. Жалобное блѣяніе стада, бродящихъ на ближнихъ пригоркахъ, служило еще къ умноженію ея унынія, и на поляхъ уже означающей видъ осени приводилъ ей на память щасливья времена, въ копорыя съ восхищеніемъ наслаждалась она всею красотою онаго. Заходящее солнце освѣщало окны

Тудор - Галла. Невольно остано-
вилась она, дабы на сей предметъ
устремить глаза свои; и надолго
бы оспалась она въ семъ поло-
женіи, еспьли бы страхъ, бытъ
замѣченною, не принудилъ ее по-
спѣшить своимъ приближеніемъ
къ дому.

Двери онаго были отворены;
она вошла, и находилъ свою кор-
милицу одну, занимающуюся вя-
заньемъ чулка. Чрезмѣрно было
удивленіе ея при появленіи Амин-
ты! она запрепепала, вскочила,
закричала, и съ минутой смотрѣла
на нее съ такимъ видомъ, какъ
будто бы едва вѣрила глазамъ
своимъ. Наконецъ подбѣжала къ
ней, схватила ее въ свои руки
и прижимала къ груди своей.

Милосердый Боже! сказала
она: кто бы могъ ожидать сего!
Прищѣствіе ваше къ намъ столь
же пріятно, какъ милы первые
весенніе цвѣтшы. Мы шакъ много

объ васъ сокрушались, что мужъ мой сто разъ говорилъ мнѣ, что естли бы онъ только зналъ, гдѣ вы находишесь, отправился бы искать васъ. — Аминта доброй кормилицѣ своей соотвѣтствовала равномерными ласками, и потомъ онъ сѣли.

Я очень спрашусь, сказала ей кормилица, нѣжно устремивъ на нее взоръ свой, не надмѣру ли много поспрадали вы съ шѣхъ поръ, какъ я съ вами распалась. Бѣдный любезный Капитанъ! никакъ не думала я, когда онъ съ нами прощался, чтобъ видѣла я его въ послѣдній разъ! — Аминта не могла удержатъ слезъ своихъ, и глубокіе вздохи ея довольно извясняли горестныя ея чувства.

Увы! сказала кормилица, утирая свои глаза концомъ передника своего: малые и великіе, рано или поздно, всѣ должны бышь шамъ; и такъ, любез-

ное дитя мое! не предавайте себя съ лишкомъ много унынію своему. Я слышала еще гораздо прежде сего произшествія, что вы выходите за мужъ за весьма богатаго человѣка; но надмѣру справедливо то, что мужчины, какъ флюгеры, перемѣняются по вѣтру. Однако же, увидя Лорда Морпимера послѣ вашего отъѣзда, кто бы могъ повѣрить, чтобъ онъ когда нибудь пересталъ любить васъ! ибо онъ въ такой печали находился, что жалко на него было сморѣть. Если бы я знала, гдѣ вы были, точно бы сказала ему о томъ. Надѣялась однако же, что онъ отъищеть васъ, какъ вдругъ услышала, вмѣсто того чтобъ васъ искать, онъ женился на знатной Госпожѣ, имя которой предлинное и очень мудрено выговорить, какая-то Шотландка, богатая наследница. Но деньги мынче всё

дѣлають! Все зло, какого я ему желаю, состоить въ томъ, чшобъ она бѣсила его всю жизнь свою! . . . Разговоръ сей надмѣру былъ тягостенъ для Аминны; спаралась она опвратить оный, спрашивая о ея семействѣ. Добрая женщина отвѣчала въ двухъ словахъ, что всѣ здоровы, и продолжала, говоря: вотъ такъ-то нашъ священникъ Говель, котораго всѣ считали швердымъ, подобно Пенмеенмоврскимъ каменнымъ горамъ! ничего не бывало: пошому что и въ полови-ну такъ часто, какъ прежде, не приходилъ къ намъ навѣдываться объ васъ.

Не могла удержаться Амин-та, чшобъ не улыбнуться гнѣву доброй женщины на священника; и опять начинала спрашивать о ея семействѣ. Кормилица сказа-ла ей, что всѣ здоровы, и что пошли на танцы къ мѣльницѣ Ва-

лежской ; что Елена была за мужем за своимъ вѣрнымъ Шипомъ ; что имѣли они на откупъ изрядную землю , и родилась у нихъ дочь , которую мать кормишь , и которой очень хотѣлось ей , по любви къ своей молодой Госпожѣ , дать имя Аминты ; но боялась показаться весьма дерзкою , давъ своей дочери столь прекрасное имя ; что всегда сожалѣла она о томъ , что не находилась болѣе при доброй Госпожѣ своей , и что самый Шипъ не могъ ее утѣшить . Аминта пролила еще нѣсколько слезъ при семъ нѣжномъ объ ней воспоминаніи бѣдной Елены , и поздравляла кормилицу съ благополучіемъ , которымъ она наслаждалась . Кормилица въ свою очередь получила отъ Аминты нѣкопьярыя подробности о случившемся съ нею во время ихъ разлуки , и плакала при повѣствованіи о

спраданіяхъ любезной дочери своей. Спрашивала она объ Оскарѣ. Аминша довольнымъ сочла сказать ей только, что онъ здоровъ. Дѣти рано возвратились съ танцовъ, и удивленіе ихъ, увидя Аминшу, равно было радости ихъ. Одинъ изъ мальчиковъ побѣждалъ сыскашь Елену, и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ нею и мужемъ ея, несущими младенца своего. Елена была преисполнена радости; сжимала Аминшу въ рукахъ своихъ, какъ бы уже не хотѣла болѣе расстаться съ нею, и плакала отъ всего сердца. О! теперь, вскричала она, теперь - то я щаслива! но для чего вы, любезная Госпожа моя, давно не пріѣхали жить съ нами? Вы знаете, что мы бы готовы были сдѣлать все, что только возможемъ, лишь бы доставили вамъ спокойствіе. Пошомъ Елена, испугавшись, не

слишкомъ ли она много приняла смѣлости, съ скромностію нѣсколько отступила, взяла дѣтя свое, и представила его Аминшѣ, копорая ласкала его, и привѣспвовала Шипа шакъ милоспи-во, что Елена чрезвычайно шѣмъ шронуса была. Есльли бы менѣе были болѣзненны горести Аминшы, то весьма бы усладились онѣ усердіемъ добрыхъ сихъ людей; но въ сію минушу ни что не могло вывести ее изъ уныніа. Чемоданъ ея былъ доставленъ; она привезла небольшіе подарки всему семейству, и раздѣлила оныя. Хотѣла поговорить съ ними о ихъ дѣлахъ, но нашла себя неспособною выдержатъ сіе насиліе, и желала идти въ свою комнату. Кормилица не хотѣла ее опуститъ, не подавъ ей отвѣдать своего пива и новаго сыру. Когда же осталась она одна и зашворила дверь,

находила въ сей комнатѣ предметы, копорые приводили ей на память Лорда Морпимера, и умножали печаль ея. Ящикъ, наполненный книгами, отъ него ей присланный, былъ предъ ея глазами: она его открыла, и въ первомъ томѣ, попавшемся ей въ руки, замѣтила она избранныя спроки, подчеркнутыя рукою Морпимера, какъ особенно изображающія его расположенія и чувства его. Сколько воспоминаній книги сїи приводили ей на мысль о щасливыхъ минутахъ, въ семъ жилищѣ ею проведенныхъ! Ночь наступала, а она не могла рѣшиться запереть ящикъ; и когда легла, сонъ ея былъ крапкій и смутный. На другой день, какъ находилась она у завтрака окруженная вѣрною кормилицей и двумя ея дочерми (ибо Елена рано по утру пришла узнать о ея здоровьѣ),

вошелъ Говель. Сказанное кормилицею о перемѣнѣ, произшедшей въ чувствахъ священника, дѣлало посѣщеніе его Аминшѣ гораздо пріятнѣе. Велико было удовольствіе Говеля при свиданіи съ нею; но вмѣсто восхищеній влюбленнаго, была одна крошкая и тихая радость друга. Когда онъ ушелъ, Аминша проводила Елену къ ней въ домъ, и чрезмѣрно утѣшилась чистотою и положеніемъ онаго: онъ былъ расположенъ на полу - горѣ, откуда находился прекрасной видъ къ Тудор - Галлу; все напоминало Аминшѣ Лорда Морпимера, даже самый воздухъ, копорымъ она дышала, и копорой столь часто приносилъ ей звуки голоса, всегда проникающаго до глубины сердца ея.

На другой же день по ея пріѣздѣ, не могла она отказать себѣ печальнаго удовольствія,

самой себѣ обѣщаннаго: бродить въ паркѣ и уединенныхъ прогулкахъ Тудор-Галла. Направила шуда свой путь. Мѣста, наиболѣе сокрытыя и мрачнѣйшія, опдаленностію своею и тишиною наилучше согласовались съ печальными ея чувствами; тамъ, безъ всякой развлеченности и безъ свидѣтелей, могла она предаваться унынію своему, умножающемуся воспоминаніемъ сладостныхъ часовъ, подъ самую сею тѣнію ею проведенныхъ; бросала вокругъ себя унылые взоры, и горесть ея удвоилась при видѣ предметовъ и мѣстъ, напоминающихъ ей о прошедшемъ благополучіи ея. Трепещущимъ голосомъ произносила она имя Моршимера; но въ поже самое время краснѣла, помышляя, что именовала супруга Лади Евфразіи. Вставала, и съ глубокимъ вздохомъ сама себѣ

говорила : пощусь принудить себя быть разсудительною ; постараюсь не питать болѣе воспоминаній , копорыхъ хранишь мнѣ благоприсойность не позволяешь. Однако же останавливалась еще въ лѣсочкѣ, въ копоромъ возрастающая темнота казалось болѣе прибавляла для нее пріятности, тогда, какъ въспрѣ заславлялъ внимать глухое и унылое степеніе верхушекъ деревъ, и приносилъ слуху ея изъ ближайшей избушки грубую музыку деревенской арфы.

Аминта укоряла себя въ томъ ; помышляла о прискорбіи, какое отсутствіе ея могло принести Эдинамъ, и поспѣшала идти. Подходя къ дому, встрѣтила она Эдина, копорой посланъ женою своею искашь ее. Добрая женщина обьясняла ей свои опасенія, чтобъ дальнія прогулки, тогда какъ уже ночь наступала

ла, не причинили ей зла. Очень ей грустно было, говорила она, видѣть молодую особу, столь печальнымъ размышленіямъ предающуюся.

Аминта не ограничивала прогулки свои до Тудор - Галла; она пробѣгала всѣ мѣста, въ коихъ имѣла привычку ходить съ Моршимеромъ. Посѣтила она также гробъ матери своей; горестъ ея при семъ зрѣлищѣ гораздо живѣйшею была предъ тою, какую ощущала она при ономъ въ первый разъ. Приводила себѣ на память всѣ отъ эпохи сей испытанныя ею несчастія, и печали отца своего, и плачевный конецъ онаго. Лишенной опмынѣ, говорила она, предметовъ, которые могли привязывать меня къ жизни; обманушой во всѣхъ моихъ надеждахъ — о! сколь бы для меня пріятно было, чтобъ одна земля приняла въ нѣдра свои

дочь съ матерью! . . . Однако же, о Боже! прибавила она по нѣкоторыхъ размышленіяхъ: какъ возможно мнѣ осмѣливаться роптать и восставать противъ опредѣленій Твоихъ? Прости невольное сіе движеніе сердца, такими горестями раздираемаго, но пронзеннаго најивѣйшею признашельностію за покровительство Твое, изъ толкихъ опасностей меня извлекающее! Должна я покоряться, если по необходимо, участи челоѳчества; участи пои, которая здѣсь покоишся, и которая, въ цѣлѣ молодости и красоты, учинилась жертвою печали подъ косою смерти. Дражайшіе виновники бытія моего! какъ злополучны были судьбы ваши! даже не дозволено ими прахамъ вашимъ соединиться вмѣстѣ; но безъ сомнѣнія въ другомъ блаженѣйшемъ свѣтѣ души ваши соединен-

ны. Дитя ваше щитится подражать вашему примѣру: покорствуя, какъ вы, опредѣленію Небесъ, спанетъ сносить жизнь не въ надеждѣ быть самой когда либо щасливою, но въ покорной увѣренности, что возможетъ она излишь вокругъ себя нѣкоторое благополучіе. —

Таковы были чувства, ощущаемыя Аминшою на гробъ своей мапери, откуда возвратилась она блѣдна и уныла, какъ лилея, которую опягошилъ изобильный дождь и заставилъ преклонить головку.

Въ концѣ недѣли получила она извѣстіе отъ Оскара, коимъ увѣдомлялъ ее, что чрезъ нѣсколько дней пріѣдетъ въ Шопландію. Привезла она съ собою все, что принадлежало къ рисованью, и чрезвычайно желала снятъ различные виды Тудор-Галла; въ сохраненіи оныхъ пола-

гала найпти нѣкоторое удовольствіе , тогда какъ отъ сего воспоминанію ея дражайшаго мѣща навсегда оплучена будешъ.

Не могла она удовлетворить сему желанію безъ помощи кормилицы ; ибо хотѣлось ей снятъ видъ изъ музыкальной залы , чего не возможно ей было сдѣлать безъ позволенія Мисприссы Абергвилли. Сообщила она свое намѣреніе кормилицѣ , копорая покачала головою , какъ бы подозрѣвая , что Аминта другую имѣла побудительную причину дѣлать ей сіе требованіе , кромѣ обѣяваемой ею ; но надмѣру была она усердна къ угожденію своей любезной дочери , чтобъ могла въ чемъ нибудь опказать ей. Тотчасъ пошла къ Мисприссѣ Абергвилли , просить позволенія желаемого Аминшою. Сія отвѣчала , что Аминта можешъ приходишь въ Тудор -

Галль всегда , какъ только ей угодно , не опасаясь быть обезпокоюною.

Не оплагала Аминта воспользоваться симъ позволеніемъ ; но когда вошла , то чувствовала , что много еще надлежало ей времени , прежде нежели могла заняться своимъ намѣреніемъ. Тщешно Природа р а с п о ч а л а предъ нею всѣ красоты свои ; помышляя , что томъ , который давалъ ей замѣчаніе о нихъ , и съ которымъ наслаждалась оными , былъ навсегда для нее пошерянь ; — глаза ея наполнились слезами , и она ничего не могла болѣе видѣть. Постепенно однако же чувства ея успокоились , и она непременно всякое утро приходила въ залу для рисованья ; занятіе сіе приносило горешьямъ ея преходящее услажденіе.

Такимъ образомъ протекли при недѣли , въ концѣ которыхъ

получила она отъ Оскара письмо. Разломивъ печать, и видя, что письмо шло изъ Шотландіи, въ великомъ была она движеніи, которому скоро преслѣдовали удивленіе и радость. Оскаръ увѣдомлялъ ее, что великое дѣло его было кончено безъ всякаго затрудненія; что дѣйствительность завѣщанія находилась неоспорима; что онъ могъ считать себя мирнымъ обладателемъ имѣнія, оставленнаго Мальвинѣ дѣдомъ ея, Графомъ Дунрапомъ; что онъ получилъ уже поздравленія отъ всѣхъ сосѣдей. Не имѣвъ онъ времени, говорилъ онъ, описать ей обстоятельство, пособившихъ въ успѣхѣ, и льстился, что пріятныя извѣстія, содержащіяся въ письмѣ его, заставили ее просипить ему краткость онаго; прибавилъ при томъ, что собирался ѣхать въ Лондонъ съ Карломъ Бинглеемъ,

которой подавалъ ему знаки нѣжнѣйшаго дружества; что онъ отправлялся туда, дабы взять нѣкоторыя мѣры, относительно до новыя его владѣній, а особливо для того, чтобъ возобновить въ себѣ титулъ Графа Дунраша, не для удовольствованія пустой гордости, но изъ уваженія и признательности къ дѣду его, который въ завѣщаніи своемъ изъяснилъ желаніе, чтобъ имя его поддержалось его наследникомъ. Когда дѣла сіи окончатся, онъ поспѣшилъ къ ней, дабы въ ея собесѣдничествѣ найти нѣкое облегченіе мученіямъ сердца его; мученіямъ, которыхъ всѣ дары счастья усладить не могутъ. Онъ надѣялся, говорилъ онъ, также найти ее столь веселою, какъ бываетъ весна, и гоповую сотовариществовать ему, дабы поселилась въ почтенномъ домѣ предковъ ихъ.

Аминта, хопя утѣшенная пріятными извѣстіями ею полученными, не имѣла еще отважно-сти сообщить ихъ Эдвиамъ. Ощущаемое ею удовольствіе нарушалось мыслию о томъ: что возчувствуешь Лордъ Морпимеръ, узнавъ о происшествіи, которое конечно долженствовало посрамить семейство, съ коимъ онъ соединялся? Спѣшила она окончить свое рисованье, предвидя, что не много оставалось ей времени пребыть въ Валлискомъ Княжествѣ. При всякомъ посѣщеніи, дѣланномъ ею Тудор-Галлу, печально помышляла, что было оно послѣднее. Въ одно утро, послѣ ея завтрака, какъ приготовлялась она идти въ бібліотеку, кормилица, вышедшая изъ дому прежде еще, нежели вспала Аминта, вошла съ поропливымъ видомъ, означающимъ, что она хотѣла возвѣ-

спить нѣчто важное и необычайное, и едва дыханіе имѣя: помоги намъ Боже! сказала она попчасъ, какъ могла говорить; спранныя дѣла въ семь свѣтѣ случаются! Спарая Госпожа Абергвилли сего утра наскоро за мною прислала. Я очень удивилась; но сіе удивленіе ничто въ сравненіи того, которое возымѣла я узнавъ, для чего она за мною присылала. Любопытство и неперѣливістьъ мучили тогда Аминшу, которая вскричала: ну! что же она вамъ сказала?

Ахъ! я очень знала, сказала кормилица, смущеніе, которое причину вамъ, принеся такія новости; но естли бы вы начали думать съ сего часа и до завтра, то никакъ бы не отгадали ихъ.

Нѣтъ, нѣтъ, сказала Аминша, я никакъ не отгадаю ихъ,

и для того скажите мнѣ оныя въ двухъ словахъ и поскорѣе.

И такъ вы узнаете, прервала сія женщина; (но, любезное дитя мое, боюсь я, не худо ли вы позавтракали, пошому что вы очень блѣдны, да я и сама очень плохо завтракала, ибо извѣстія Миссриссы Абергвилли шакъ меня смутили, что хопя она подавала мнѣ хорошаго зеленого чаю и изрядной пирожокъ, но я почти ни до чего не могла прикоснуться.)

Наконецъ, сказала Аминпа, копорой нестерпѣливость возрастала, что она сказала вамъ?

Ну, любезное дитя мое! она сказала мнѣ, что вчера въ вечеру прѣѣхалъ нарочной изъ Лондона, копорой привезъ ей извѣстіе, что Лордъ Шербюри умеръ; что Лордъ Моршимеръ продалъ Тудор-Галлъ; что повѣренной ихъ дѣлъ имѣлъ повелѣніе рас-

плашишься со всѣми служителями и опустить ихъ, и приготовить домъ для принятія новаго хозяина. Ахъ! милосердый Боже! я видѣла, какъ плачущь сии люди, бѣдныя шворенія, которыя состарѣлись въ семъ домѣ, и надѣялись пусть окончатъ дни свои. Не опасаются они имѣть въ чемъ либо недостатковъ; молодой Лордъ старался доставить имъ, чемъ содержать себя: но смертельно огорчаются, оставляя столь добраго Господина. Бѣдная Мисприссъ Абергвилли никогда въ домъ не утѣшилась; у нее нѣтъ ни сына ни дочери, и она сказывала мнѣ, что милы ей были даже стулья и столы сего дома, которые она столь долгое время своими руками обширала; что она придетъ пожить ко мнѣ, еслили я могу дать ей комнату, изъ которой бы не

видно было Тудор-Галла, потому что никогда не могла бы она снести того, чтобы имѣть предъ глазами домъ сей, когда имѣлъ онъ новаго хозяина. Вотъ, любезное дитя мое, я рассказала вамъ все, что знала.

Аминша столько же удивлена была, сколько и пронута всемъ ею слышаннымъ; желала бы она узнать, не свѣдомо ли что кормилицѣ о наступающемъ бракѣ Лорда Морпимера, но не могла она рѣшиться сдѣлать ей о томъ вопросъ; ибо мыслила, что ежели бы дѣло было кончено, извѣстie о семъ конечно пришло бы вмѣстѣ съ увѣдомленiемъ о смерти Лорда Шербюри. Теряла она также всю надежду оправдать себя предъ сыномъ его; — но на что, прибавила она, сего желать мнѣ? потому что мы разлучены навсегда! лучше бы было можетъ быть, чтобы

онъ пересталъ уважать меня; ибо меньше бы были сожалѣнія его. Не понимала она, для чего продавалъ Лордъ Моршимеръ Тудор-Галлѣ; развѣ только для того, чтобы уступить желанію Лади Евфразіи, коюрой не безизвѣстно было, что тупѣ началась привязанность Лорда Моршимера къ ея соперницѣ. Ахъ! говорила она, никогда бы не почувствовала она красоты онаго! а что касалось до самаго Лорда Моршимера, то Тудор-Галлѣ писалъ бы только въ немъ печали, каковыхъ новое его положеніе не позволяло бы ощущать ему. Спѣшила она идти въ Тудор-Галлѣ, гдѣ долго пребывала, не имѣя возможности взяться за свои карандаши: столько была она впревожена!

Картина, коюрую она оканчивала, изображала небольшую долину, видимую изъ оконъ му-

зыкальной залы, и на краю холма романическія развалины древняго замка. Нарисовано было въ величайшемъ сходствѣ; тупѣ недоспавало только изображенія Лорда Моршимера, съ которымъ часто пробѣгала она сіе пріятное мѣсто. Сердце ея сопровождало руку, и скоро удивительнымъ образомъ изобразила она чершы и спанѣ любимаго ею челоуѣка; съ нѣжнымъ движеніемъ и великимъ удовольствіемъ смотрѣла она на свою работу, какъ вдругъ пришла ей мысль, что Лордъ Моршимеръ будещъ принадлежать другой женщинѣ, укоряла себя въ учиненномъ ею преступленіи; спѣшила препенущаю рукою изгладить изображение ея начертанное, и горячая слеза ея, упавшая на картину, помогла ей въ исполненіи сего печальнаго рѣшенія. Учивъ жерпву сію нѣжности сво-

ей: ахъ! вскричала она, какъ не нужно для меня сохраняшь на бумагѣ черты, въ сердцѣ моемъ столь глубоко впечатлѣнные! . . . Когда перестала она говорить, тяжелый и продолжительный вздохъ поразилъ слухъ ея. Ужаснулась, помысливъ, что ее подслушали, и что такимъ образомъ дала знать о чувствахъ сердца своего; съ скоростію встала она со стула, и бросала вокругъ себя унылые взоры. Но какъ описать движенія души ея, когда подлинникъ сего изображенія, нѣжностію начертаннаго и скромностію изглаженнаго, представился предъ глаза ея! Пораженная удивленіемъ, не способна говорить, двинувшись, и почти дышавъ, пребывала она изумлена и неподвижна, какъ бы не дерзая, или не имѣя возможности вѣрить свидѣтельству глазъ своихъ. Дѣйствительно могла.

она сомнѣвалась, Лордъ ли это Моршимеръ былъ, котораго черты такъ измѣнились, что едва былъ онъ похожъ на самаго себя, выключая вида добропы, которой еще означался на лицѣ его, и которой былъ главнымъ качествомъ его физиогноміи. Увядшій цвѣтъ лица его, безпорядокъ волосъ, его печальная одежда, способствовали чертамъ его представляяшь изображеніе печали; все, казалось, говорило, что онъ съ благополучіемъ навсегда разлученъ былъ. Упихла первая жестокость чувствъ Аминшы; возвратила она упопребленіе душевныхъ силъ, и принявъ съ поснбшностію свой рисунокъ, шатаясь на ногахъ шла къ двери. Близко уже подходила къ одной, какъ Лордъ Моршимеръ установилъ на минушу ея шествіе, сказавъ ей тихимъ и робкимъ голосомъ: Вы идете вонъ, Миссъ

Фитзаланъ , не сказавъ мнѣ про-
спи? Вы идете вонъ, и для того,
чтобъ никогда со мною не ви-
дашься? Трогательный и жалоб-
ный тонъ , какимъ произнесъ онъ
слова сіи , проникъ до глубины
сердца Аминты ; она остано-
вилась , и невольно оглянулась ,
чтобъ принять и отдать сіе
печальное прощаніе , котораго
убѣгать ее укоряли. Лордъ Мор-
шимеръ подошелъ къ ней ; хо-
тѣлъ онъ говорить , но слова
умирали на устахъ его ; горькія
слезы текли изъ глазъ его ; онъ
закрывъ лице свое плашкомъ , и
отошелъ къ окну.

Аминта, пронутая превыше
всякаго выраженія , и не имѣя
возможности поддержать себя ,
упала въ креслы ; сердце ея раз-
дѣляло движенія Моршимера , съ
великимъ токмо усиленіемъ въ сію
крипическую минути соблюдала
она законы хладной и строгой

благопристойности; такъ, съ великимъ надъ самой собой усиленіемъ удержала она себя отъ того, чтобъ летѣть въ объятія Морпимера, смѣшавъ слезы свои съ слезами ея друга, и не жаловаться на жестокою судьбу, навсегда ихъ разлучающую. Черезъ нѣсколько минутъ, Морпимеръ, немного успокоясь, подошелъ къ ней; давно уже, говорилъ онъ ей, желалъ я имѣть случай увидѣться съ вами, но не имѣлъ отважности просить отъ васъ свиданія. Сего утра пріѣхавъ сюда, чтобъ сдѣлать послѣднее и горестное прощаніе сему жилищу, которое столько пріятноспей для меня имѣло, весьма далекъ я былъ отъ воображенія того, чтобъ здѣсь встрѣтишься съ вами. Безмѣрно благодаренъ я судьбѣ, въ семъ случаѣ оказавшейся мнѣ благопріятною, изъясниль вамъ горесть мою, угры-

зенія мои не только въ заблужденіи, въ которое повергнутъ я съ печеніемъ обстоятельствъ, обмануть меня удобныхъ, но и въ поступкѣ, которой заблужденіе сіе заспавило меня приняти и слѣдовать оному, послужило бы нѣкоторымъ облегченіемъ сердцу моему получить отъ васъ прощенье, было бы печальное, но сладостное утѣшеніе. Однако же, продолжалъ онъ помолчавъ нѣсколько, какъ же бы это было утѣшеніемъ? Увы! ласковость, какую бы вы мнѣ оказали, могла бы только умножить несчастіе наше при помышленіи о вѣчной разлукѣ нашей... Аминта ничего не опивѣчала; слова Морпимера, казалось, давали выразумѣть, что былъ онъ увѣдомленъ о несчастіи, въ какое повергнутъ онъ Лордомъ Шербюри, и съ прискорбіемъ ожидала она объясненія. Чистота и благородство свой-

ства вашего, сказалъ ей Мортимеръ, напослѣдокъ были мнѣ совершенно извѣстны. — Великій Боже! въ какихъ обстоятельствахъ, и какими путями? — Признаніемъ отца, которому вы споль великодушно пожертвовали тѣмъ, что могли тогда починать способомъ составить ваше благополучіе. — Какъ! сказала Аминта съ поспѣшностію, которой не могла она выдержать: не уже ли наконецъ Лордъ Шербюри оправдалъ меня?

Такъ, сказалъ Лордъ Мортимеръ; онъ удосповѣрилъ насъ въ томъ, что вы есть непревосходнѣйшая женщина, и при томъ та, съ которою најестественнѣйшимъ и несправедливѣйшимъ образомъ поступлено; что вы все то есть, чѣмъ нѣжное сердце мое васъ бытъ признавало. Но каково же оличаніе сердца сего, къ которому то признаніе

пришло надмѣру уже поздно, дабы возвратишь мнѣ благополучіе? Было время, когда, разогнавъ подобное заблужденіе ума, надѣялся я, что посвятивъ вамъ всю жизнь мою, заглажу невольную несправедливость; но, увы! теперь не могу ничего болѣе загладишь и ничего поправишь.

Аминта плакала, поднимала глаза къ небу, и опяшь обращала ихъ къ землѣ.

Вы плачете! вскричалъ Лордъ Моршимеръ голосомъ, означающимъ удивленіе; припомъ, схвативъ ея руку, съ восхищеніемъ взиралъ на нее, и глаза его блистали огнемъ необычнымъ; вы плачете, моя любезная Аминта! что значатъ сіи слезы? не уже ли вы ко мнѣ не перемѣнились?

Аминта спрашилась, чтобы движеніе ея не удосповѣрило Моршимера въ томъ, что она еще

любила его; укоряла себя въ неблагоуразуміи своемъ, которае одно могло подвигнуть Лорда Моршимера говорить ей такимъ образомъ. Милордъ! сказала она ему: я не понимаю смысла вашего вопроса; но доужна я вамъ сказа т ь, что дѣйствительно очень бы переѣвилась я, естлибъ могла оспа ться еще на минушу съ такимъ человекомъ, которой кажется забываетъ вдругъ и свое и мое положеніе.

Ахъ, сударыня! вскричалъ Лордъ Моршимеръ голосомъ негодованія: просшите меня, что удержалъ васъ, попревожилъ ваше уединеніе и обезпокоилъ васъ моими горестями.

Аминша была тогда близко дверей; мысль, такимъ образомъ разлучиться съ Лордомъ Моршимеромъ, заставляла ее страдать; но благоуразуміе принуждало ее чувствовать необходимость отъ

него удалился ; шла она однако же тихо , а Лордъ Мортимеръ , въ которомъ нѣжность воспоржествовала надъ честолюбіемъ , и копорой приходилъ въ опчаяніе, видя ее отходящую имъ недовольною , скоро догналъ ее. О моя любезная Аминта ! сказалъ онъ ей , взявъ опять ея руку : не прибавляйте гнѣва вашего прошивъ меня къ горести сихъ жестокихъ минутъ ! Когда уже должно разлучиться намъ , почтобъ было сіе подобно дружьямъ , которые взаимно одинъ къ другому сохраняющъ нѣкоторое благопріятство. Я никогда еще не получалъ отъ васъ (если мнѣ по возможно испросить) прощенія въ гоненіяхъ , мною на васъ привлеченныхъ ; вы никогда еще не прощали мнѣ грубость , жестокость , съ копорою злощасное заблужденіе заставило меня поступать съ вами.

О Милордъ! отвѣчала Аминта, уступая еще добротѣ души своей и и с л у с к а я нѣсколько слезъ: на что начинаете вы со мною споль мучительный разговоръ? какое прощенье могу я вамъ дать, когда не была я обижена? Тогда, какъ находилась я оставленною и безъ подпоры, ваша дружба пришла ко мнѣ на помощь; вы излили утѣшительный бальзамъ на раны сердца моего; когда лишилась я вашего уваженія злодѣйствомъ и хипростію гонимелей моихъ, ваше вниманіе и попеченія ваши преслѣдовали меня еще и тогда, какъ я по разнымъ странамъ бродила, и вы усиливались усладить путь жизни подъ стопами моими. Это такія благодѣянія, которыя не могутъ быть забвенны; которыя пребудутъ отъ меня даны вѣчной благодарности, коей я никогда плащивъ вамъ

не переставала, и копоря . . .
Выраженіе чувства, гораздо жи-
вѣйшаго, взлелало на уста ея;
но она остановилась и вздохну-
ла; и по минутномъ молчаніи
продолжала: такъ, Милордъ!
ежедневныя молитвы мои будущъ
о благополучіи вашемъ, да бу-
детъ оно равно добродѣтелямъ
вашимъ; сіе-то есть наивели-
чайшее, какое бы я только могла
пожелать вамъ!

Лордъ Моршимеръ испу-
стилъ спенаніе, свидѣтельствую-
щее мученіе души его. О Амин-
та! вскричалъ онъ, о возлю-
бленная моя! гдѣ и какъ могу я
вкушать благополучіе, пошерявъ
васъ? Нѣтъ! никогда. Ахъ! вы
молишь, вы просите; но какъ
сіи молитвы и прозбы беспо-
лезны! Мѣста сіи, продолжалъ
онъ, не напоминаютъ ли вамъ
временъ, гораздо щасливѣй-
шихъ? О! какіе сладостныя

часы препровождали мы подъ сего тѣнью, возобновленія которой не увижу я весною! —

Сии послѣднія слова относились къ потерѣ, дѣлаемой Милордомъ сего жилища, къ которому онъ много привязанъ былъ, и столь горестно пронули Аминшу, что не могла она стояшь на ногахъ, и хотѣла сбѣсть надернъ, какъ Лордъ Моршимеръ подхватилъ ее въ свои руки. Не имѣла она силы вырваться изъ оныхъ; но кто можетъ описать впечатлѣніе, ею ощущаемое, когда, приклонивъ голову къ груди Моршимера, чувствовала она бьющееся сердце, которое, казалось, желало вылетѣть, дабы найтись путь къ шрепещущему въ ней? Возвративъ силы свои, признавала она, что благоприспособленность не позволяла ей долѣе въ подобномъ положеніи оставаться; освободилась она изъ рукъ его,

сказавъ ему: должно намъ распашься, Милордъ! и распашься навсегда.

Скажите же мнѣ, вскричалъ онъ, опять спавъ предъ нею; скажите мнѣ, могу ли я надѣяться сохранить нѣкое мѣсто въ воспоминаніи вашемъ, и ожидающее васъ благополучіе не заставитъ ли навсегда забыть меня? Обѣщайте, что иногда вы помыслили обо мнѣ, и мольбы, приносимыя вами о благополучіи моемъ, сколь ни будутъ онѣ недѣйствительны, утѣшатъ меня въ отдаленномъ уединеніи, на какое осуждаю я себя.

О Милордъ! прервала Аминта: что говорите вы? не уже ли хопите вы отказатьсь отъ исполненія должностей, какія ваше положеніе, ваша знатность и общество на васъ налагаютъ? Захопите ли вы поперять отъ тѣхъ, копорые знаютъ васъ,

миѣніе, какое имѣли они о добродѣ-
теляхъ вашихъ и опважности
вашей? Наконецъ, не уже ли за-
хопите вы оставишь жену, съ
которою торжественными обѣ-
щами соединились, и которою
обязаны вы привязанностію и
покровительствомъ вашимъ? О
Милордъ! что скажутъ друзья
ваши? что скажетъ сама Лади
Евфразія о поступкѣ, столь без-
человѣчномъ и столь неудоб-
номъ найши оправданіе?

Лади Евфразія? вскричалъ
Милордъ, опспутивъ нѣсколько
шаговъ, и съ выраженіемъ ужаса
и удивленія. Великій Боже! воз-
можно ли, чтобъ вамъ не извѣст-
но было недавно случившееся?
Такъ, ваши слова, ваши взгляды
даютъ мнѣ видѣть, что произ-
шествія сіи не дошли еще до
свѣденія вашего.

Аминша въ свою очередь съ
такимъ же удивленіемъ спраши-

вала его, о какихъ произшествіяхъ хошѣлъ говорить онъ?

Скажите мнѣ прежде, отвѣчалъ Лордъ Морпимеръ: переменна, видимая мною въ вашемъ со мною обращеніи, не отъ того ли происходитъ, что вы полагаете меня быть мужемъ Лади Евфразіи?

Что я полагаю, повторила Аминта, до чрезвычайности удивленная вопросомъ Морпимера, развѣ вы не есть то?

Нѣтъ, прервалъ Лордъ Морпимеръ; я никогда не имѣлъ несчастія заключить обязательство, котораго не подтвердило бы сердце мое. Лади Евфразія сдѣлала другой выборъ. Она была вамъ врагомъ; но я увѣренъ, что великодушное сердце ваше пожалѣетъ о плачевной участи ея.

Онъ пересталъ говорить, для того что Аминта не могла болѣе внимать его; не въ силахъ

была. она вынесши своего удивленія и радости, упала въ руки ея любезнаго Моршимера. Тѣмъ только, которые, также какъ она, съ краю бездны опчаянія не ожидаемо возводяшся къ надеждѣ и благополучію; тѣмъ только однимъ удобно возвѣмѣшь истинную мысль о томъ, что ощущала она въ сію минушу. Когда пришла она въ себя, когда слухъ ея пораженъ былъ сладоспнымъ гласомъ Моршимера, и когда полагала она, что возможно, не оскорбивъ благоприспоспности, позволишь другу своему прижать ея къ груди своей, взирашь на нее глазами преисполненными слезъ и нѣжності, и вновь спрашивать у нее, почно ли вѣрила о бракѣ его? и посему ли только мнѣнію столь сстрога она съ нимъ поступала? Но повторяя вопросъ сей, казалось восхищался онъ мыслию, что

отвѣтъ. Будешь такой, какого онъ желалъ.

Ахъ, Моршимеръ! къ чему же бы иному могли вы опно-сипть слезы мои, и споль сильное движеніе мое? вскричала Аминта; не говорятъ ли онъ вамъ, что сердце мое никогда васъ не забывало, и что нѣжность онаго къ вамъ всегда та же? Такъ, сказала она, поднявъ къ небу омоченныя слезами удовольствія глаза свои, я вознаграждена теперь за всѣ мои сшраданія! Л о р д ъ Моршимеръ опять провелъ ее въ библиотечку, дабы рассказать ей приключенія, произведшія споль великую пере-мѣну въ его положеніи; но много надлежало ему времени, чшобъ могъ довольно успокоиться къ начашю своего повѣспвованія. По-перемѣнно, шо бросался предъ Аминшою на колѣни, шо, схва-щивъ руку ея, прижималъ оную.

къ груди своей; то спрашивалъ у самаго себя, не сновидѣніе ли было благополучіе его? спо разв вопрошалъ ее, дѣйствительно ли она всегда одинакова была къ нему? Умолялъ прощенія себѣ, равно какъ бы еще сомнѣвался въ любви ея. Аминта же и сама имѣла нужду придти въ себя, дабы возмочь успокоить его. Наконецъ она того достигла, и онъ разсказалъ ей слѣдующее:

Г Л А В А 5.

Погруженный въ горесть, и отчаянный полагаемымъ въ рокомствомъ Аминты, Лордъ Моршмеръ, не находя ее болѣе въ обители свящя Екашерины, возвратился въ Англію, и увѣдомилъ Лорда Шербюри и пепку свою Лади Маршу о причинѣ, по

которой прїѣхалъ безъ Аминты, убѣждая ихъ припомъ, никогда не говоришь ему о семъ несчастномъ произшествїи. Не могъ онъ ободрить уныніе свое; всѣ расположенія его къ благополучію были опровергнуты, и разрушеніе надеждъ его не дозволяло болѣе спокойствію приближаться къ душѣ его. Въ первыя минуты такой горести, Лордъ Шербюри убѣгалъ говорить ему о намѣренїяхъ своихъ въ разсужденїи Лади Евфразїи; ожидалъ, чтобъ онъ нѣсколько поуспокоился, но сіе успокоеніе сопровождается было глубокимъ уныніемъ. На послѣдокъ, далъ онъ почувствовать, какіе имѣлъ виды; объяснялъ свое прискорбіе видѣть сына, которому надлежало составить славу дома его и утѣшеніе престарѣлыхъ лѣтъ его, погубляющимъ молодость свою горестію о неблагодарно-

сти такой женщины, которая не достойна его привязанности; потерянной для своего семейства и для свѣта, и что видѣлъ его обманувшимъ всѣ надежды, какія въ юности подавалъ онъ къ печенію жизни своей.

Лордъ Моршимеръ пронуть былъ представленіями отца своего. Графъ замѣтилъ движенія его, и извлекалъ изъ оныхъ щастливое предзнаменованіе. Честолюбіе его и чувствительность, говорилъ онъ, равно оскорблялись, видя сына своего рабомъ столь худо вознагражденной страсти. Не допусти, прибавилъ онъ, злобный свѣтъ! воспоржествовать надъ слабостію твоею; освободи себя отъ безчестнаго ига, прежде нежели палецъ насмѣшника означитъ тебя уловленнымъ коварствами женщины!

Природное часположбїе Лорда Моршимера часпо изображало ему великою слабоспїю сохрняемую имб привязанность кб Аминшб ; и когда Графб раздражалб еще сїю гордоспб , тогда покушался онб на всякїя жершвы , которыя бы могли доказашб , что возшоржесшвовалб онб надб своею нещасшною любовїю . Но когда отецб его предложилб ему , какб бы жершву сего рода , соединенїе его сб Ладї Евфразїей : то сб ужасомб опшвергнулб онб сїе расшоложенїе , и не чувсшвовалб себя способнымб сдблать надб самимб собою споль шрудное усилїе . Обвяснилб опцу своему все опшращенїе свое опб брака сего , сказавб ему , что могущесштво здраваго разсудка нбкогда можешб бышб изцблїшб его , но что сїе лбченїе должно предосшавїшб едїному времени .

Лордъ Шербюри не отступалъ отъ того ; употреблялъ все свое краснорѣчіе ; просилъ , убѣждалъ сына своего не обманывать всѣхъ надеждъ его ; заставлялъ его уважить снисхожденіе , которое онъ имѣлъ къ нему , давъ свое согласіе на бракъ его съ Миссою Фитзаланъ.

Лордъ Моршимеръ , столь сильно убѣждаемый , обвѣснялъ наконецъ , что ежели бы предлагали ему въ супруги всякую другую особу , кромѣ Лади Евфразіи , то не былъ бы онъ можетъ быть столько упоренъ согласиться съ намѣреніями отца своего ; но что не возмогши никогда уважать сію женщину , никогда и не соединится съ нею ; что она была столь жестока , столь коварна пропиху Миссы Фитзаланъ , и что чувствовалъ онъ непреоборимое къ ней отвращеніе.

Графъ предвидѣлъ сей оп-
вѣтъ сына своего, и имѣлъ же-
стокость сказать ему, что до-
вольно бы порядочно размыслишь
о поведеніи Аминшы, дабы при-
знать, что не возможно было ни-
какого имѣть довѣрія къ сдѣ-
ланному ею обьясненію, будто
бы Бельгравъ былъ введенъ въ
домъ безъ нея о томъ свѣденія.

Лордъ Моршимеръ съ мину-
ту колебался, и говорилъ потомъ,
что поведеніе Аминшы дѣйстви-
тельно бы подало ему нѣкопое
подозрѣніе безъ свидѣтель-
ства служителей, которые при-
знались, что они входили въ заго-
воръ, сооружаемый къ ея поги-
бели. Но Графъ находилъ еще,
чемъ опровергнуть сіе обсто-
ятельство. Сказывалъ онъ сыну
всеми, что служителей допра-
шивали въ его присутствіи, и
что они признались, что видя
великое желаніе Лорда Морши-

мера возстановить доброе имя Миссы Фитзаланъ, и обѣщанныя отъ него награжденія, если согласятся они что либо сказать къ ея оправданію, наконецъ склонились они на убѣдительныя его прозбы, и доказывали все, что онъ хотѣлъ.

Лордъ Моршимеръ глубоко вздохнулъ. И такъ я былъ, сказалъ онъ, обманутъ со всѣхъ сторонъ! но обманывая меня, одна только особа могла оскорблять душу мою! и всегда пребывалъ онъ невнимателенъ ко всему, что говорили въ пользу Лади Евфразіи.

Графъ призвалъ на помощь сестру свою Лади Марпу. Она также живѣйшимъ образомъ убѣждала своего племянника; представляла ему, что продолжая предаваться своей печали, подвергался онъ потерѣ своего здоровья, бытъ въ шягость самому

себѣ, и сократить дни свои; что до тѣхъ поръ, пока пребудетъ онъ уединеннымъ, не сдѣлаетъ онъ никакого важнаго усилія преодолѣть уныніе свое, а что, обязавшись узамъ брака, разсудокъ и чувство должностей своихъ доведутъ его къ побужденію онаго, дабы имѣть возможность выполнять новыя обязанности свои. Говорила она ему, что до сихъ поръ онъ былъ слава и утѣха семейства своего, опрада и душа жизни ихъ, и что всѣ блага сіи опнынѣ для нихъ погибнутъ, естли не преклонится на искреннѣйшія желанія ихъ. На послѣдокъ ко всѣмъ доводамъ Графа, и ея собственнымъ, присоединила она слезы и выраженія наивеличайшей нѣжности.

Чувствительная душа Мортимера не могла проповишьяся столь сильнымъ убѣжденіямъ, и

онъ далъ свое обѣщаніе, полагая въ мысли своей, что послѣ всего случившагося, женясь на Лади Евфразіи, не возмoжетъ уже онъ быть болѣе несчастливъ, какъ былъ тогда. Но едва только обѣщалъ онъ, какъ горестъ его возрасла безъ мѣры. Утвердиль новое обязательство, отказавшись пищать свое уныніе, покориль свое сердце и самого себя жестокому рабству: мысли сіи наполняли душу его смертельною тоскою. Тысячу разъ готовъ онъ былъ нарушить сіе вырванное у него обѣщаніе, естли бы честь его въ томъ не останавливала. Въ семъ тяжоспномъ положеніи, Моршимеръ собиралъ свои силы, пробовалъ возвратить нѣкоторое спокойствіе, предаваясь всей разсѣянности общесства, и укрываясь отъ самого себя, дабы изгладиль, естли по возможно было, воспоминанія, оправ-

ляющія жизнь его. Сему - то слѣдуя расположенію, находился онъ у Маквезновъ. Но кто можетъ изобразить, что претерпѣлъ онъ, встрѣпивъ тамъ Аминшу? Усилія, дѣлаемая имъ до тѣхъ поръ, приносили нѣкоторое услажденіе муженіямъ его; но сія не о ж и д а е м а я встрѣча умножила жестокость ихъ, и лишила его всякаго упованія возвратити какое - либо успокоеніе. Съ самою болѣзненною скорбію чувствовалъ онъ, что Аминша была ему любезнѣе, нежели когда нибудь, и приближающійся союзъ его съ Лади Евфразіей чрезъ сіе учинился ему еще гораздо ужаснѣе. Напрасно усиливался онъ возбудити негодованія свои, приводя себѣ на память поступокъ Аминшы; полагалъ онъ видѣть въ блѣдности и уныніи сей милой дѣвицы печаль и раскаяніе. Весьма бы пріятно ему было

усладить печаль сію и утвердить раскаяніе сіе; но въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился, не могъ онъ и не смѣлъ предпринять ни того ни другаго.

Много имѣла труда Лади Марпа преклонить его къ тому, чтобъ присутствовалъ онъ, когда пребывала она опъ Аминны порпрешъ. Сцена сія была выше описана, равно какъ и распаваніе ихъ; но не возможно дать справедливаго понятія о мученіяхъ, добычею кошорыхъ пребывалъ онъ съ того времени. Не могъ уже онъ болѣе безъ ужаса видѣть Евфразію; ослабѣвающій голосъ его отказывался употребляться для нее, когда подходилъ онъ къ ней съ учтивостію единого обряда. Убѣгалъ сообщивъ въ замкъ; и не заботясь о томъ, что скажутъ объ немъ, побѣждая холодъ и дурное время, подвергая даже свое здоровье,

бродилъ по нѣскольку часовъ сряду въ мѣстахъ, наименѣе посѣщаемыхъ во владѣніи Рослин - Кастля, предавшись чувствамъ нещастія своего и опчаянія.

Наконецъ наступилъ день, день ужасный, который долженствовалъ запечатлѣть его злополучіе! Все собраніе наполнило большую залу замка, откуда надлежало отправиться въ церковь, и ожидали только невѣсту. Маркизъ удивленный, что заставляла она такъ долго ждать себя, послалъ попоропить ее. Черезъ нѣсколько минутъ возвращается посолъ, принося письмо, которое Маркизъ съ поспѣшностію развернулъ, и которое было отъ Лади Евфразіи.

Она учинила, говорила она, поступокъ, которой снисхожденіе родителей ея извинилъ ей; поступокъ, на которой она рѣ-

шилаь, ясно видя, что не могла бы она найти благополучія въ союзѣ съ Морпимеромъ. Постоянное равнодушіе, какое онъ къ ней оказывалъ, увѣрило ее, что намѣренія его, или Лорда Шербюри, на сей союзъ были сопровождаемы только дѣйствіемъ корысти. Маркизъ и Маркиза легко въ помъ удостовѣрялся, и извинялъ дочь свою, что не захотѣла быть жертвою. Избравъ Г. Фреелова, она предпочла челоуѣка, имѣющаго честныя побужденія, и которой дарно уже и открыто возвѣспилъ бы свои намѣренія, естлибъ не опасался, по положенію, въ каковомъ мы находились, встрѣпить какое либо сопротивленіе. Сама она соглашаясь на сей тайный бракъ, желала избѣжать дѣйствія явнаго и непремѣннаго неповиновенія къ своимъ родителемъ. Что же касается до Лорда Морпимера и

Лорда Шербюри, не думаетъ она имѣть надобность велерѣчиво предъ ними извиняться, потому что не могутъ они упайтъ сами отъ себя, по крайности Лордъ Шербюри, что поступокъ ихъ прошивъ нее не былъ ни чести, ни безкорыстенъ. —

Не возможно описать восторговъ жестокости Маркиза; ни мало не менѣе была она и въ Маркизѣ. Скоро извѣстны стали причины тому, и удивленіе оказалось на всѣхъ лицахъ. Но кто можетъ изобразить сокровенную радость Морпимера? та, которую чувствуетъ виновникъ, осужденный на смерть, получающій прощеніе свое у самыхъ ступенекъ эшафота, не можетъ быть болѣе живѣйшею. Что касалось до Лорда Шербюри, то симъ разрушились всѣ надежды. Слово, сказанное Лади Евфразіею въ письмѣ ея, означало ясно,

что имѣла она нѣкоторое свѣденіе о худыхъ обстоятельствахъ Графа. Фрееловъ немедленно начнетъ пребывать свое имѣніе. Видѣлъ онъ, что безчестность его обнаружится пошчасъ, какъ узнаютъ невозможность его удовольствоваться сіе требованіе. Жестокая скорбь, пронзающая наискровеннѣйшіе стигы сердца его, была ему жесточайшимъ мученіемъ, какимъ бы онъ только могъ быть наказанъ. Блѣденъ, безмолвенъ, видъ заблужденный, осаждаемъ былъ наиужаснѣйшими мыслями, и не отгонялъ ихъ; всякая участь казалась ему предпочтительнѣе стыда, какой ожидалъ его.

При чтеніи письма, Лордъ Моршимеръ досадовалъ за то, что сказано въ ономъ объ отцѣ его, и относилъ сіе единственно къ злобѣ Лади Евфразіи. Безполезно казалось ему отражать

такое обвиненіе, которое изобличается во лжи самымъ свойствомъ Лорда Шербюри. Но какой былъ ударъ для благородной души его, когда, чрезъ нѣсколько минутъ, приносятъ ему письмо отъ Фреелова, довольно доказывающее ему истинну укоризнѣ, на Лорда Шербюри обращаемыхъ! Фрееловъ легкимъ образомъ, какъ смогъ, объяснилъ ему, что происшествіе, заставляющее его писать къ нему, не уменьшилъ ихъ дружбы. . . . Прекрасная Госпожа, удостоившая его своимъ выборомъ, покорилась склонности совершенно непреодолимой. . . . Въ любви, какъ и въ войнѣ, всякой наблюдаетъ выгоды свои. . . . Просилъ его сказать отъ него почтеніе Лорду Шербюри, и доложить ему, чтобъ изволилъ приготовить къ прїѣзду его свой опекунскій счетъ. Не сомнѣвался

онъ, что ему не легко по бу-
дущь; а необходимо было нужно,
чтобъ оный скоро былъ окон-
ченъ, по причинъ блеска, съ ка-
ковымъ желалъ онъ, чтобъ су-
пруга его вошла въ свѣтъ въ
семь качествъ. Что же касает-
ся до слуха, какой носится, буд-
то Лордъ Шербюри проигралъ
въ карты все имѣніе своего вос-
питанника, то онъ никакъ не хо-
четъ тому вѣрить, и проч.

Сии послѣднія строки пись-
ма Фреелова до высочайшаго
степени огорчили Лорда Морпи-
мера; онъ видѣлъ въ оныхъ при-
чины, для которыхъ отецъ его
столь горячо желалъ союза съ
Рослинами; желанію сему онъ
часто удивлялся. Обратилъ взоръ
свой на отца, и пронутъ былъ,
видя на лицѣ его изображеніе
глубокаго отчаянія. Онъ кра-
снѣлъ за него, осуждалъ его, и
имѣлъ жалость къ нему.

Въ первую минуту рѣшился онъ объяснить ему, что уведомленъ былъ о злощасной тайнѣ, его угнѣпающей, и располагался учинить всякую жертву, кою бы только могла возвратить ему спокойствіе, или по крайности уменьшитъ его прискорбіе.

Лордъ Шербюри весьма поспѣшалъ оправить домъ Рослина, пока еще не разгласилось сіе извѣстіе. Объявилъ, что тотчасъ намѣренъ уѣхать; и, съ помощію сына своего, воспроизвился Маркизу, желающему остановить его.

Все готово было къ отъѣзду, какъ Лордъ Шербюри, въ слѣдствіе жеспокаго испытываемаго имъ движенія, упалъ въ безсмысленство, оказывающее всѣ ужасающіе знаки. Положили его въ постелью; послали сыскать лѣкаря, коимъ нашелъ его столь слабымъ, что объявлялъ о опасно-

сти новаго и еще жесточайшаго припадка, естли не оспавяшъ его въ совершенномъ покоѣ.

Лордъ Моршимеръ, котораго нѣжность дѣлала неперпѣливымъ облегчить бремя, опягчающее сердце опца его, опдалилъ всѣхъ; и какъ скоро полько Лордъ Шербюри былъ въ состояніи внимашъ его, съ наинѣжнѣйшими оспорожностями обвяснилъ ему, что онъ извѣщенъ былъ о грусномъ положеніи дѣлъ его, и что онъ рѣшился помочь въ томъ всѣми средеспвами, какія будущъ ему возможны.

При сихъ словахъ Лордъ Шербюри запрепешалъ, испышывалъ смертельную тоску, и обвяснялъ, что не переживетъ сего ужаснаго опкрышія и потеричесши своей. Лордъ Моршимеръ предпринималъ успокоишь его; но долго надлежало ему спа-

рапсья заставившь его внимать себя покойно.

Не рѣдко по случается, говорилъ онъ ему, что въ шеченіи жизни допускаютьъ себя до какого - либо дѣйствія, осуждаемаго разсудкомъ и добродѣтелию. Мы всѣ плѣбны, и признавая сію плѣбность, должны сокращать нашу гордосшь и строгосшь къ сужденіямъ; не надлежитъ, чшобъ воспоминаніе погрѣшности, въ кошорой мы раскаиваемся, повергало насъ въ отчаяніе, а особливо когда остаешся намъ какое нибудь средство къ поправленію оной.

Подобными сему разговорами Лордъ Морпимеръ спарался успокоить движеніе отца своего, между шѣмъ какъ сей продолжалъ возставать противу самого себя, подвергаясь собшвенному сужденію.

Продажа Тудор - Галла , говорилъ Лордъ Моршимеръ отцу своему , и заемъ съ залогомъ вашихъ маэпностей , могутъ заплатить долгъ вашъ Фреелову . Безъ сомнѣнія нѣжность ваша ко мнѣ отвращала васъ отъ сей послѣдней жертвы ; но не надлежитъ , чтобъ таковое разсужденіе преняпствовало вамъ удовлетворить требованіямъ чести и правосудія . Нѣтъ для меня ничего драгоцѣннѣе благополучія вашего , и предпочитаю спокойствіе ваше наиблещящему состоянію , кѣторое одно , сказалъ онъ , испустивъ глубокой вздохъ , не думаю чтобъ могло доставить блаженство . Давно уже съ равнодушіемъзираю я на роскошь и великолѣпіе жизни ; обманутому въ моихъ наидражайшихъ надеждахъ , богатство для моего собственнаго употребленія , давно уже , не имѣетъ для меня

прежней цѣны своей. Можетъ быть, лишась его, я буду еще щастливѣе; сія поперя заставилъ меня предаться трудамъ и упражненіямъ, которыя прогоняшъ изъ сердца моего печаль, столь долгое время меня пожирающую, и почти разслабившую всѣ душевныя силы мои. Предомною опкрылъ путь военный; къ оному я всегда имѣлъ склонность; въ опасномъ случаѣ можетъ быть буду имѣть щастіе оказать нѣкоторую услугу моему отечеству. И такъ, родители мой! то, что почитали мы наивеличайшимъ бѣдствіемъ, можетъ сдѣлаться для насъ источникъ благополучія. Поспѣшимъ наискорѣйше, какъ возможно, учинить всѣ распоряженія, нужныя для удовольствованія требованій Фреелова; и надѣюсь, что такимъ образомъ возможемъ

уничтожить злонья его намеренія.

Тетка и сестра моя еще не извѣстны о положеніи вашемъ; никогда онѣ о помѣ опѣ меня ничего не узнаютъ. Довольно еще останется мнѣ и сестрѣ моей на наши надобности, хотя болѣе не возможно намъ будетъ имѣть излишества и роскошной жизни. Что до меня касается, недоспапки, каковымъ подвергнусь, ни мало не опяготятъ меня. Наконецъ думаю, что выполнивъ мое расположеніе, сдѣлаюсь покоенъ; попому что самое намереніе къ оному доставляетъ мнѣ такое удовольствіе, какого я давно уже не вкушалъ.

Лордъ Шербюри, чувствительно и до глубины пронувшій нѣжностію, добродѣтелию сына своего, и жертвою, столь великодушно ему предлагаемою, долго

не въ силахъ былъ изъяснить свои чувства.

Напоследокъ слезы любви, признательности, раскаянія, пошекли изъ глазъ его, и орошая оными руку сына своего, кошую онъ сжималъ въ своихъ рукахъ, вскричалъ: о добродѣтель! и я не могу сказать, какъ Брушусъ, что ты только имя одна и пустое названіе! Такъ, я тебя вижу изображенную въ сынѣ моемъ, въ семъ сынѣ, столь безчеловѣчно и жестоко мною ограбленномъ. Великій Боже! сіе героическое и небесное свойство, заставляющее его переть изъ любви ко мнѣ лишиться собственнаго своего имущества, довело бы и до того, чшобъ сдѣлать мнѣ еще гораздо труднѣйшее пожертвованіе своею Аминою, еслибы только ввѣрилъ я ему мое несчастное положеніе; коликихъ бы низкостей самага

себя, и коликихъ бы мученій сына своего избавилъ я! Но дабы скрышь слъзѣ свой, излилъ я нещастіе на главу его, и горестъ въ сердце мое, заславивъ его думать, что предметъ всей нѣжности его, и которая столь много заслуживала оную, была его не достойна.

О Морпимеръ! вскричалъ онъ опчаяннымъ голосомъ: какъ я осмѣлюсь поднять глаза на тебя, признавшись въ несправедливости, учиненной мною прошивъ наидобродѣпельнѣйшаго и любезнѣйшаго творенія, какое когда либо было Небомъ создано!

Скажите мнѣ, родитель мой! вскричалъ Морпимеръ препенущій и едва дыханіе имѣя; скажите мнѣ, дѣйствительно ли она такава, какъ я судилъ объ ней? Изъ жалости, не отлагайте меня о томъ увѣдомишь!

Тогда Лордъ Шербюри, съ медленностію, причиняемою слабостію его, но со всею искренностію, какую придавали ему разкаяніе и желаніе загладить несправедливостнь свою, рассказалъ сыну своему все, что происходило въ обителѣ святыя Екашерины между имъ и Миссою Фитзаланъ. Бѣдный Фитзаланъ! вскричалъ онъ оканчивая свое повѣствованіе, несчастный другъ! еспьли бы оснавивъ свѣшъ ты могъ знать, что въ ономъ происходитъ: сколько бы добрая и чувствительная душа твоя должна была укорять меня въ моей жестокости противу осиротѣвшей дочери твоей, у которой отнялъ я единое благо, какое могъ ты ей оставить: доброе и неопосрамленное имя отца! —

Лордъ Морпимеръ испускалъ стenanія. Приходили ему на память всѣ укоризны, дѣлан-

ныя имѣ Аминшѣ, и становились жестокими для него пораженіями. Отецъ его былъ гонитель милой сей дѣвицы: мысль сія умножала мученіе, а припомѣ и удерживала укоризны его: это былъ раскаявающійся отецъ, распроспертый можетъ быть на смертной постелѣ; — надлежало простить его.

Обращалъ глаза вокругъ себя, какъ бы въ сію минуточку мнилъ онъ ее видѣть, и имѣлъ возможность броситься къ ногамъ ея, опкрыть ей расперзанное сердце свое, умолять прощеніе себѣ, и внимать произношенію сладостнаго голоса ея.

О милая огорченная! сказалъ онъ самъ себѣ со слезами на глазахъ: тогда, какъ укоризны мои васъ преслѣдовали, споль несправедливо оскорбляли васъ! сердце ваше было добычею мучительнѣйшихъ страданій, а я

еще умножалъ скорби ваши! Съ какою кропосію, съ какимъ безпримѣрнымъ шерпѣніемъ сносили вы мои жестокости! Не оказывалось во взорахъ вашихъ справедливаго негодованія за обиду, причиненную невинности и добродѣтели вашей; глаза ваши, наполненные слезами, извѣсняли только смиреніе и покорность.

И теперь никакая надежда загладитъ мое заблужденіе, никакая возможность поправитъ мою несправедливость, не улаждающъ горестныхъ угрызений моихъ. Послѣ того, какъ жребій разлучилъ меня съ вами въ такое время, когда щастіе мнѣ благопріятствовало, теперь, постигнутый бѣдствіемъ, ставъ солдатомъ на удачу, стараюсь соединить судьбу свою съ вашею, и заставитъ васъ раздѣлять нужды и опасности положенія моего — есть то, въ чемъ я и помы-

слишь не могу, не только чшобъ на шо рѣшишься. О моя любезная Амица! да возможешъ спокойствіе и благонадежность бышь вашимъ непремѣннымъ удѣломъ! Вашъ Моршимеръ, всегда вѣрный, всегда спраспный обожатель вашъ, не воспревожитъ болѣе спокойствія вашего. Лишиться васъ, великое есть нещастіе; но еще бы оно болѣе умножилось, присоединивъ васъ къ бѣдствіямъ и опасностямъ моимъ. Я пускаюсь въ другой образъ жизни, не имѣя иной подпоры, кромѣ дражайшаго образа, воспоминаніе котораго не прежде, какъ съ жизнію моею меня оставишь, и сладостною будешъ для меня оправдою помышляшь, что я могу любить и обожать оный безъ всякой отвѣтственности и укоризны въ слабости.

Таковы были чувства его, которыхъ онъ не могъ однако

же выразить, занявъ будучи вспомошествованіемъ отцу своему; но усердіе его не могло бытъ удобнымъ усладить мученія души Лорда Шербюри. Угрызенія Графа, учиненная имъ потеря добраго мнѣнія сына своего, сожалѣніе о разстройкѣ, каковую составлялъ въ имѣніи его — всѣ сіи разсужденія раздирали душу его, производили въ немъ жестокое движеніе, и возвращали тѣ же белѣзненные припадки, которые недавно ужасъ наводили.

Дѣла находились въ такомъ положеніи нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ объ Евфразіи никакого извѣстія не получали, какъ въ одно утро, когда Морпимеръ находился съ Маркизомъ и Маркизою, вошелъ слуга, и сказывалъ своему Господину, что нѣкто пріѣхалъ въ замокъ и желаетъ его видѣть. Маркизъ и Маркиза думали, что

то былъ кто нибудь присланный отъ Евфразіи, дабы предстательствовать о милости къ ней, и приказали ввести его къ себѣ, въ намѣреніи велѣть сказать своей дочери, что ежели и возможно будетъ когда либо просить ей неповиновеніе ея и недостатокъ должнаго уваженія къ нимъ, то сіе не иначе можетъ быть, какъ со временемъ.

Лордъ Морцимеръ хотѣлъ выдти; но его удержали, и онъ остался изъ любопытства узнать, какого рода извиненія Лади Евфразія могла предстать. Входитъ человекъ хорошаго вида, и принимается съ весьма холодною учтивостію. Онъ казался смущенъ и пронутъ сильною печалію. Начиналъ онъ говорить, и слова умирали на устахъ его. Наконецъ Маркиза, покоряясь своей природной неперемѣливости, просила его сказать, что

могло доставить ей удовольствіе получить его посѣщеніе ?

Обстоятельствиво , весьма жестокое ; сказалъ онъ смутнымъ голосомъ. Я пріѣхалъ въ намѣреніи , постепенно пріуготовить васъ къ печальному извѣстію ; но дѣло сіе превосходитъ силы мои.

Я думаю , сказала Маркиза , что происшествіе , о которомъ вы хотите говорить намъ , извѣстно уже какъ мнѣ , такъ и Маркизу.

Увы , государыня моя ! прервалъ незнакомецъ , п е ч а л ь н о устремивъ глаза на Маркизу : не мнѣ я , чтобъ вы были о томъ извѣстны. Когда бы сіе было такъ , то бы чувства матери не позволили вамъ быть столь покойною , какъ я васъ вижу. По сихъ словахъ онъ остановился , блѣднѣлъ , трепеталъ , и движенія его спавидись содрогательны.

Прошу васъ: скажите намъ, не оплагая далѣе, то, что вы имѣете воззвстить намъ! вскричалъ Маркизъ.

Незнакомецъ не могъ еще объясниться; впрочемъ не нужно ему было говорить, дабы познати, что пришелъ сообщить имъ нѣчто плачевнѣйшее. Можно было сказать объ немъ, какъ о древнемъ Норшумберландцѣ: „блѣдность щекъ его гораздо способнѣе, нежели языкъ, сказать содержаніе вѣсти, какую принесъ онъ.“

Дочь моя постигнута несчастіемъ! сказала Маркиза въспревожась и забывъ на сію минуту всю свою досаду.

Увы, государыня моя! сказалъ незнакомецъ, чувствительность котораго нѣсколько слезъ означали: страхъ вашъ весьма основателенъ; жестоко бы было долѣе мучить васъ, продолжая

держашь въ невѣденіи. Дѣйстви-
тельно приключилось несчастіе!
Лади Евфразія въ сію минушу
не можетъ болѣе ощущать бла-
гости вашей.

Дочь моя умерла! сказала
Маркиза испуская крикъ, и ли-
шилась памяти. Маркизъ упалъ
бы на свой стулъ, естлибъ
Лордъ Морпимеръ, самъ трепе-
щущій и обвѣятый ужасомъ, за-
ранѣе не подалъ ему помощи.
Онъ позвонилъ: прибѣжали слу-
жители и отнесли Маркизу въ ея
комнату. Маркизъ пришелъ въ
себя, спрашивалъ объ обстоя-
тельстввахъ сего печальнаго при-
ключенія; и едва только незна-
комецъ началъ свое повѣствованіе,
какъ онъ съ изступленіемъ,
какое даетъ печаль, сказалъ, что
не могъ болѣе слышать сихъ
ужасныхъ подробностей. Не воз-
можно бы было изобразить пе-
чаль сихъ несчастныхъ родите-

лей , видя въ одну минушу исчезающими желанія ихъ , намѣренія ихъ , надежды ихъ . Печальный примѣръ непостоянства счастья человеческого , и того , что богатство не можетъ утвердить ненарушимости онаго ; примѣръ весьма удобный сократить ярость гордости и тщеславія , и привести къ здоровому разсужденію мысли наши , заблужденныя безумною разсѣянностію . Видя такимъ образомъ гордость , богатство , знашность , вдругъ пораженными и бѣдствіями поправленными , естественнo приводимся мы къ познанію плѣнности благъ міра сего , и къ занятію себя доспигеніемъ благополучія гораздо прочнѣйшаго , которое бы не могло убѣжать отъ насъ . Сердцу человеческому къ управленію самимъ собою нужны великіе и поразительные примѣры ; а шѣ , которые можетъ до-

ставишь положеніе мрачное, по большой части не дѣлають столько впечатлѣнія, какъ такіе, которые представляюща возвышеннымъ состояніемъ жизни. Съ равнодушіемъ взирають на покорной цвѣтокъ, ногами попранный; а надменный дубъ, бурю поверженный на землю, съ нѣкоторымъ родомъ ужаса разсмаприваютъ. Нещастіе Маркиза и Маркизы умножаемо было также укоризнами ихъ совѣсти, которыя казалось говорили имъ, что произшествіе сіе есть наказаніе, низпосланное отъ всемогущаго и праведнаго Существа, священные законы Котораго они нарушили, ограбивъ вдову и сироту: и какой добавокъ горести къ самому чувству скорби, мыслишь, что заслужили оную? Всѣ печенія Маркиза и Маркизы относились къ дочери ихъ; она одна заставляла ихъ испытывать чувства

нѣжности, принадлежащія чело-
вѣчеству; она была вмѣстѣ и
предметъ любви и божество гор-
дости ихъ. Они видѣли въ ней
наслѣдницу шипловъ ихъ; наи-
ближайшій послѣ нее родствен-
никъ ихъ сдѣлался имъ какъ не-
примиримый врагъ, и Евфразія
была имъ любезна по той самой
причинѣ, что доставляла имъ
средство удовлетворить мщенію
ихъ, отвергая сего наслѣдника.
Досадила она имъ послѣднимъ
поступкомъ своимъ; но скоро
бы успокоились они, да и рѣ-
шались уже простить ее, взявъ
на брѣно постараться возвысить
Фреелова.

Что же до Лади Евфразіи,
она никакой къ нимъ нѣжности
не имѣла, и казалась никого не
любить; прочія же спраси ея
были гораздо живѣе. Въ поступ-
кѣ, ею учиненномъ, много дѣй-
ствовало желаніе отмстить за

себя. Фрееловъ, какъ воспитанникъ Лорда Шербюри, изъ уваженія къ оному приглашенъ былъ на свадьбу; и принялъ сіе приглашеніе. Надлежало ему отпра-
виться въ Рослин-Кастль, какъ за нѣскольکو дней предъ его отъѣздомъ встрѣтился онъ въ собраніи съ тѣмъ самымъ человекѣмъ, съ которымъ Лордъ Шербюри проигрался, и копорой, будучи увѣдомленъ о предна-
мѣренномъ бракѣ Лорда Морпи-мера съ Лади Евфразіей, обѣщавъ Лорду Шербюри хранить тайну; но бездѣльники обѣщаніями своими ни мало не связыва-
ются. Сей былъ жестоко оскорбленъ нѣкоторыми словами, вырвавшимися отъ Лорда Шербюри въ минушу великаго прискорбія его, и чрезъ которыя казался онъ подозрѣвающимъ вѣрность своего сообщника въ игрѣ Уко-ризы сіи, на сей разъ бывъ

весьма справедливыми, раздражили сего человека, и вдохнули ему великое желаніе къ мщенію. Встре́пивъ Фреелова, нашелъ онъ случай себя удовольствовать, и воспользовался онымъ. Разказалъ все Фреелову, копорой сначала очень удивился, но попомъ весьма радовался сему отккрытію.

Сладостная была для него та мысль, чтобъ унизить Лорда Шербюри и сына его. Онъ ихъ ненавидѣлъ обоихъ, а особливо послѣдняго, по причинѣ преимуществва, какое во всемъ имѣлъ предъ нимъ Лордъ Моршимеръ. Чуждъ всякаго благороднаго подвига, не тщился онъ учиться и подражать, что видѣлъ уваженія достойнаго, спарался только уменьшать цѣну его; и какъ не могъ того достигнуть, то зависть и злоба его умножались. Поразить Моршимера, пронзая

грудь отца его; покрыть его смятеніемъ, посрамивъ Лорда Шербюри, было для него изящнѣйшее удовольствіе, за которое бы заплатилъ онъ частію своего имущества; столько-то лестна зависливному человѣку мнѣкая побѣда, какую одерживаетъ онъ надъ благородною душою, превосходность которой ненавистна ему для того, что уподобиться оной не можетъ! Припомъ же Фрееловъ ни чемъ не жертвовалъ, удовлетворяя страсти своей; имѣнія Лорда Шербюри довольно было, дабы отвѣчать еще Фреелову за принадлежащее ему. Онъ приуговлялъ себѣ также удовольствіе соперниковъ своихъ въ богатствѣ и опличности, видѣть ниспадающими въ мрачность. Воспрепятствуя браку, могъ онъ отнять у Лорда Моршимера средство поправить упадокъ, которой естественной дол-

женѣ бытъ послѣдствіемъ худаго поведенія отца его; сверхъ того естли не возможешь онѣ въ томъ успѣшь, шо не много времени оспавалось ему ожидать того, чтобѣ потребовать отъ Лорда Шербюри опекунскаго счета. Въ семъ положеніи, Фрееловѣ спѣшилъ ѣхать къ Маркизу, куда до сихъ поръ замедлилѣ отправишься, дабы приготовить себя съ большимъ блескомъ появишься на свадьбѣ, и воспользовался первою свободною минушою, какая предстала ему дать знать Лади Евфразіи обо всемъ, что слышалъ онѣ о поведеніи Лорда Шербюри и о разстройкѣ дѣлъ его.

Лади Евфразія озлилась; ясно видѣла она побудительную причину Лорда Шербюри женишь на ней своего сына, и удостовѣряла себя, что искали ее только для поправленія ихъ

разстроенаго состоянія. Рѣшилась разрушить планъ сей; свойство ея было таково, что хотя бы мщенію сему надлежало ей пожертвовать своимъ благополучіемъ, и тогда не поколебалась бы она. Но не въ такомъ находилась она положеніи, оспаывая Лорда Моршимера; не прошиворѣчила она никакой склонности души своей; превозносила качества Моршимера, но не имѣла она никакой любви къ нему. Не способна была она испытывать сіи чувства; и даже удивленіе ея къ нему давно уже уступило мѣсто негодованію, когда познала она все равнодушіе къ ней Моршимера; и давно бы оказалась она выдти за него, еслибъ не опасалась, что сдѣлавшись свободнымъ, женится онъ на Амивѣ. Но какъ скоро увидѣла, что нужно было Лорду Моршимеру ея богатство, страхъ

сей исчезъ предъ удовольствіемъ, какое находила она опмспись ему за себя въ мученіяхъ, кошорыя его равнодушіе заспавляло ее испытывашь.

Сначала хотѣла она увѣдомить опца своего о слышанномъ ею; но разсудивъ прилѣжно, опвергнула мысль сію. Маркизъ всегда оказывалъ величайшее уваженіе Лорду Шербюри: спрашилась она, чтобъ не принудилъ онъ ее къ браку, не взирая на новыя обстоятельствова. Скоро придумала она средство опвратить опъ себя опасность сію, и избрала Фреелова орудіемъ къ своему мщенію; не колебалась она сказать ему, что никогда не любила Моршимера, и что находился одинъ только человекъ, съ кошорымъ могла бы она быть щасплива. Вырвавшіяся слова, взоры, припворное смяшеніе, скоро увѣрили Фреелова, что онъ

былъ сей предпочитаемый предметъ. Не могъ онъ скрыть смущенія, причиненнаго ему симъ открытіемъ; обязательнымъ выраженіямъ Лади Евфразіи отвѣчалъ онъ наипространнѣйшею лестію, жарчайшими клятвами, увѣреніями о любви, которая не иначе, какъ съ жизнію его окончится. Евфразія скоро достигла своей цѣли. Условились о побѣгѣ; люди и экипажъ Фреелова были въ замкѣ, и не трудно было исполнить сіе предпріятіе. Фрееловъ въ глазахъ Евфразіи не имѣлъ инаго достоинства, какъ только могъ быть орудіемъ ея мщенія; съ презрѣніемъ припомъ она на него взирала; но богатство его придавало ему нѣкую важность въ свѣтѣ, и она чаяла найти въ немъ снисходительнаго мужа, такого, каковъ надобенъ модной женѣ. Словомъ, увѣрена была, что будетъ со-

вершенная госпожа всѣхъ ея дѣйствій, и не сомнѣвалась, чтобъ не нашла болѣе одного предмета столько же достойнаго уваженія, какъ Лордъ Моршимеръ, и гораздо къ ней признавательнѣе, нежели былъ сей.

Упоенная сими надеждами, оставила она родипельскій домъ, сей домъ, копорой должна была не видашь болѣе; и въ минушу, когда предавалась она радости своей и всѣмъ надеждамъ своимъ, неизбежная стрѣла, стрѣла смерти, долженствовавшая постигнуть ее, была уже намянуша на тетиву лука.

Брачная церемонія была между ими окончена; хотѣли приближись къ замку, дабы послашь отшуда извинительное письмо. Ночь была темна и погода предурная, а дорога безпкойная и опасная. Извозчики представляли имъ, что гораздо

бы лучше было подождать дня ; но Лади Евфразія упорствовала въ томъ ; и какъ оставалось не болѣе , какъ нѣскольکو миль до назначеннаго мѣста , то они и повинувались . Не успѣли прѣѣхать немного , какъ вдругъ лошади шерахнулись , испугавшись свѣта , находящагося въ нѣкошоромъ отъ нихъ разстоянн и ударяющаго на пущь ихъ , и начали бѣснться ужаснѣйшимъ образомъ . Съ одной стороны дороги былъ ровъ , и лошади , не взирая на усилія вершниковъ , не держали болѣе повозку . Фреловъ въ сню минупу думалъ только о себѣ , отворилъ дверцы , и выскочилъ вонъ . Евфразія не могла за нимъ послѣдовать . При первомъ видѣ опасности , она упала безъ чувства , вершники также попадали съ лошадей своихъ . Безполезны были усиленные спаранія , употреб-

ляемые служителями: повозка опрокинулась. Слуги слышали, что дворцы опворялись, и такъ полагали на минушу, что Господинъ ихъ и Лади Евфразія успѣли выдти; ибо ночь была споль темна, что не возможно было различать предметы. Но ужасный крикъ изъ глубины рва очень скоро увѣрилъ ихъ, что они обманулись; побѣжали въ шопъ домъ, откуда исходилъ сей злещаспный свѣшъ, причинившій такое бѣдствіе. Требовали помощи; излучиспыми пропинками сошли во глубину рва; лошади были побиты до смерти, повозка въ дребезги разшиблась, и подъ обломками обрѣли шѣло нещаспной Евфразіи исковерканное и жизни лишенное.

Хозяинъ дома запрепешалъ при семъ ужасномъ видѣніи, и приказалъ шѣло опнести къ нему, гдѣ видя сіи обезображен-

ные остатки, не возможно было воспретить себѣ помыслишь, что бѣдное твореніе щастливо было, умеревъ потчасъ; ибо ешьлибъ осталась еще жива, наижесточайшія бы мученія надлежало ей претерпѣвать.

Искали потомъ Фреелова: онъ лежалъ на дорогѣ безъ чувствъ. Пришедъ въ себя, первое его слово было спросить, живъ онъ, или мертвъ? и по увѣреніи, какое скоро получилъ, что онъ былъ здоровъ и невредимъ, поздравлялъ самого себя съ своимъ благополучіемъ съ такимъ жаромъ, что удостоверялъ все окружающее его въ томъ, что онъ занятъ былъ единственно самимъ собою. Не надлежало братъ великихъ предосторожностей и щадить его чувствительность, возвѣщая ему о участи Лади Евфразіи; при повѣствованіи семъ онъ покачалъ головою,

и сказалъ, что очень предвидѣлъ онъ сіе несчастіе, какъ скоро только лошади начали пяшиться съ сей проклятой дороги; часто повторялъ, что приключеніе сіе было весьма несчастно, и казался огорчаться о томъ, что скажетъ Маркизъ, и не сочли бы его сему причиною.

Г. Мюрри, дворянинъ, у котораго онъ былъ принявъ, предложилъ бѣжать для увѣдомленія семейства Лади Евфразіи о семъ печальномъ приключеніи; и Фрееловъ принялъ сіе предложеніе, объясняя, что самъ онъ былъ не въ состояніи выполнить сію скучную комиссію.

По выслушаніи Г. Мюрри, прошло нѣсколько времени, прежде нежели Маркизъ могъ ему сказать, что желалъ онъ, чтобъ шло Лади Евфразіи привезено было въ замокъ, гдѣ воздали бы ему честь погребенія, подобаю-

щую чину его и рожденію. Домъ, украшенный для брачнаго торжества, былъ облеченъ въ черное, и наполненъ приуготовленіями, смерть означающими.

Маркизъ и Маркиза сокрыли горестъ ихъ во внутренности наиотдаленныхъ комнатъ, между тѣмъ какъ служители, преисполненные удивленія и ужаса, вспрѣтили шѣло несчастной госпожи ихъ.

Всѣ минуты, въ копорья Лордъ Моршимеръ могъ оставяль отца своего, были преданы Маркизу. Лади Евфразія была для него предметомъ равнодушія и даже отвращенія; но родъ смерти ея заставилъ жалостію замѣнить чувства сіи, и онъ соединялъ искреннія слезы съ проливаемыми Маркизомъ.

Лади Марта и Лади Араминша равныя же оказывали попеченія Маркизъ. Все время, ко-

торое не были онъ при Лордѣ Шербюри, было ей посвящено: не старались онъ бесполезными доказательствами побѣждать печаль, которую природа какъ дань требовала, но услаждали оную, раздѣляя ее.

Лордъ Шербюри и зрѣдка только на короткое время приходилъ въ себя; сынъ его употреблялъ сіи минуты на то, чтобъ успокоить его, а онъ самъ въ печеніе оныхъ благодарилъ Моршимера за попеченія, отъ него получаемыя, и радовался, видя приближеніе конца своего.

Моршимеръ жестоко пронутъ былъ симъ малодушіемъ отца своего, которое имѣлъ онъ причину полагать весьма основательнымъ. Звонъ, заславляющій уже внимать плачевные звуки при отправленіи похоронъ Евфразіи, казалось предвозвѣ-

щаль и ему сіе печальное происшествіе.

Въ семъ-то положеніи дѣла находились въ замкѣ, когда пріѣхалъ въ оный Оскаръ, сопровождаемый Сиромъ Карломъ Бинглемъ; и не сказавъ о своемъ имени, пребовали поговорить съ Маркизомъ о важномъ дѣлѣ.

Ихъ приняли въ увѣренности, что они были присланы отъ Фреелова, которому Маркизъ и Маркиза по приверженности къ памяти ихъ дочери, рѣшились сдѣлать ласковый пріемъ.

Маркизъ зналъ Сира Карла, и лично оному извѣстенъ былъ; увидя его, весьма удивился; но гораздо болѣе было его удивленіе, когда Сиръ Карлъ, взявъ Оскара за руку, представилъ онаго ему какъ сына Лади Мальвины Фитзаланъ, и законнаго наследника Графа Дунрапа.

Маркизъ въ такомъ былъ смященіи и споль смущенъ , что довольно бы было смущенія сего и замѣшашельспва приличить его и убѣдить, естлибъ шаковое доказательспво потребно было.

Наконецъ прещущимъ голосомъ пребовалъ онъ объявить ему доказательспва, ведущія къ яому Сира Карла.

Сей , ибо О с к а р ъ весьма встревоженъ былъ , чшбъ начать говорить , предложилъ ему въ короткихъ словахъ всѣ обстоятельство , сопровождающія къ открытію завѣщанія , и доставившія его въ руки Оскара , къ чему , прибавилъ онъ , что благородство и великодушіе чувспвъ друга его заставляли его желать спасти честь пѣхъ особъ , къ копорымъ присоединенъ былъ узами крови , и что исполненіе швердаго намѣренія его упошребить всевозможныя снисхожде-

нія, не иначе можетъ остано-
виться, какъ встрѣтивъ отказъ
Маркиза, признашь справедливыя
права, какія даетъ ему завѣ-
щаніе.

Движеніе Маркиза сдѣла-
лось чрезмѣрно. Смерть дочери
похишила у него благополучіе;
видѣлъ себя на краю потери че-
сти; за часъ предъ симъ, почи-
талъ онъ, что бѣдствія его умно-
жить не возможно; но шутъ
удостоверенъ былъ, что утрата
добраго имени еще увеличивала
и могла сославить полную мѣру
онаго. Всеобщее уваженіе, мысль,
что почипаютъ насъ незаслу-
живающими несчастій, насъ пора-
жающихъ, есть бальзамъ, изли-
ваемый на раны души, учинив-
шейся добычею наижесточай-
шихъ горестей. Собственное имѣ-
ніе Маркиза весьма далеко пре-
восходило потребности для его
расходовъ; и сіи самые расходы

не мало должны умѣриться безъ
пышности и распочительности,
какую Лади Евфразія всегда при-
соединяла, и еще приумножила
бы къ онымъ. Въ семъ положе-
ніи чувствовалъ онъ, что столь-
ко же бесполезно, сколько бы и не-
справедливо было удерживать то,
что ему не принадлежало; но
спрашился, чтобъ съ робостію и
попчасъ покорившись тому, че-
го столь грубо и столь неочи-
даемо требовали отъ него, не
оказать явно прежней своей без-
честности. Угрызенія его за-
ставляли поправить свою не-
справедливость; но ложная честь
прошивилась сему поправленію.

Не придумая еще, на что
рѣшился, нѣсколько времени
хранилъ онъ молчаніе, но нако-
нецъ помышлялъ, что нерѣши-
мость его измѣнила бы ему въ
томъ, что онъ наиболее сокрытъ
желалъ (а именно что имѣлъ

онѣ какое либо свѣденіе о завѣщаніи), съ нѣкоторою твердо-
стію сказалъ онѣ, что до тѣхъ
поръ, пока не разсмотришь сіе
дѣло, которое только въ сію ми-
нуту и въ первый разъ ему пред-
сшавляютъ, не можетъ онѣ ни
на что положительно рѣшиться,
и что на сіе надлежало ему
предоставить время, особливо въ
печальныхъ обстоятельствахъ,
въ коихъ онѣ находился. Если
бы сей Господинъ, прибавилъ
онѣ, оборотясь къ Сиру Карлу,
имѣлъ великодушіе, какое вы ему
относите: то не пришелъ бы
начинать дѣло такого рода въ
горестныхъ обстоятельствахъ,
въ каковыхъ я нахожусь. Снис-
хожденія къ печали должны быть
священны для чувствительнаго
и нѣжнаго человѣка, а оныя въ
разсужденіи меня забыты и на-
рушены, тогда, какъ пришли мнѣ
предсшавлять такое требованіе

прежде еще, нежели я успѣлъ отдать послѣдній долгъ дочери моей, которую оплакиваю.

Сирѣ Карлъ и Оскаръ чувствительно были пронуты симъ упрекомъ; не извѣстно имъ было и пому и другому столь недавно случившееся произшествіе въ разсужденіи смерти Евфразіи.

Послѣ первыхъ минутъ удивленія Оскара, причиненнаго ему слышаннымъ отъ Маркиза, чувствовалъ онъ, что оскорблялось сердце его укоризною въ недостаткѣ нѣжнаго чувства; прогательнымъ и живѣйшимъ тономъ объяснялъ, что ежели бы онъ зналъ несчастіе Маркиза, то ничто бы не могло его понудить предстать къ нему въ такой часъ; что онъ соболѣзновалъ и уважалъ печаль его, и что просилъ его вѣрить искренности сего объясненія; и когда говорилъ такимъ образомъ, нѣсколь-

ко слезъ, выкатившіяся изъ глазъ его, подтвердили чистосердечіе, съ коимъ произносилъ сіе увѣреніе.

Маркизъ пронутъ былъ при видѣ слезъ сихъ, укорялъ себя въ жестокости своей, и сей знакъ чувствительности Оскара въ умѣ Маркиза гораздо болѣе послужилъ въ его пользу, нежели бы могъ по сдѣлать самый краснорѣчивѣйшій разговоръ.

Ежели бы сей молодой человекъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ, имѣлъ менѣе возвышенныя чувства, услышавъ упрекъ мой въ недоспапкѣ чувствительности, безъ сомнѣнія возразилъ бы еще болѣе, припоминая мнѣ несправедливость и безчеловѣчіе, въ копорыхъ я сдѣлался предъ нимъ виновенъ, а доказательства сему въ рукахъ его; но, нѣтъ! онъ видитъ меня добычею великой горести, и не захотѣлъ прело-

мишь сучокъ, Небомъ уже пораженный и ослабленный.

При мысли сей онъ смягчился, пропянулъ руку къ Оскару; я вижу, сказалъ онъ ему, что несправедливую сдѣлалъ вамъ укоризну. Поправлю заблужденіе мое; въ сію минуту прошу васъ довольствоваться только однимъ увѣреніемъ, которое даю вамъ, что все по самой справедливости будетъ сдѣлано, и какой бы оборотъ ни возымѣли произшествія, я желаю быть положенъ въ число друзей вашихъ. Оскаръ снова объяснялъ ему сожалѣніе свое, что представился въ такихъ обстоятельствахъ, и просилъ его опложить сіе дѣло до другаго времени. Маркизъ съ своей стороны бывъ отчасу болѣе доволенъ пошутками и обхожденіемъ Оскара, увѣрялъ его, что не заставитъ долгое время ожидать рѣшенія.

Маркизъ, оставшись одинъ, мало по малу успокоился, и былъ въ состояніи размышлять съ болъшею основательностію о томъ, что ему дѣлать надлежало. Слѣдствіе сихъ размышленій обнаружило предъ нимъ, что не возможно было избѣгнуть сего уступленія, которое совѣсть его предписывала ему, и которое ложныя мнѣнія чести воспрещали ему выполнить. Все, чего могъ онъ надѣяться, состояло въ томъ, чтобъ заключить сіе рѣшеніе, спасая при томъ честь свою, и надлежало сыскашь къ тому средство. Наконецъ выдумалъ онъ одно расположе- ніе, и льстился, что великодуш- шіемъ Оскара оно будетъ при- нято. Оно состояло въ томъ, чтобъ объявить, будто бы Графъ Дунрапъ по завѣщанію своему сдѣлалъ Г. Фитзлана на- слѣдникомъ своего имѣнія, въ

случаѣ смерти Лади Евфразіи , и что въ слѣдствіе сего приключенія Оскаръ вступаетъ во владѣніе ; что Лади Дунрашъ , пребываніе которой въ Аббатствѣ Дунрапскомъ не могли долѣе скрывать , недавно возвратилась изъ Французскаго монастыря , гдѣ препроводила нѣсколько лѣтъ . Маркизъ располагалъ также сказать Оскару , что заключеніе Лади Дунрашъ не имѣло другой причины , какъ худое поведеніе сей женщины , и желаніе воспрепятствовать безчестному браку , какой совершить она хотѣла , и что завѣщаніе , которымъ она всегда угрожала имъ , почивалъ онъ химерою , ею выдуманною , дабы устрашить ихъ . Соорудивъ сей планъ , облегчилось сердце его . Взшелъ онъ къ Маркизъ , и постепенно ириуготовивъ ее , сообщилъ ей все дѣло . Прибавилъ онъ , что бывъ удо-

сповѣрены, какъ опныиѣ должны они быть въ ничтожествѣ вещей міра сего, настало для нихъ время примириться съ Небомъ. Нещастіе расположило сердце Маркизы вняшь сіи истинны; одобрила она придуманное имъ, и помышляла, равно какъ и мужъ ея, что для извлечения изъ того уповаемой ими выгоды надлежало исполнить оное, не теряя ни мало времени. Въ слѣдствіе чего Маркизъ писалъ къ Оскару, дабы сообщить ему свое рѣшеніе, и при томъ желаніе свое къ наискорѣйшему выполненію онаго. Оскаръ не обманулъ ни мало довѣренности, оказанную Маркизомъ къ его великодушію; возвышенная душа его удалена была отъ того, чтобъ восторжесствовати надъ побѣжденнымъ непріятелемъ. Немедленно пріѣхалъ онъ въ замокъ, такъ какъ его шуда

и приглашали, и увѣрялъ, что все сдѣлается согласно съ желаніями Маркиза.

Можетъ быть въ сію минуту презрѣніе цѣлаго свѣта не могло бы болѣе унижить Маркиза, какъ шлокое великодушіе съ стороны такого человека, которому онъ столь продолжительную и столь жестокою чинилъ обиду. Сія прошивность между Оскарѣмъ и имъ самимъ раздирала ему душу и унижала его въ собшвенныхъ глазахъ своихъ. Сказалъ онъ Оскару, что пошчасъ, какъ скоро опдастся послѣдній долгъ его несчастной дочери, онъ съ нимъ все упорядитъ, и тогда представитъ его къ Маркизу. Просилъ онъ его имѣть свое пребываніе въ замкѣ, и присутствовать при погребеніи Евфразіи, какъ ближайшій родственникъ ея. Оскаръ отказался отъ перваго

изъ требованій его, и смутнымъ голосомъ обѣщаль находишься при печальной церемоніи. Онъ удалился; а Маркизъ, которой поддерживалъ себя противу горести своей, занимаясь мыслію о спасеніи чести, снова чувствовалъ все свое нещастіе. Желалъ онъ, чтобъ Оскаръ не дѣлалъ болѣе тайны о своемъ качествѣ наслѣдника Графа Дунрапа, и говорилъ, что самъ онъ возвѣстивъ въ домъ своемъ новостъ сію. Такимъ - то образомъ Лордъ Моршимеръ былъ о томъ увѣдомленъ. Онъ былъ восхищенъ отъ радости, узнавъ, что Аминпа и братъ ея наконецъ спанувъ наслаждаются независимостію, и увидятъ для себя щасливѣйшіе дни.

Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ, Лордъ Шербюри палъ подъ бременемъ печалей своихъ и болѣзни. Послѣднія слова его были

благословеніемъ къ сыну, которое Мортимеръ съ нѣжностію принялъ, весьма различествуя въ семь отъ развращенныхъ сихъ и загрубѣлыхъ отъ разсѣянности молодыхъ людей, которые кажутся съ неперпѣливостію ждуть послѣднихъ минутъ отца, коего смерть доставивъ имъ изобильнѣйшія средства къ удовольствованію страстей своихъ. Горесть Мортимера улаждалась свидѣтельствомъ, какое онъ давалъ себѣ въ томъ, что не пропустилъ ничего, что бы могло доставить отцу его нѣкоторое успокоеніе; и какъ явно было, что Лордъ Шербюри никогда бы не могъ быть покоенъ послѣ того, какъ поступокъ его сдѣлался бы извѣстенъ свѣту, сносилъ потерю сію, прося съ благочестивымъ чувствомъ, чтобъ Богъ внялъ раскаяніе виновника,

и водворилъ бы его въ блаженное пребываніе.

Скоро послѣ оставилъ онъ замокъ и печальныхъ хозяевъ онаго, и отправился съ Лади Маршою и сестрою своею Лади Араминшою въ Торнбюри, гдѣ положены были предки его. Онъ пробылъ тамъ до прибытія тѣла отца его, и послѣ погребенія побѣжалъ въ Лондонъ, дабы исполнишь расположеніе свое для заплашы долговъ отца своего. Не могъ онъ утаить сего предпріянія отъ тетки своей; но рѣшился скрыть отъ нее о займѣ съ залогомъ другихъ владѣній своихъ, опасаясь, чтобъ не возымѣла она какого либо подозрѣнія оскорбительнаго памяти отца его. Среди заботъ сихъ, не оставяла его однако же мысль о Аминѣ; ни дѣла, ни печали не могли изгнать ее изъ головы его; лестныя и нѣжныя надеж-

ды его начали оживатьъ, какъ вдругъ неожиданный ударъ поразилъ его и повергнулъ въ положеніе еще гораздо несчастнѣйшее, еспьли по возможно было, нежели всѣ пѣ, какія испытывалъ онъ до сихъ поръ. Сказывали ему по добѣренности, что сестра Графа Дунрата (ибо Оскаръ принялъ шутку дѣда своего) идетъ за мужъ за Сира Карла Бингеля. Дружба, которую онъ зналъ существующею между Графомъ и Сиромъ Карломъ, дѣлала сіе весьма вѣроятнымъ. Но ежели и оставалось ему какое либо сомнѣніе, то одно происшествіе, которое онъ въ по жѣ время узналъ, довершило увѣрить его въ точности несчастія его ужасающаго. Сиръ Карлъ самъ опнесся къ нему съ предложеніемъ купить у него Тудор-Галль; и Моршимеръ не сомнѣвался ни мало, что сіе было по желанію

Аминты. Не въ силахъ будучи умѣришь чувствъ своихъ, сказалъ Сиру Карлу, что можетъ о семъ условиться съ его повѣреннымъ въ дѣлахъ. Обвинялъ Аминту въ жестокости, неблагодарности, нечувствительности ко всему тому, что онъ претерпѣлъ для нее. Заслуживалъ ли онъ такъ скоро быть изгнаннымъ изъ ея памяти, и замѣнишь въ сердцѣ ея такимъ человѣкомъ, кошорой никогда не подавалъ ей столь сильныхъ доказательствъ постоянства и любви? И такъ она для меня потеряна! навсегда потеряна! и къ чему послужитъ мнѣ то, чтобъ честь ея была опмщенна? Мое несчастіе тѣмъ еще увеличено. О родитель мой! какого блага побою я лишенъ! Но не хочу превозить прахъ твой; прости невольному выраженію растерзаннаго сердца. Аминта, продолжалъ онъ, будешь

Госпожею Тудор - Галла , и не предоставитъ ни единого вздоха воспоминанію о томъ , копорой былъ обладателемъ онаго. Спанетъ она прогуливаться подъшою тѣнію , гдѣ столь часто внимала кляпвы мои , кляпвы ненарушимой любви ; кляпвы , увы ! копорыя сердце мое надмѣру сохранило ; и шамъ же услышитъ она кляпвы новаго владѣльца. Ахъ ! сей - то есть послѣдній ударъ и најжесточайшій , какой только участь моя могла приуготовитъ мнѣ !

Лордъ Морпимеръ , или лучше сказать , Лордъ Шербюри , ибо опнынъ мы его такъ именвашь будемъ , дѣствительнѣно былъ увѣренъ , что привязанность Аминшы къ нему постоянствомъ и непремѣнностію равнялась той , какую онъ чувствовалъ къ ней. Предавался лестной мысли , что опяшь начавъ ее искашь , могъ бы

онъ составилъ, соединясь съ ней, благополучіе Аминшы и свое. Правда, что теперь обладала она богатствомъ гораздо превосходнѣйшимъ пропивъ того, которое онъ самъ полагалъ имѣть; но послѣ доказательствъ, какія подавалъ онъ ей безкорыстной любви, возобновляя предложенія свои, ни отъ нее самой, ни отъ свѣтскаго мірнаго не можетъ быть подозрѣваемъ ни въ какомъ побужденіи корысти. Черезъ то, что услышалъ онъ, надежды его были разрушены и намѣренія разстроены. Тотчасъ по окончаніи нужныхъ дѣлъ своихъ рѣшился отбѣжать въ дальнія свои владѣнія. По смерти отца своего не имѣлъ онъ болѣе надобности приниматься за военное ремесло. Унылый духъ его, и разстроенное здоровье, препятствовали ему вступить въ сей путь.

Покупка Тудор - Галла Си-ромъ Карломъ была окончена ; нужно было Лорду Шербюри пови- ашься съ управителемъ , копо-раго онъ памъ имѣлъ. Разсудилъ лучше самому шуда сбѣздить , нежели призывать онаго въ Лон-донъ ; припомъ влекло его шуда и желаніе е.це увидѣть и въ послѣдній разъ мѣсто , любезное сердцу его споль сладостными воспоминаніями. По прибытіи своемъ остановился у своего управителя , упросивъ онаго тщательно скрывать о его прі-ѣздѣ. Будучи въ прогулкѣ для обозрѣнія всѣхъ мѣствъ , которыя нѣкогда пробѣгалъ съ Аминтою , вошелъ въ музыкальную залу , гдѣ обрѣлъ ее , совершенно бывъ неизвѣстенъ , что она въ той спранѣ находилась. Съ трудомъ изобразилъ себѣ возможно ощу-щаемое имъ удивленіе и смуп-ность при семъ неожиданомъ

видѣнїи. Довольно сказашь, что желаніе, оказанное Аминшою, отъ него удалился, относилъ онъ къ новой спроси ея къ Сиру Карлу. Когда же въ семъ случаѣ выведенъ былъ изъ заблужденія, то восторгъ его, видя себя еще любимымъ, въ высочайшемъ былъ степени, и онъ объяснялъ, равно какъ Аминша, что онъ слишкомъ награжденъ былъ за все прешерпѣнное имъ.

Г Л А В А 6.

Но, любезный другъ мой! вскричалъ Лордъ Шербюри, тогда, какъ Аминша упирала слезы, которыя заставляло ее проливать повѣснвованіе о печальной участи Лади Евфразїи: думаете ли вы, чтобъ братъ вашъ одобрилъ нашъ союзъ, и согла-

сился на благополучіе наше? онъ, который можетъ столь далеко проспирать намбренія свои въ разсужденіи сестры, соединяющей въ себѣ теперь богатство и красоту. Захочетъ ли онъ отдать ее человѣку, кромѣ пустаго шипла, ничего. почти предложитъ не имѣющему?

Ахъ! сказала Аминта, такое сомнѣніе обидно бы было для благородной и великой души Оскара. Такъ; вмѣняя въ честь себѣ, съ удовольствіемъ, съ восхищеніемъ отдастъ сестру свою человѣку, котораго она уважаетъ и любитъ; шому, который попирая ногами пустые предразсудки и мерзкую корысть, искалъ ее въ мрачности, въ убожествѣ, безъ друзей и безъ защитниковъ, дабы богатство свое повергнуть къ стопамъ ея.

Но естли мнѣнія его съ моими несогласны, естли воз-

можетъ онъ покуситься привле-
кашь меня къ другому выбору ,
сердце мое воспротивишься его
усиліямъ , и я сдѣлаю ему при-
знаніе , что рѣшимость мою ни-
что поколебать не удобно. Но
Оскаръ не способенъ къ таково-
му поступку ; всѣ великодуш-
ныя чувства обитаютъ въ душѣ
его ; наконецъ сердце его сход-
ствуешь съ вашимъ , и болѣе
сего выразить не умѣю.

Лордъ Шербюри взявъ ея
руку, прижималъ оную къ груди
своей. О дражайшая и наило-
безнѣйшая изъ женщинъ ! вскри-
чалъ онъ, могу ли я сказать, что
вы теперь моя ? Послѣ толикихъ
препятствій и толикихъ горе-
стей, не уже ли достигаю я на-
конецъ до обладанія столь драго-
цѣннымъ благомъ ? О моя любез-
ная Аминша ! не удивляйтесь по-
му, что я еще сомнѣваюсь въ
почности моего благополучія.

Въ словъхъ послѣдней перемены
всего положенія, кажется, вижу
только сонъ восхищительный;
но, великій Боже! да не разпор-
гнешся никогда сей упоевающей
сонъ!

Аминша вспомнила тогда,
что ежели еще долбе будетъ въ
отсутствіи отъ Эдвиновъ, то
они спанувъ превозмущаются и при-
дутъ искать ее. Сообщила о
семъ замѣчаніи Лорду Шербюри
и встала идти; но онъ хотѣлъ
ее проводить, и она ему въ
томъ не противилась.

По возвращеніи своемъ нашли
они кормилицу и Бешпи. Удивле-
ніе матери было чрезмѣрно при
явленіи Лорда Шербюри. Смѣ-
шивалось оное съ негодованіемъ,
помышляя о невѣрности Лорда
противъ ея любовной дочери
Аминши; но когда вывели ее
изъ сего заблужденія, радость
ея до изступленія доходила.

Слава Богу! говорила она, и такъ я опять увижу, что любезная дочь моя возвратитъ прежнюю свою бодрость, и сдѣлается еще болѣе прекрасна, нежели когда нибудь. О! я никогда не думала, чтобъ Милордъ былъ изъ числа шѣхъ лживыхъ и обманчивыхъ мужчинъ, о копорыхъ бабушка моя мнѣ всегда говаривала.

Добрая кормилица, сказалъ ей Лордъ Шербюри усмѣхнувшись, и такъ вамъ очень хочется отдать мнѣ любезное дитя свое, и отдать ее весьма съ добрымъ сердцемъ?

Такъ, Милордъ, я бы въ сію же минуту отдала вамъ ее, естлибъ только могла.

Милая моя! сказала Аминта, Милордъ теперь доволенъ буденъ и шѣмъ, чтобъ вы дали ему пообѣдать.

Въ то же время просила она, чтобъ столъ накрыли въ бесѣдкѣ, о которой говорили при началѣ сей повѣсти, и пошла она туда съ Лордомъ Шербюри.

Сіе требованіе обѣда доставило великія суеты кормилицѣ и ея дочери. Какъ я несчастлива, сказала мать, что нѣтъ у меня ничего ни горячаго, ни хорошаго представить Милорду! Какъ же спанетъ онъ обѣдашь холодную баранину и салатъ? Это виновата Миссъ Аминша, которая не хочетъ меня допустить сдѣлать по моей волѣ. Трудно ей было увѣрить себя, что Милордъ доволенъ будетъ споль легкою прапезою. Тутъ прибавили все, что сыскалось молочнаго, и Белпти пошла нарвать свѣжихъ орѣховъ.

Никогда Лордъ Шербюри не имѣлъ лучшаго обѣда, никогда онъ и Аминша не вкушали споль

числаго благополучія , такого ,
какое доставляеишь спокойное и
несомнѣнное наслажденіе онаго.
Удовольствіе, нѣжность, блиста-
ли въ выразительныхъ и взаим-
ныхъ взорахъ ихъ, лучше нежели
когда иибудь чувствовали они,
что въ посредственномъ состоя-
ніи и положеніи жизни гораздо
легче сыскать блаженство.

Лордъ Шербюри чувствовалъ
себя болѣе покорнымъ ко умень-
шенію своего богатства , кото-
раго однако же довольно еще было,
чтобъ доставить ему безнужное
и довольное содержаніе. Роскошь,
отъ коей долженъ былъ опны-
нѣ отказать, не имѣла болѣе
пріятносшей въ глазахъ его, и
въ сію же минуу ощущалъ онъ,
сколь не нужна она была къ
благополучію, и сверхъ того
видѣлъ онъ, что Аминпа не бо-
лѣе его о томъ сожалѣла. Свѣтъ,
его пышности, его удовольствія,

же суть ли ничто для двухъ особъ, одинъ въ другомъ находящихъ все то, что воображеніе можетъ себѣ представить прекраснѣйшаго, и все то, что сердце можетъ желать сладостнѣйшаго?

Казалось, что вся Природа вѣ кругѣ его улыбалась. Онъ ощущалъ благовонный запахъ первыхъ цвѣтовъ; сквозь покрывающую его тѣнь видѣлъ онъ блескъ небснаго лазуря, и чувствовалъ благотворительное вліяніе дневнаго свѣтила, котораго могущественные лучи освѣщали дальнія поля, и доставляли красотамъ Природы весь блескъ ихъ. Извѣснялъ онъ Аминѣ чувства свои, внималъ онѣ нее, что и она таковыя же ощущала, съ радостнымъ восторгомъ нѣжнаго и пылкаго духа выхваляла и сама плѣнительную сцену, находящуюся предъ глазами

ихъ. О! сколько представлялось нѣжныхъ воспоминаній! сколько сладостныхъ плановъ благополучія начертывалось!

Лорду Шербюри хотѣлось выслушать отъ Аминты все, что претерпѣла она съ минуты послѣдняго ихъ разлученія. Если бы любовь его и почтеніе къ ней могли еще возросли, то повѣствованіе сіе конечно бы увеличило ихъ.

Не прежде оставили они садъ, какъ уже при наступленіи ночи. Съ какимъ движеніемъ видѣла Аминта захожденіе солнца, восходящія лучи котораго сего утра вскрѣшили глаза ея омоченныя слезами!

Возвратись домой, примѣтила она, что кормилица нарядилась въ наилучшее платье свое, и послала сыскашь игрока на арфу, жившаго недалеко отъ дома. Инструментъ его привлекъ

множество съсѣдей, которые очень покушались пуститься въ танцы. Кормилица хотѣла въ помѣ имѣ воспрепятствовать, говоря, что гостямъ ея нуженъ былъ покой. Но Лордъ Шербюри желалъ ихъ удовольствовать, и просилъ, чтобъ ихъ подчивали, равно какъ и о помѣ, чтобъ наградили музыканта.

Не хотѣлъ онъ осмѣивать Аминты, не испросивъ позволенія завтра поутру олять придти тогда, какъ только можно ей будетъ принять его. Первый голосъ, услышанный ею при пробужденіи ея, былъ голосъ Морпимера, разговаривающаго съ кормилицею. Легко можно догадаться, что не много употребляла она времени для своего туалета: самая простота ея одежды и головнаго убора то доказывали; она сошла скоро, и они прогуливались до шѣхъ поръ, какъ

былъ готовъ завтракъ, вмѣстѣ попирая ногами упренную росу, и собирая въ первой свѣжести развертывающіеся цвѣтки.

Аминша, со дня на день ожидая своего брата, хотѣла увѣдомить хозяевъ своихъ о перемѣнѣ, случившейся въ состояніи Оскара. Выбрала минуту, въ которую съ помощію Лорда Шербюри могла она о семъ происшествіи сообщить своей кормилицѣ. Если бы она была одна, то бы она ея задавила вопросами. Радость и удивленіе восхищали сію добрую женщину, и неперпѣливость ея возвѣстить о семъ всему ея семейству, избавила Аминшу отъ повпоренія того, о чемъ уже сто разъ у нее спрашивала.

Лордъ Шербюри обѣдалъ съ Аминшою, какъ и въ предвѣдущій день. Надежда скорого прибытія Оскара не была обманута.

Когда послѣ обѣда сидѣли они въ саду, кормилица приближала запыхавшись, и сказывала имъ, что видѣла на дорогѣ прекрасную карету въ четыре лошади, и что вѣрно это былъ Лордъ Дунрашъ.

Лордъ Шербюри смутился. Аминта не хотѣла, чтобъ онъ видѣлся съ Оскаромъ, прежде нежели скажетъ она Оскару все, что нужно было ему знать относительно Лорда Шербюри. Сей отошелъ боковою дорожкой вдалека сада, тогда, какъ Аминта бѣжала домой, дабы встрѣпить шамъ любезнаго своего брата. Свиданіе ихъ было нѣжно и прогательство. Эдвины окружили Оскара, оказывая свое восхищеніе и выражая своимъ искреннимъ и простымъ слогомъ поздравленіе ихъ съ его благополучіемъ, и желаніе ихъ, чтобъ онъ премногіе годы наслаждался онымъ.

Онъ благодарилъ ихъ съ нѣжнѣйшею чувствительностію, и увѣрялъ притомъ, что попеченіе ихъ о любезной сестрѣ его и несчастномъ отцѣ, и о немъ самомъ во время юности его, давали имъ права на вѣчную его признательность. Какъ скоро только Аминта и онъ могли скрыться отъ усердія сихъ добрыхъ людей, не оскорбивъ чувствительность ихъ, то удалились они въ комнату Аминты, гдѣ Оскаръ началъ ей рассказывать о всемъ томъ, что происходило между имъ и Маркизомъ Рослиномъ.

Скоро послѣ погребенія Лади Евфразіи, Маркизъ по общанію своему все распорядилъ съ Оскаромъ, и ввелъ его во владѣніе Аббатства Дунратъ. По желанію Маркиза, Оскаръ самъ побѣждалъ шуда возвѣстить Лади Дунратъ о ея свободѣ, и про-

силь ея не избличать во лжи
слуха, какой желали они разсѣ-
ять, что она возвратилась изъ
Франціи, препроводя тамъ нѣ-
сколько лѣтъ. Признаюсь вамъ,
продолжалъ Оскаръ, что безче-
ловѣчіе ея противъ матери мо-
ей, и безпорядочное поведеніе
ея, весьма сильныя произвели во
мнѣ предубѣжденія къ ней. Что
же касается до поздой воздавае-
мой намъ ею справедливости,
то я относилъ оную также къ
негоднованію ея противъ Маркиза.
Но когда вошелъ въ ея комна-
ту, то предубѣжденія сіи дали
мѣсто нѣжнѣйшимъ чувствамъ.
Я былъ пронупъ жалостію, ви-
дя ея искреннее раскаяніе. Хотя
приготовленъ былъ найми лице
ея измѣнившимся отъ печали и
заключенія, никакъ не ожидалъ
однако же увидѣть такое раз-
рушеніе; это было истинное
привидѣніе, кости одни кожею

покрышыя. Когда я вошелъ, прежде предувѣдомивъ ее о томъ чрезъ Мисприссу Брюсъ, и какъ вошелъ я одинъ, она мнѣ сдѣлала знакъ головою, и сіе одно доказало мнѣ, что она жива. Ни за что въ свѣтѣ не нарушилъ бы я спокоя ужаснаго молчанія. На послѣдокъ такимъ голосомъ, копорой проникъ до глубины души моей, умоляла она моего прощенія за зло, ею мнѣ причиненное. Я увѣрялъ ее разными образы, что опъ всего сердца моего даю ей оное; но увѣренія мои умножали только движеніе ея, слезы и рыданія ея заставили меня познать горещь, копорой была она добычею. Я жила, сказала она мнѣ, дабы оправдать пути Провидѣнія между человѣковъ, и дабы доказать, что какія бы напасти ни прешерпывалъ добродѣтельной человѣкъ, Оно никогда его не оставитъ. Оно вознаграждаетъ

добродѣтели Фитзалана и супруги его даже на попомкахъ ихъ. Я жила, дабы увидѣть совершеніе желаній моихъ, и раскаяніе мое приводящимъ сію щастливую мину; попомъ оставлю жизнь безъ сожалѣнія. Она оказала мнѣ горячее усердіе увидѣть дочь свою. Слезы материнской жалости, говорила она мнѣ, могутъ быть бальзамомъ на раны ея сердца. Увы! въ моемъ опчаяніи я часто предвѣщала ей наказаніе ее ожидающее, и гораздо еще чаще умоляла Небо отвратить отъ нее оное.

Я сообщилъ Маркизу о желаніи шещи его. Маркиза сначала пому пропивилась, опасаясь имѣть предъ глазами раздраженную мать; но напоследокъ она на то согласилась, и просили меня ѣхать въ Аббатство, взять Ланди Дунратъ, дабы препроводить

ее къ Маркизѣ. Не могу вамъ описать сцены, которой я былъ свидѣтелемъ. Не могу въ выдти изъ ума моего съ одной стороны нѣжность родительская, съ другой раскаяніе дочери, и угрызенія и ужасъ означившіяся на всѣхъ чертахъ Маркизы, какъ скоро только возвела она взоръ на несчастную мать свою. Я предлагалъ Лади Дунрамъ продолжать пребываніе свое въ Аббатствѣ, естли по угодно; но наконецъ положено было, чтобъ ей жить съ Маркизою. Послѣднія минуны ея можетъ быть усладятся присутствіемъ дочери; но до сихъ поръ я полагаю, что несчастіе ея умножилось зрѣлищемъ того, въ какомъ находишься Маркиза и Маркизъ. Они въ томъ ужасномъ положеніи, къ которому не возможно никакого облегченія доставить, когда нездѣлима скорбь души, и когда,

по прекрасному выраженію одного изъ новѣйшихъ нашихъ Писателей, запертыя двери смерти находятся между нещаспемъ и надеждою.

Тогда Аминта съ нѣкоторымъ смятеніемъ увѣдомила Оскара о истинномъ ея положеніи въ сношеніяхъ, какія имѣла съ Лордомъ Шербюри, и просила быть увѣреннымъ, что она отъ него никогда бы сего не скрыла, естлибъ не опасалась симъ огорчить его. Когда она окончила, онъ нѣжно ее обнялъ, и объяснялъ ей, что онъ радовался и поздравлялъ ее, нашедъ столь доспойный себя предметъ, и столь способный учинить ее щаспливою.

Но гдѣ же сей любезный другъ? сказалъ онъ съ веселымъ видомъ. Не надобно ли мнѣ его поискать, какъ предпочитаемаго цвѣтка въ вашемъ вѣночкѣ? или,

лучше сказать, нѣтъ ли его въ какомънибудь уединенномъ мѣстѣ сада?

Пойдемъ; взоры ваши говорятъ мнѣ, что исканіе сіе вамъ не проливо. Войдемъ въ садъ. Лордъ Моршимеръ увидѣлъ ихъ приближающихся. Аминта сдѣлала ему знакъ: онъ подошелъ, и она представила его Лорду Дунрапу. Приемъ, какой оный ему учинилъ, былъ наилестнѣйшимъ знакомъ, какой бы онъ только могъ имѣть о привязанности Аминты; ибо съ самой сей первой встрѣчи Лордъ Дунрапъ опнесся къ нему съ живѣйшими и пріятнѣйшими выраженіями благосклонности и дружбы. Столько же не удобно описать чрезмѣрную радость, какъ и сильную печаль; и такъ я не возмусь изображать сію сцену. Лордъ Дунрапъ свой экипажъ и людей своихъ отправилъ въ по-

стоялой дворъ того селенія, располагаясь тамъ остановишься; но Лордъ Шербюри его опвелъ отъ того, сказавъ ему, что онъ гораздо покойнѣе можетъ стоять у его повѣреннаго въ дѣлахъ. Тамъ - то, куда въ вечеру они опправились, Лордъ Шербюри извяснялъ желаніе свое немедленно соединиться съ Аминшою узами брака, и согласясь о всѣхъ относящихся къ тому распоряженіяхъ, положили окончить ихъ свадьбу во время пребыванія Аминши у Эдвиновъ, откуда новобрачныя опправятся къ Лади Маршъ. Къ сему надлежало позволеніе отъ главнаго Духовенства. Условились, чтобъ Лордъ Шербюри и Оскаръ завтра ѣхали пребывать оное, и опправились бы по упру. При завтракѣ Аминша была увѣдомлена о расположеніи ихъ, и хотя при семъ объявленіи скромный

румянецъ оказывался на лицѣ ея, не дѣлала однако же припворнаго сопропивленія оному.

Путешественники употребили всевозможное раченіе, и по возвращеніи ихъ, которое послѣдовало на другой день послѣ ихъ пребыванія, Аминта, не представляя пустой скромности, которая во истинну была во глубинѣ души ея, согласилась, чтобъ завтра же бракъ былъ совершенъ.

Послали сыскапъ священника Говеля, и сказали ему о часѣ, въ которомъ имѣли надобность въ его служеніи. Взоръ его, преисполненные кропкой радости, свидѣпельствововали Аминтѣ удовольствіе, какое вкушалъ онъ, видя ее щасливою.

По утру Лордъ Дунратъ и новый другъ его отправились къ Эдвинамъ, и чрезъ нѣсколько минушъ по приѣздѣ ихъ пришла

къ нимъ Аминта, совершенный образецъ невинности и красоты. Она предстала имъ въ видѣ, какимъ бы изобразили прѣпную простоту, убранная съ просто-сердечнымъ искусствомъ деревенской дѣвушки, безъ всякихъ другихъ украшеній, кромѣ пѣхъ, которыя не превосходящъ крошечъ и смиренномудрїе.

Не возможно изобразить чувствъ Лорда Шербюри; въ глазахъ его читали радость побѣдителя, достигающаго обладанія такою женою. Мракъ унынія покрывалъ прекрасныя черты Лорда Дунрапа при видѣ благополучія Лорда Шербюри, помышляя о томъ, каковое было бы его удѣломъ безъ ужаснаго вѣроломства, котораго онъ учинился жертвою.

Когда Лордъ Шербюри взялъ прѣпную руку Аминты, при выходѣ изъ дома Эддиновъ, дабы

препроводить ее къ олтарю ,
вздохнула она , оставляя сіе мѣ-
сто , гдѣ началось благополу-
чіе ея.

Будущіе супруги шли къ
церквѣ , сопровождаемы корми-
цею и всѣмъ ея семействомъ.
Дружескою рукою гробъ Маль-
вины былъ усыпанъ новыми цвѣ-
тами , и когда Аминпа шла
мимо онаго , остановилась на
минушу , испрашивая на союзъ
ея благословеніе отъ любезныхъ
родителей своихъ.

Говель былъ уже въ церквѣ ,
и церемонія безъ оплагашелі-
ства кончилась. Съ наисладчай-
шимъ удовольствіемъ Лордъ Дун-
ратъ отдалъ милую сестру свою
Лорду Шербюри , и съ воспорага-
ми самой искренней радости
Лордъ Шербюри принялъ оную ,
какъ найдрагоцѣннѣйшій даръ ,
Небомъ ему ниспосланный.

Послѣ священной церемоніи Лордъ Шербюри прижалъ къ груди своей Аминшу, учинившуюся уже его Аминшою; она пролила сладостныя слезы радости при исполненіи произшествія столь давно желаемого, и въ которомъ она столь долгое время опчавалась. Лордъ Шербюри оперъ слезы ея; и когда приняли они объятія и поздравленія брата своего, тогда представилъ онъ ее полнѣ зрителей.

Слава Богу! сказала кормилица, желанія мои исполнены. Не переспавала я всякой день, поутру и въ вечеру просишь Его, чибобъ могла я увидѣть дочь любезнаго Капитана Фишзалана въ щасливомъ замужствѣ.

Бѣдная Елена плакавъ отъ радости говорила: теперь-то я щаслива, для того, что таковою же вижу любезную Госпожу мою!

Аминта, чувствительно пронупая получаемыми ею знаками искренняго усердія, не могла иначе возблагодарить сихъ добрыхъ людей, какъ обязательною улыбкою.

Лордъ Шербюри, замѣтивъ ея движеніе, и видя ее не въ состояніи говорить, взялъ за руку Эдвина и кормилицу, сказавъ имъ: Лади Шербюри никогда не забудетъ попеченій и добрыхъ услугъ, оказанныхъ Миссѣ Фитзаланъ.

Сдѣлали уже свадебные подарки всѣмъ Эдвинамъ и Говелю; Лордъ Шербюри въ знакъ его искренней дружбы прекрасный даръ учинилъ, бѣднымъ поселянамъ такъ же раздѣляли деньги.

Лордъ Шербюри подалъ руку Аминтѣ, дабы посадить ее въ карешу, долженствующую везти

ихъ съ Лордомъ Дунратомъ въ Торнбюри.

Пробѣжавъ четверть мили, находились онѣ подлѣ Тудор-Галла.

Когда поворачивали въ лѣсъ, Оскаръ сказалъ: Милордъ! позвольте мнѣ на минушу остано-
виться; хотѣлось мнѣ глазомъ окинуть домъ; выдемъ на часъ.

Лордъ Шербюри ощущалъ нѣкое смятеніе; сильное чувствовалъ сопротивленіе увидѣшь то мѣсто, которое уже не принадлежало ему болѣе; не хотѣлъ однако же отказать Графу.

Аминта тотчасъ познала мысль своего мужа, и желала бы, чтобъ братъ ея не дѣлалъ сего требованія; но никто въ помѣ не пропивился, и они вышли у длинной и прекрасной аллеи, вырубленной въ лѣсу и прямо къ дому лежащей; съ обѣихъ сторонъ былъ густой дѣрѣв,

украшенный цвѣтами; густыя вѣтви высокихъ деревъ составляли пріятную тѣнь; вѣющіеся цвѣты сплетались на ихъ кореньяхъ, и не малая разнообразность благовонныхъ кусточковъ наполняли воздухъ пріятнымъ запахомъ.

Утро не весьма давно настало; капли росы блистали еще на деревь, и зелень была во всей своей свѣжести; прогалины лѣса оставляли видѣть прекрасную рѣку прозрачѣйшей воды, на берегахъ которой съ легкою покашостию оканчивалась зеленая долина, наполненная стадомъ, и разсыпающая предъ солнцемъ все свое богатство. Птицы оживотворяли сцену; наконецъ тишина, пріятности нѣбса сего, вырвали вздохъ у Господина, которой видѣть выходящимъ оное изъ рукъ его.

Ахъ! говорилъ онъ самъ себѣ: сколько бы я утѣшился, заботясь о старыхъ сихъ деревьяхъ, подвѣтвѣнию копорыхъ препровождалъ я столь сладостные часы!

Вошли они въ сѣни, двери оныхъ были опворены; это была большая комната готическаго зданія, освѣщенная съ каждой стороны порядкомъ круглыхъ оконъ, въ уступѣ копорыхъ находились миршова деревья, розовые кусты; все сіе испускало свой благовонный запахъ, и придавало дому видъ празднества и веселости.

Сія передняя комната присоединялась къ большой залѣ, къ копорой подходилъ Оскаръ, преслѣдуемъ своими шоварищами. Но какое было удивленіе и удовольствіе Лорда и Леди Шербюри, когда разтворившіяся две-

ри дали имъ увидѣшь Лади Маршу и Лади Араминшу Дормеръ!

Лордъ Шербюри съ минутою казался обращеннымъ въ истукана; ласки тетки и сестры его, раздѣляемая между имъ и его супругою, возвратили ему движеніе; но равномерно соотвѣтствуя имъ оными, бросилъ взоръ на Оскара, и спрашивалъ у него объясненія всему, что видѣлъ.

Объясненія, Милордъ! опѣчалъ Оскаръ. Не дамъ вамъ онаго, пока не скажете намъ, пріятны ли мы гости въ вашемъ домѣ?

Въ моемъ домѣ? сказалъ Лордъ Шербюри, съ удивленіемъ смотря приспально на Оскара.

Лордъ Дунрашъ тогда подошелъ къ нему; никогда онъ столько милымъ не казался: на всѣхъ чертахъ его означалось доброхотство, и видъ его подобенъ былъ виду Ангела, низпо-

сланнаго съ неба для блага чело-
вѣческаго.

Простите мнѣ, любезный другъ мой! сказалъ онъ Лорду Шербюри, естли я вамъ далъ на одну минуту прискорбіе, котораго могъ бы избавить васъ; но чрезъ то хотѣлъ приуголовить вамъ живѣйшее удовольствіе. Я былъ увѣдомленъ въ Шотландіи о привязанности вашей къ сестрѣ моей отъ Лади Грейстокъ, которую вамъ обѣимъ нельзя забыть. Увидя въ публичныхъ извѣстіяхъ землю Тудор-Галла назначенную къ продажѣ, просилъ я Сира Карла Бинглей для меня купить ее своимъ именемъ, нѣкоторымъ образомъ предчувствуя нынѣ соединившее насъ происшествіе, и дабы имѣть свадебной подарокъ сестрѣ моей, которой бы могъ ей понравиться. Позвольте же мнѣ, прибавилъ онъ, взявъ руки у

этого и у другой, и въ своихъ соединивъ оныя вмѣстѣ: позвольте мнѣ, въ присутствіи любезныхъ вамъ особъ, вручить вамъ сіе почтенное жилище, которое будетъ свидѣтелемъ вашего домашняго благополучія, и убѣжищемъ, гдѣ несчастные не преспадутъ находить утѣшеніе и помощь.

Лордъ Шербюри надмѣру много былъ пронутъ, чтобъ могъ отвѣчать, и не имѣлъ возможности объяснить Оскару сію неудобность, какъ только въ прерывающихся словахъ.

Не говорите мнѣ, сказалъ, ему Оскаръ, о благодарности, есѣли вы не хотите огорчить меня; забудьте, что когда либо вы переспавали бышь владѣльцомъ Тудор - Галла; или есѣли вы и вспомните о томъ, по чтобъ сіе было помышляя, что при возвращеніи онаго вы взяли

на себя весьма тяжкое бремя, и которое долженствувешъ умѣришь надмѣру живѣйшее чувство обязанности, какую мнише вы имѣть ко мнѣ.

Лордъ Шербюри усмѣхнулся, бросивъ взоръ на милое бремя, о которомъ говоряшъ ему, что онѣ нынѣ имѣ опягчилъ себя.

А я, вскричала Аминта, бросаюсь въ руки Оскара, что скажу брату моему, дабы возблагодарить его за милое мнѣ благодѣяніе? Ничего, отвѣчалъ Оскаръ. Успокойтесь только, и займитесь тѣмъ, чтобъ хорошенько принять насъ у себя въ домѣ.

Представилъ по томъ сестру свою Лади Маршъ и Лади Араминтѣ, которыя обняли ее, и вновь поздравляли, какъ хозяйку дома. Она провела ее въ первомъ мѣсто въ столъ, гдѣ поставленъ былъ изобильно и пріятно угошвенный завтракъ. Оскаръ

и Лордъ Шербюри помогали ей подчивать онымъ; Лади Марша съ восхищеніемъ зрѣла сію молодую челу, и говорила, что никогда не видала она такой, которую бы могла сравнить съ оною, или которая бы была споль хорошо сходственна. Пріятный румянецъ здоровья и смиренно-мудрія украшалъ щеки Аминшгъ, и глаза ея сквозь длинныя рѣсницы блистали чувствомъ сладостнаго удовольствія. Не меньше мило и оживленно было лицо Лорда Шербюри, глаза коего равно весь свой блескъ воспріяли.

Страшивали у Оскара, какъ онъ умѣлъ приготовить ешоль пріятную нечаянность Моршижеру и сестрѣ своей? Онъ писалъ къ Господамъ въ Торнбюри, сообщая имъ о своемъ расположеніи, и просилъ ихъ пріѣхать въ Тудор-Галль, куда онъ прібыли: въ вечеру наканунѣ того

дня. Лордъ Дунратъ сказалъ также Лорду Шербюри, что увѣренъ будучи сдѣлать симъ для него весьма пріятное, препоручилъ онъ своему повѣренному вѣдѣлахъ, утвердить всѣхъ служителей въ прежнихъ должностяхъ ихъ, и пригласить всѣхъ главныхъ откупщиковъ къ свадебному столу.

Лордъ Шербюри увѣрялъ его, что это было то, что бы онъ и самъ сдѣлалъ. Послѣ завтрака предложили прогулку въ саду и въ рощицахъ; сборщики и служители уже собрались въ передней комнатѣ и въ подвѣздѣ замка; Лордъ Шербюри шелъ среди ихъ, и радость, какую они оказывали о томъ, что еще будутъ имѣть его своимъ Господиномъ и повелителемъ, чувствительно его тронула. Онъ благодарилъ ихъ за усердіе, и принималъ поздравленія ихъ съ ла-

скою и благопріятствомъ , его всегда отличавшимъ. Прогулка была восхитительна ; около полудни искали пѣни , и удалились въ прелестную бесѣдку , изъ лилей и изъ прочихъ благоуханныхъ цвѣтовъ составленную , гдѣ нашли прохладительности , какъ бы нѣкимъ очарованіемъ шуда принесенныя. Онѣ возвратились уже къ обѣду , и имѣли удовольствіе видѣть всѣ семейства откупщиковъ своихъ за длинными столами , въ лѣсочкѣ поставленными , наслаждающимися съ чиспосердечною и непринужденною радостію изобиліемъ , на оныхъ царствующимъ. Лордъ Шербюри мимоходомъ далъ замѣтить Амьнтѣ важный видъ , какой брала на себя кормилица , сидящая въ первомъ мѣстѣ одного стола. Тщеславіе доброй женщины умножилось съ пѣхъ цоръ , какъ принимала она къ себѣ

своихъ почешныхъ гостей. Радости своей границъ не полагала, когда услышала отъ управителя приглашеніе на сіе празднество: Старалась придти въ замокъ вмѣстѣ съ женами самыхъ богатыхъ откупщиковъ; рассказывала имъ все, что происходило при брачной церемоніи, и какъ Графъ сдѣлался влюбленъ въ свою жену, тогда, какъ она у нее жила, и какіе опыты они безъ сомнѣнія проходили, дабы доказать взаимное постоянство: Помогите имъ Боже! сказала она своимъ слушателямъ, съ жадностію ее внимающимъ; еспльи бы я вамъ рассказала всѣ опасности, какія они выдержали, и всѣ гоненія ими прешерпѣныя, то бы спасила васъ содрогнуться. Теперь, прибавила она, пришла очередь моей любезной дилпши ходить поднявъ голову между знашнѣйшими Госпожами. госу-

дарства ! и я очень могу сказать, не льстя себѣ, что моя любезная Милади чтонибудь изъ меня сдѣлаетъ, и не оставитъ меня пакъ, какъ я есть; ибо, слава Богу, я могу быть чемънибудь и лучше. Когда подходила она къ Графинѣ, захопилась обращеніемъ на себя первый обязательный взглядъ ея; но это еще не все было: она всегда завидовала важности Мисприссы Абергвилли, управляющей столь великимъ домомъ, и ей хотѣлось, пользуясь милостию Лади Шербюри, во чтонибудь вмѣшаться, дабы умножить важность свою между сосѣдями. Она ничего столько не любила, какъ суесть, и сцена шой минутой весьма была по ней; ибо внутри, снаружи и во всѣхъ снранахъ дарствовала шумная радость и приятное смѣшеніе. Сначала она оказала свое намѣреніе во чтонибудь вмѣшаться, помогая

подчивать гостей, а потомъ, когда вошли въ столовую комнату, подавала мнѣніе свое и совѣты къ расположенію стола. Мисприссѣ Абергвилли, какъ и всѣ избалованныя привычкою къ полномочію, не могла покориться повелѣніямъ новой власпи; принуждала однако же свое негодованіе, и учтиво сказала Мисприссѣ Эдвинѣ, что она не имѣла нужды въ ея помощи; что, слава Богу, и безъ того дожила до сихъ лѣтъ, чтобъ умѣть распорядить услугу стола.

Конечно, перехватила Мисприссѣ Эдвинѣ, Мисприссѣ Абергвилли весьма по разумѣтѣ; но есть люди, которые такъ же могутъ быть въ помѣсвѣдущи, какъ и она.

Очень было жарко; Мисприссѣ Эдвинѣ подоткнула свое плащье, которое было изъ пре-красной шелковой маперіи и при-

надлежало Лади Мальвинѣ, начала переспаивать блюда съ мѣста на мѣсто, говоря, что она лучше всякаго знала вкусъ своей любезной Лади, и что она также осмолитъ всѣ покои, и покажетъ Мисприссѣ Абергвилли, какъ пристойнѣе распавить всякія мебели.

Управительница, въ которой Валлисская кровь закипѣла, не могла болѣе выдержать, и начала Мисприссѣ Эдвинѣ худо отвѣчать едва вняшными словами, на которыя кормилица съ проценомъ возвращала такія же.

Среди ссоры, вошелъ старый Эдвинъ. Ради Бога! сказалъ онъ, не можете ли вы выбрать другое время и другой день для вашей ссоры, чтобъ побранишься и подрашься, какъ старинныя вѣдьмы? Что скажутъ Лордъ и Лади Шербюри? Боже мой!

мнѣ до смерти стыдно отъ такого поступка.

Скоропостижное предствленіе сіе возвѣмѣло дѣйствіе; обѣ женщины пришли въ смятеніе; гнѣвъ ихъ упихъ; онѣ помирились, и Мисприссѣ Эдвинѣ успунила распоряженіе стола Господскаго Мисприссѣ Абергвилли, а сама довольствовалась управленіемъ приготавлиаемаго для ошкупщиковъ.

Компанія, вошедъ въ столовую залу, находилъ Говеля, присутствіе коего умножило ихъ удовольствіе. Послѣ обѣда крестьяне начали танцовать въ аллеѣ предъ домомъ подъ музыку арфы, и доставили благосклоннымъ своимъ хозяевамъ пріятное зрѣлище ихъ невинной веселости.

Послѣ чаю, мужчины пошли вмѣшаться въ танцы. Лордъ Шербюри очень скоро возвратился къ своей Аминшѣ. Съ какимъ

восхищеніемъ слушалъ онъ сладосціный голосъ ея, когда говорила она слова, исшекающія отъ сердца, что теперъ она все-совершенно стала его! Воспоминаніе препятствій, какія онъ преодолѣлъ, и мученія, какія онъ испыталъ, дѣлали для него живѣйшимъ настоящее благополучіе.

Въ теченіе сей недѣли всѣ сосѣднія семейства пріѣзжали въ Тудор - Галль дѣлать свадебныя посѣщенія, оныя принимали и дѣлали приглашенія, и домъ сей учинился опять пребываніемъ удовольствія и гостепріимства. Но благополучіе, какимъ наслаждалась Аминта, не допускало ее забыть должностей благодарности; она не была изъ числа сущесствъ, къ однимъ себѣ приверженныхъ, копорыя, упорядивъ свою жизнь, заключаюцца, какъ говорятъ, въ себя самихъ,

и въ сферу, окруженную ихъ собственными наслажденіями. Сердце ея болѣе нежели когда нибудь было расположено къ горячей дружбѣ и движеніямъ состраданія. Въ выраженіяхъ живѣйшей признательности писала она ко всѣмъ друзьямъ своимъ, отъ которыхъ получала услуги, и ко многимъ письмамъ присоединила подарки. Звала Эмилию Рузброкъ пріѣхать къ ней; приглашеніе сіе тотчасъ было принято, и тогда-то сдѣлала она открытіе, доставившее ей столько же удовольствія, какъ и удивленія. Узнала она, что Говель былъ тогда молодой священникъ, къ которому Эмилиа столь нѣжно была привержена, и котораго хотѣли ее принудить оставить для Бельграда. Говель ѣздилъ въ Лондонъ повидаться съ однимъ почетнымъ человекомъ, его покровительствующимъ; случился

у Госпожи, о коей мы видѣли выше сего, тогда, какъ Эмилиа приходила къ ней просить какой нибудь помощи для больной своей матери. Крошечка, простота, несчастіе сей молодой особы, вдохнули участіе Говелю, и онъ пошелъ ее посмотришь и доставить нѣкоторое пособіе; ибо Госпожа весьма худо приняла Эмилию. Подать утѣшеніе, вспомошествовать несчастнымъ по возможности его, почиталъ сей молодой человекъ столько же удовольствіемъ, какъ и должносію; и весьма сладостно для него было представить нѣкоторое малое пособіе и какое либо утѣшеніе Руброкамъ, равно какъ и имъ оное принять отъ него. Но состраданіе не долго пребыло однимъ побужденіемъ къ участію, полагаемому имъ въ положеніи ихъ. Милыя поступки и пріятные разговоры Эмилиа

довершили побѣду его надъ несчастною спраспю къ Аминтѣ, и нечувствительно въ сердце его ввели образъ Миссы Рузброкъ на мѣсто обитавшаго тамъ образа Миссы Фрипзаланъ. Дѣлалъ онъ Эмилиі романическое описаніе маленькаго деревенскаго домика, кошорой приглашалъ ее раздѣлиться съ нимъ; заспавлялъ ее надѣяться, что достигнутъ они времени, когда возмощетъ она. Дашъ прибѣжище опцу своему и мащери, и когда сей, какъ вщорой опецъ, будепъ имъ помогать въ воспитаніи дѣтей ихъ. Предвѣщанія сіи и надежды его изчезли, когда получилъ опъ Мисстриссы Коннель письмо, о кошоромъ говорено выше сего; не хотѣлъ онъ выгодно семейспва Рузброка пожертвовашъ своему собственному благополучію, и съ великодушіемъ, не воспрепятствовавшимъ ему чувствованью

всю великость потери его, опі- казался онъ отъ Эмилиі, дабы предоспаивать ее богатѣйшему, а слѣдовательно и щасливѣй- шему сопернику. Когда же обрѣлъ онъ Эмилию свободною и всегда- стелько же ему вѣрною, ра- дость его была чрезмѣрна; сно- ва описывалъ ей деревенское убѣ- жище, прежде ей отъ него пред- лагаемое, и благословлялъ съ- нею благотворительную руку, да- ровавшую свободу опцу ея. Лордъ и Лади Шербюри восхищались, помышляя, что они могли способ- ствовашъ благополучію с ихъ двухъ милыхъ особъ. Лади Шер- бюри немедленно писала въ раз- сужденія сего къ Капишану Руз- броку и женѣ его; они отвѣчали, что, отдавая Говелю дочь свою, они исполняли наидражайшее желаніе ихъ. Пригласили ихъ пріѣхать въ Тудор - Галль, и предъ шѣмъ же олтаремъ, гдѣ

за мѣсяць прежде узы Лорда Шербюри и Аминши заключа-лись, Говель и Эмилиа соедине-ны подобными обѣтами. Эмилиа при семъ случаѣ получила изъ рукъ Лади Шербюри изрядной свадебной подарокъ, и весьма до-вольный къ утверженію сми-ренныхъ наслажденій, какихъ со-стояніе ея желашь ей позволяло. Отець ея и машь, препроводивъ нѣсколько дней съ новобрачны-ми, утѣшаясь благополучіемъ любезной дочери ихъ, возврапи-лись домой, бывъ преисполнены признательности къ благодѣте-лямъ своимъ.

Благодарность Оскара и Аминши не забыла Эдвинаовъ. Лордъ Дунрапъ доставилъ имъ годовой доходъ отъ земли; и маленькое имущество Елены бы-ло также умножено нѣкопными пріобрѣтеніями.

Расположеніе домашняго благополучія, утвержденное Аминпою, находилось для нее такимъ же образомъ во всѣхъ частяхъ; но благополучіе сіе не было совершенно до пѣхъ поръ, какъ не присоединился къ оному спокойствіе брата ея. Оскаръ ежедневно терялъ свѣжесць своей молодости; помножь въ глазахъ его, блѣдность, задумчивость среди сообществъ, означали спрѣданіе его сердца. Слезы, столь долго проливаемые Аминпою о своихъ собспивенныхъ нещастіяхъ, не осушались шеперь, видя горести брата своего. Писалъ онъ къ Мистриссѣ Марловъ, дабы увѣдомишь ее обо всемъ случившемся съ нимъ послѣ ихъ разлуки. Она ему немедленно отвѣчала, и обязательнѣйшими выраженіями поздравляя его съ перемѣною состоянія, увѣдомляла, что Аделія была тогда въ Англіи, въ од-

номъ изъ помѣспшевѣ Бельграва. Письмо ея было весьма печально, и оканчивалось сими словами: „Любезный мой Оскаръ! дружба не увеселяетъ болѣе уголокъ моего камина; оторчена и уединена, сижу въ маленькомъ моемъ домикѣ, до шѣхъ поръ, какъ почувствую сердце свое сильно ошпаченнымъ воспоминаніемъ сценъ, въ ономъ произшедшихъ; и когда выхожу, встрѣчающіеся предметы прибавляютъ горестикъ симъ воспоминаніямъ. Закупоренныя окна, покрытыя муравою пропинки, печальные служители Вод-Лавна, все горестнѣйшимъ образомъ приводило мнѣ на память время, когда домъ сей былъ храмомъ гостепріимства и жилищемъ удовольствія. Часто брожу я около гробницы Генерала, орошаемой моими слезами, и желаніями своими ускоряю мину, въ которую буду подлѣ

него: но послѣдніе часы мои не будутъ такъ сладостны, какъ ему оныя были. Нѣжная дочь не приклонится къ смертной постелѣ моей, дабы принять послѣдній вздохъ и усладить послѣднія скорби мои; ищечно буду ожидать, чтобъ благочестивыя слезы природы или дружбы упали на полузакрытыя глаза мои; умру, не бывъ окружена друзьями, укоряя сама себя, что своею погрѣшностію лишилась оныхъ... Но я обманываюсь! буду еще къмѣ нибудь оплакана. Вы, и моя Аделія, бывъ столь долгое время предметомъ моихъ нѣжныхъ попеченій, вы пожалѣете о той, которой приверженность и чистосердечная склонность къ вамъ не прежде, какъ съ жизнію ея окончатся.,,

---

Г Л А В А 7.

Аделія по смерти отца своего была привезена въ Англію Бельгравомъ, въ удовольствіе себѣ вмѣняющимъ оскорблять ея чувствительность, разлучая ее съ Мисприссою Марловъ, къ которой зналъ нѣжную приверженность ея. Знакомства Бельграва принудили ее предаваться сообществу, хотя ни малой охоты не имѣла искать онаго; ибо потеряла она всю свою веселость, и не утѣщалась, какъ только уединеніемъ, въ которомъ могла питать воспоминанія о прошедшемъ. Когда ужасъ Бельграва въ разсужденіи учиненнаго имъ убійства принудилъ его выѣхать изъ государства, отправилъ онъ жену свою въ Род-Гусъ, куда, могущъ припомнить себѣ, привезъ онъ Аминшу, и откуда выгналъ онъ властолюбивую шеарь,

Аминьпу изгнавшую. Но оставалась тамъ другая женщина, усердная къ Бельграву, и не меньше дерзкая, попеченіямъ которой ввѣрена была несчастная Аделія, съ повелѣніемъ не допускать ее принимать какое нибудь посѣщеніе, или съ кѣмъ сношеніе имѣть. Отъ нѣжной юности своей привыкла она къ крошкному и нѣжному обращенію; сія строгость повергла ее въ опшчаніе, и жизнь бременемъ для нее становилась. Уныніе ея, или, лучше сказать, терпѣніе и крошность ея умягчили наконецъ жестокость присланицы ея, и было ей позволено проспирать свои прогулки внѣ сада, въ кошоромъ до сихъ поръ была она заключена. Но позволеніемъ симъ воспользовалась она только для того, чшобъ посѣтить кладбище того селенія, осѣняемое стары-

ми таксуковыми деревьями, которая замѣтила она изъ окошекъ своихъ. Любила она сидѣть подъ плачевною тѣнію оныхъ при наклоненіи дня, и тамъ, опѣ всѣхъ взоровъ сокрытая, оплакивала она отца, котораго лишилась, и друга, съ которымъ столь безчеловѣчно разлучена была.

Въ одинъ вечеръ пробыла она на кладбищѣ долѣе, нежели какъ то обыкновенно бывало. Крошкимъ свѣтомъ луны разгонялась совершенная тьма, и жалобные тоны флейты, происходящіе изъ селенія, были единымъ звукомъ, поражающимъ слухъ ея. Погруженная въ печаль, положивъ голову на свою руку, забывала она время, какъ вдругъ опѣ ближней гробницы видитъ она нѣчто поднимающееся. Запавъ, вскричала; но не имѣла силы двинуться.

ся съ мѣста. Могла однако же скоро разсмотрѣть, что то былъ старикъ, приближающійся къ ней, которой сказалъ ей: не ужасайтесь! Голосъ его успокоилъ Аделію. Я считалъ, говорилъ онъ ей възирая на нее, что сіе мѣсто посѣщаемо только несчастіемъ и мною. — Если посвящено оно несчастію, опвѣчала Аделія, то я имѣю право входить въ оное. — Сіи вырвавшіяся у нее слова казалось жестоко пронули незнакомца. Какъ! въ такой юности, сказалъ онъ, и уже несчастіе приводитъ васъ въ сіе печальное мѣсто? Но печали въ молодости гораздо сноснѣе, нежели въ престарѣлыхъ лѣтахъ, въ которыхъ переживаютъ къ жизни насъ привязывающіе предметы. — Увы! вскричала Аделія, и я также разлучена со всѣмъ тѣмъ, что я любила! .. Незнакомецъ, облокотясь объ дерево,

казался на нѣсколько минутъ задумчивымъ, и на послѣдокъ сказалъ: поздно уже; позвольте, чтобъ я проводилъ васъ домой, и скажите мнѣ, могу ли я надѣяться завтра около вечера опячь васъ здѣсь увидѣть? Ваша молодость, поступки ваши и уныніе ваше, словомъ, все въ васъ внушаетъ мнѣ живѣйшее участіе. Печали молодыхъ особъ часто увеличиваются воображеніемъ ихъ. Вы скажете мнѣ, что они-то и најесточайшія; но предаваясь онымъ, означаютъ слабость, а сія слабость съ успѣхомъ можетъ побѣждаться въ здоровомъ разсудкѣ, заставя его познать настоящее бѣдствіе жизни. Я могу такимъ образомъ вамъ быть полезенъ, рассказавъ преперпѣнныя мною, естли вы согласитесь придти завтра звечеру въ сіе печальное и уединенное мѣсто, ко-

второе я часпо посѣщаль въ сіи часы, не встрѣчая никакого живущаго естества.

Почтенный видъ, прогательный и пріятный голосъ незнакомца жестоко пронули Аделию. Она бросала на него взоры, нѣкоторымъ образомъ подобныя шѣмъ, какіе привыкла она успрямлять на доброхотный видъ отца своего. Я завтра опять съ вами увижусь, сказала она ему; но не мните, чтобъ печали мои составлялись однимъ воображеніемъ. Допустить себя провожать она не согласилась; во встрѣчѣ сей находила нѣчто прогательное и романическое, которое сильно занимая ее, приносило нѣкое услажденіе всегдашней горести ея.

На другой день не пропустила она явиться къ свиданію. Не-

знакомецъ пришелъ туда прежде ея. Сбли они подлѣ могилы, съ которой наканунѣ того дня видѣла она его встающимъ, и которую онѣ прочихъ отличали окружающіе ее нѣкоторыя сполбики, увитыя различными цвѣтами, и онѣ началъ свою исторію. Не успѣлъ еще далеко войти въ свое повѣствованіе, какъ Аделія съ великимъ движениемъ начала внимать его. Она препенала; смущеніе ея постепенно умножалось по мѣрѣ словъ его. На послѣдокъ, схвативъ руку спарика, вскричала она: она жива! жива еще жена, которую вы оплакиваете! живетъ она уединенно, и вы ещѣ предметъ наинѣжнѣйшихъ сожалѣній ея! Нѣтъ, никогда, никогда не была она вамъ невѣрною! О моя любезная и многопочитаемая Мистриссъ Марловъ! какое благополучіе для дитяти ва-

шихъ попеченій, помыслишь, что я возвращу вамъ супруга, столь нѣжныя соболѣзнованія вамъ наводившаго, и что къ пріятію васъ найдете сердце его отверстымъ! ... Содрогабельныя рыданія незнакомца поразили иногда слухъ Аделии. Долго былъ онъ, не въ состояніи говорить. На послѣдокъ, поднявъ глаза къ небу: о Провидѣніе! вскричалъ онъ, чемъ воздамъ Тебѣ? опять прижму я къ сердцу моему предметъ всей нѣжности моей! О моя Фанни! сколь несправедливо поступилъ я съ тобою! Научись моимъ примѣромъ, продолжалъ онъ, оборотись къ Аделии, не допускай себя послѣдовать скорости! Если бы я далъ себѣ время со вниманіемъ разсмотрѣть поведеніе жены моей, и если бы воспротивился я жестокости моей страсти, которая мѣшала.

мнѣ здраво судить о томъ, на сколько бы лѣтъ себя и ее избавилъ я отъ несчастія! Но скажите мнѣ, гдѣ же могу я обрѣсти мою старинную и злополучную подругу? — Аделія отвѣчала на вопросъ его, и въ то же время сообщила ему о своемъ собственномъ положеніи. Жена Бельграва! вскричалъ онъ выслушавъ ее; ахъ! не удивляюсь, видя васъ несчастною. Пора сказать, что сей незнакомецъ былъ старый Говель, злополучный отецъ Юліи, оплакиваемый мужъ Мисприссъ Марловъ. Сказывалъ онъ Аделіи, что предметъ сожалѣній его заключенъ въ могилѣ, на кошторой видѣла она его сидящимъ; злодѣяніемъ Бельграва прежде времени туда повергнутъ оный. Аделія говорила ему, что ей не позволено писать, но что она найдеть средство нарушить сіе за-

прещеніе, и принесетъ ему письмо, которое онъ можетъ вручить Мисприссѣ Марловъ, дабы приуговорить ее къ свиданію съ нимъ. Но въ исполненіи сего обѣщанія Аделія воспрепятствована была однимъ происшествіемъ, столько же для нее важнымъ, какъ и неожиданнымъ:

На другой день по утру разбудилъ ее великой шумъ въ домѣ, происходящій какъ бы отъ людей, въ сильномъ смятеніи взадъ и впередъ бѣгающихъ. Она одѣлась наскоро, дабы посмотреть, что то значило, какъ вдругъ служанка съ поропливостію входилъ въ комнату, и безъ всякой предосторожности сказываешь ей, что Полковникъ Бельгравъ умеръ. Пораженная ужасомъ и удивленіемъ, Аделія стояла какъ окаменѣлая. Дѣвка по-

вторила сказанное ею, и прибавила, что онъ умеръ въ чужой землѣ, и что тѣло его везупъ въ Вод - Гусъ, сопровождаемое однимъ Французомъ, которой кажется быть священникомъ. Различныя движенія, ощущаемыя Аделіею въ сію минушу, были надмѣру для нее сильны; сдѣлалась ей дурнопа, и довольно много времени прошло, прежде нежели она могла придти въ себя, и отдавать нѣкоторыя повелѣнія служителямъ, которые съ сей минушы начали другими прешивъ прежняго взирать на нее глазами. Приказала, чшобъ имѣли всевозможное уваженіе и вниманіе къ Французскому священнику; чшобъ остаткамъ мужа ея воздали всю подобающую честь погребенія. Не могла она сокрушаться о Бельгравѣ; но тронуша была чувствомъ ужаса и жалости, помыш-

ляя о преждевременной смерти, поразившей его въ отечества, въ опдаленіи отъ родственниковъ и друзей его.

Послѣднія минуты Бельграва были дѣйствительно жесточайшія, нежели она по могла воображать себѣ. Онъ оставилъ Лондонъ, обѣявъ прелетомъ въ разсужденіи учиненнаго имъ убійства, и печалію о судьбинѣ Аминты, которую Сиръ Карлъ Бинглей столь прогашельно изобразилъ ему. Усиливался онъ угрызенія свои пошопить въ видѣ; но сіи излишества, присоединенныя къ смущенію души его, доснавили ему лихорадку, которая такъ умножилась во время проѣзда его изъ Дувра въ Кале, что естлибъ слушали его слова со вниманіемъ, когда онъ вышелъ на берегъ во Франціи, то въ

замѣшательствѣ его открыли бы злодѣянiя, въ коихъ онъ чувствовалъ себя виновнымъ. Передъ смертью на минушу возвратился къ нему разумъ, и сіе было для того, чтобъ испытать жесточайшія мученiя души и величайшей ужасъ самого себя. Изъ взоровъ всѣхъ его окружающихъ позналъ онъ, что близокъ былъ конецъ его; и воспоминаніе о худыхъ поступкахъ своихъ заставляло его страшиться сей жестокой минушѣ. Ты отмщенъ, несчастный Говель, за все то, что онъ претерпѣлъ тебя заставилъ. Онъ мнилъ видѣть стоящій подлѣ постели его блѣдный видъ твоей Юліи, вышедшей изъ послѣдняго своего убѣжища, дабы предстать предъ нимъ и укорить его въ лучшей жестокости. Предательства его начертывались предъ его глазами, об-

ялъ былъ внутреннимъ ужасомъ при видѣ всѣхъ зрѣлищъ, какія собрала предъ нимъ виновная совѣсть. Ожиданіе приближающейся смерти могло бы облегчить мученіе его, еспьлибъ могъ онъ взирать на нее, какъ на совершенный конецъ существованія своего; но сей другой свѣтъ, кошорой всегда былъ предметомъ шутокъ его, открывался предъ нимъ въ устрашающемъ и ужасномъ видѣ. Онъ зрѣлъ уже себя въ присутствіи Верховнаго Судіи, обвиняемаго отъ несчастныхъ, кошорыхъ онъ учинилъ таковыми. Желалъ онъ священника отъ закона, въ Англіи исповѣдуемаго. Привели къ нему Римскаго попа. Но когда, какъ въ служилъ Божіи, Бельгравъ мнилъ найши въ немъ нѣкошорое утѣшеніе, суевѣрный попъ, прежде нежели бы пощипься утѣшилъ

его, желалъ перемѣнить его въ-ру. Но едва лишь началъ онъ доказывать несогласіе ихъ исповѣданій, какъ несчастный Бельгравъ былъ объятъ ударомъ его покипившимъ. Слуга Англичанинъ, котораго онъ привезъ съ собою, увѣдомилъ людей того постоялаго двора о чинѣ его и соспояніи; священникъ предложилъ себя проводить тѣло его до Англїи. Аделія не могла взять на себя того, чтобъ увидѣть по-па; приказала за трудъ его щедро заплашишь ему, а тѣло чрезъ два дни по прибытіи его въ Во-од-Гусъ было погребено въ приходской церквѣ на уголкѣ кладбища. Спящій спарый Говель преслѣдовалъ глазами погребеніе. Церемонія кончилась и всѣ разо-шлись; онъ подошелъ къ могилѣ своей дочери. Его уже нѣтъ, моя Юлія! нѣтъ болѣе похищи-

шеля твоего ! онъ отвѣчаетъ теперь предъ судомъ Бога въ злодѣяніи его прошивъ тебя. Но да возможенъ онъ получить прощенье, которое я самъ даю ему въ сію минути ; ибо вражда моя не будетъ во гробъ преслѣдовать за нимъ.

Исполнивъ сіи должности, Аделія послала сыскашь Говеля ; и послѣ какъ упишилось первое ихъ движеніе, она увѣдомила его, что намѣрена немедленно возвратиться въ Ирландію. Не оставилъ бы онъ и самъ туда отправиться иначе, какъ въ надеждѣ сопровождать Аделію. Въ слѣдующій день они предприняли путь, и меньше недѣли продолжая оный, прибыли они къ мѣсту, куда стремилось путешествіе ихъ. Заранѣе учредили они, какимъ образомъ приугошо-

вишь Мисприссу Марловъ. Аделія подѣбхала одна къ маленькому домику ; нашла въ ономъ Мисприссу Марловъ уединенну и печальну, какъ говорило о семъ письмо ея къ Оскару ; но скоро исчезла печаль сія. Мисприссъ Марловъ прижала къ груди своей свою любезную Аделію со всею нѣжноспію мащери ; и въ первыхъ восхищеніяхъ удивленія и радости не примѣпила она , что Аделія была въ печальномъ плащѣ , и величайшимъ была обѣята движеніемъ , когда узнали о причинѣ того. Не меньше было смущеніе Аделіи ; нѣсколько времени пребывала она , не имѣвъ возможности разсказаць о случившемся съ нею. На послѣдокъ воспоминаніе о положеніи , въ какомъ оставила она Говеля , заставило ее принудить себя ко успокоенію и къ начатію своего

повѣствованія. Мисприссѣ Марловѣ слушала ее, проливая много слезѣ; удивленіе заступило мѣсто оныхѣ, когда дошла Аделія до незнакомца, котораго встрѣтила она на кладбищѣ. Когда описывала ей смущеніе, какое испытывала при повѣствованіи сего странника, Мисприссѣ Марловѣ прелепала и блѣднѣла. Вы ощущаете, сказала ей Аделія, равныя со мною чувства. Тогда, продолжала, движеніе мое еще умножилось; я схватила его руку, вскричавѣ: она жива еще! сія дражайшая и споль оплакиваемая супруга, она жива! Великій Боже! вскричала Мисприссѣ Марловѣ, что вы хотите сказать? О! избавьте меня теперь, сказала ей Аделія, повторяя вамѣ нѣже выраженія: онѣ живѣ! сей супругѣ споль любезный, и споль оплакиваемый; онѣ живѣ!

сей незнакомецъ есть вашъ Марловъ ! — О ! вскричала Мисприссъ Марловъ, едва имѣя дыханіе, дайте мнѣ его увидѣть, пока еще остается мнѣ столько силы, чѣлобъ насладиться симъ благополучіемъ ! . . . Аделія вышла изъ комнаты. Говель, или лучше сказать Марловъ, не въ дальнемъ находился разстояніи отъ двери. Онъ приблизился ; вошелъ, едва держась на ногахъ своихъ ; и въ минуту былъ у колѣнъ и въ рукахъ жены своей, которая, неподвижна на своемъ стулѣ, чѣлобъ смогла принять его въ оныя. Въ смѣшеніи скорби и удовольствія, слезъ и восхищенія, благословляли онѣ благошворительное Могуцество, соединяющее ихъ такимъ образомъ, дабы упѣшили престарѣлыя дни ихъ. Но, дѣти мой ! вскричала вдругъ Мисприссъ Марловъ, когда же уви-

жу я дѣтей моихъ? для чего не прѣхали они съ вами? не уже ли презираютъ они матернимъ благословеніемъ? Марловъ, котораго мы опшынѣ спанемъ называшъ Говель, ибо онъ не иначе принялъ имя Марлова, какъ въ надеждѣ наслѣдовать имѣніе дяди его, спеналъ и блѣднѣлъ. Мистриссъ Говель, шолкуя движеніе его, сказала ему: я разумѣю васъ; я еще супруга, но уже не естъ мать. Говель, нѣсколько ободрившись, сказалъ ей: нѣтъ, ты еще мать милаго сына, которой намъ остался. Но Небо, прибавилъ онъ помолчавъ, возвратило себѣ любезную дочь нашу. А какъ убѣдительно прошу васъ о томъ меня не спрашивать, я скоро провожу васъ ко гробу ея, расскажу вамъ ея несчастіе, и мы вмѣстѣ оплачемъ ее. Тогда драгоцѣнныя сле-

зы матери въ первый разъ ора-
сять прахъ ея.

Мисприссъ Говель плакала ;
но потомъ преклонилась на прозь-
бы мужа своего. Требовала нѣ-
которыхъ подробностей о сво-
емъ сынѣ , и то , что слышала
объ немъ , постепенно приносило
ей нѣкоторое утѣшеніе.

Аделія согласилась препро-
водитьъ ночь у Мисприссы Говель,
но на другой день отправилась
въ Вуд - Лавнѣ. Мыслишь , что
увидишь она мѣста и пропавки,
пробѣгаемая ею съ тѣмъ , копо-
раго она любила , было для нее
пріятнымъ , хотя и унылымъ
чувствомъ. Съ самаго утра от-
правилась она туда съ своимъ
другомъ Мисприссою Говель , и
вездѣ живо пронута была при-
видѣ мѣстѣ , шодико воспоминаній

приводящихъ ей на память. Запертый домъ казался печальнымъ и брошеннымъ; удовольствіе и гостепріимство убѣжали отъ онаго по смерти бѣднаго Генерала. Стандартъ, любимая лошадь его, паслась на лугу, а подлѣ нее вѣрная собака, сопровождающая его во всѣхъ прогулкахъ. Бѣдный звѣрокъ тотчасъ узналъ Аделію, подбѣжалъ, лизалъ ея руку, и извѣснчалъ ей величайшую радость. Она ласкала его, уронивъ нѣсколько слезъ въ память Господина его. Восхищенія древнихъ служителей, а особенно стараго казначея, увидя ея, заставили еще умножить слезы. Но когда вошла она въ залу, гдѣ отецъ ея обыкновенно пребывалъ, не могла болѣе выдержать сихъ впечатлѣній, и сдѣлавъ знакъ, чтобъ за нею не слѣдовали, вошла она въ звѣринецъ; тамъ въ концѣ звѣ-

ринца находилась маленькая зала романическаго расположенія, гдѣ она и Оскаръ часто препровождали вмѣстѣ многіе часы. Она вошла въ оную, и воспоминаніе объ Оскарѣ, котораго сіе мѣсто приводило ей на память, не только что не уменьшило, но еще умножило горесть ея и уныніе. Тогда, какъ она сидѣла предавшись своимъ печальнымъ размышленіямъ, замѣтила въ первый разъ стихи, начертанные на ставнѣ окна. Съ поспѣшностію вскочила, узнала руку Оскара, и читала слѣдующее:

Предметъ драгой, которымъ я
пылаю!

Жестокой рокъ отсель женеть
меня.

Хоть пожалѣй о томъ, сколь я
спрадаю,

Когда съ тобой прощаюсь сне-
ня.

Лишь для тебя отъ мѣстѣ
сихъ убѣгаю,
И изъ любви къ тебѣ отрекся я
тебя;
Ни чѣмъ я вѣрность такъ не
подтверждаю,
Какъ вдавъ сей тяжкой участи
себя.

Когдабъ богатства я имѣлъ
несчетны,
На землюбъ павъ, далъ ихъ те-
бѣ во влась;
Но не имѣлъ поднесъ иной я
жертвы,
Какъ сердце, въ коемъ лишь лю-
бовь и спрась.

Надежды лучь, блаженства и
опрады!

Тебя лишиась на вѣки, я угасъ;
Любовь однакъ, хопя и безъ на-
грады,
Погаснетъ шолько въ мой послѣд-
ній часъ.

Оскаръ, отбѣзжая въ Англию, съ намѣреніемъ пробхашъ въ Англинскіе острова въ Америкѣ, былъ тайно въ Вуд-Лавнѣ, дабы учинить печальное прощаніе со всѣми любезными ему мѣстами, и начерпалъ стихи сіи, нѣжнымъ уныніемъ ему вдохновенные.

И такъ его любовь, равно какъ и моя, была несчастна, сказала сама себѣ Аделія. Какое горестное сходство въ участвѣ нашихъ! Она возвратилась домой. Г. и Мисприссѣ Говель согласились препроводить съ нею здѣсь нѣсколько дней. Стихи Оскара безпрестанно ей приходили въ умъ, и послѣ обѣда посѣтила она опять потъ домикъ въ лѣсо-сочкѣ, дабы еще прочесть ихъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ она ослучилась, Мисприссѣ Говель пошла со товариществомъ ей, и застала ее читающую стихи на окнѣ. Она покраснѣла; давно уже, говорила ей Мисприссѣ Говель, не дѣлали мы вмѣстѣ прогулки въ семъ прелесномъ саду; пожалуйста обойдемте его и поговоримъ о прошедшихъ вре-

менахъ. О прошедшихъ временахъ! сказала Аделія съ малою улыбкою; не всегда разговоръ о нихъ можетъ доставить пріятное занятіе. Есть, прервала Мистриссъ Говель, нѣкоторыя изъ вашихъ друзей, одинъ или два по крайности, о благосостояніи которыхъ вы у меня еще не спрашивали. Билось сердце Аделіи; ибо не сомнѣвалась она, о какомъ другѣ говоритъ хошѣли. Оскаръ Фитзаланъ, сказала Мистриссъ Говель, очень заслуживаетъ, чтобъ вы вспомнили объ немъ, и чтобъ пожелали узнать, что съ нимъ происходило. Хорошія въ разсужденіи сего имѣю я доставить вамъ извѣстія, и сообщу вамъ оныя, не бранивъ васъ за нерадѣніе ваше навѣдаваться о немъ. Разсказала ей потомъ переѣзную, случившуюся въ его положеніи. Аделія съ великимъ

вниманіемъ ее слушала. Какъ щастіе, сказала она, наконецъ сбѣ-
лалось ему благопріятно, по
любовь его не будетъ болѣе зло-
щастна. Дѣйствительно время
уже, сказала Мисприссъ Говель,
съ нѣжною приверженностію взи-
рая на Аделію, чтобъ любовь
столь чистая, столь постоя-
ная, нашла свое воздаяніе. О
Аделія! продолжала она, взявъ ее
за руку, милый предметъ нѣж-
ныхъ моихъ попеченій! какъ я
щаслива въ сію минушу, имѣя
возможность, возвѣспишь вамъ
о благополучій, которое васъ ожи-
даетъ! О благополучіи, которое
меня ожидаетъ? сказала Аделія
слабымъ голосомъ. — Такъ, прерва-
ла Мисприссъ Говель, благопо-
лучіе, которое найдете вы съ
человѣкомъ, достойнымъ обла-
дать вами; съ человѣкомъ, ко-
шорой съ самой шой минушы,

какъ васъ увидѣлъ, никогда не переставалъ обожать васъ; словомъ, съ самимъ Оскаромъ Фитзаланомъ.

Что вы говорите! прервала Аделія вся встревоженная. Ахъ, печальное и унижающее воспоминаніе! не отвергнулъ ли меня Оскаръ Фитзаланъ, когда мой добрый и великодушный отецъ хотѣлъ меня отдать ему?

Любезная моя Аделія! прервала Мисприссъ Говель, въ сію минушу я нахожу себя принужденною поспревожить прахъ мершвыхъ, дабы опвратить нещастіе, угрожающее невинности. О Аделія! вы были безчеловѣчно обмануты; и минуша, предавшая васъ Бельграву, учинила Оскара злополучнѣйшимъ человѣкомъ. Сердце мое было хранищедемъ

всѣхъ горестей его; и сколько слезъ пролила я о участи его! Успокойтесь, продолжала она видя смущеніе Аделіи; я расскажу вамъ всѣ обспоятельства сего жестокаго произшествія. Тогда повела она ее въ домикъ лѣсочка, и обьяснила ей подробнѣйшимъ образомъ предательства Бельграва. При повѣствованіи семъ Аделія не могла удержанъ рыданій; слезами своими омочила она грудь друга своего, благодаривъ ее за то, что таковымъ обьясненіемъ сняла тяжестъ, удручающую сердце ея. Бѣдный Оскаръ! говорила она, сколько бы мученія мои умножились свѣденіемъ о тѣхъ, какія претерпѣвалъ онъ! Скрывая отъ васъ оныя, онъ оказалъ себя великодушнымъ, сказала Мисприссъ Говель, и великодушію его надлежитъ получить свое воздаяніе.

Потомъ говорила она Аделіи : я очень скоро ожидаю его посѣщенія ; и говоря такимъ образомъ , въ глазахъ и поступкахъ своихъ имѣла нѣчто такое , которое вдругъ возбудило подозрѣнія Аделіи , и сія зашрепешавъ , краснѣя и блѣднѣя вскричала : ахъ , моя вселюбезная ! не уже ли онъ здѣсь уже ? Мисприссѣ Говель усмѣхнулась . Такъ , сказала она , онъ пріѣхалъ ; и съ какою неперпѣливостію ожидаетъ минуты , въ которую оляшь увидишь свою Аделію !

Можно повѣрить , что неперпѣливость сія не замедлила бытъ удовольствована . Аделія , возвращаясь въ домъ , нашла Оскара въ залѣ , гдѣ оставила Г. Говеля . При семъ видѣніи не въ силахъ была удержатъ себя , чшобъ не упасъ въ руки къ Оскару , а

сей прижалъ ее къ сему вѣрю-
ному сердцу, которое лилась ее
споль долго спрадало. Нѣсколь-
ко минушъ протекло, прежде не-
жели могла она внимать сладосш-
ный голосъ Оскара. О! кто мо-
жетъ изобразить восхищенія мо-
лодаго человѣка, такимъ обра-
зомъ за все имъ прешерпѣнное
награжденнаго? Но среди благопо-
лучія его, мысль о бѣдномъ Ге-
нералѣ, которой споль великодуш-
но пріуготовлялъ ему оное, при-
шла горестно пронзить сердце
его. О моя Аделія! сказалъ онъ,
сжимая ее въ рукахъ своихъ: и
такъ Оскаръ можетъ наконецъ
всю душу свою излить предъ
глазами вашими, оказатъ вамъ
всю свою нѣжность, позволитъ
себѣ считать васъ ему принад-
лежащею, и льститься сладост-
ною надеждою учинитъ васъ ща-
сливою? Такъ, великодушнѣй-

шій другъ! вскричалъ онъ, под-
нявъ глаза на портретъ Генера-
ла: докажу тебѣ свою призна-
тельность безпредѣльною нѣжно-
стію моею и приверженностію
къ твоему любезному дитятѣ.
Когда говорилъ онъ такимъ об-
разомъ, глаза его наполнились
слезами. О! какъ слезы сіи, про-
ливаемые при воспоминаніи от-
ца ея, тронули чувствительное
сердце Аделии! Она присоеди-
нилась къ онымъ своимъ, и чувствова-
ла, что сего только любезнаго
существа, заставлявшаго ихъ
проливать оныя, не доставало къ
ея блаженству. Возвративъ нѣ-
которое спокойствіе, спрашивала
она, какъ Оскаръ такъ скоро и
споль ксташи находился въ Во-
од-Лавнѣ? Оскаръ разсказывалъ
ей, что весьма печальное письмо
Мисприссы Говель понудило его
рѣшиться посѣтить ее, въ на-

деждѣ развеселить ея уединеніе , и пакже говорилъ онѣ , чпобѣ по-грустнпшь сѣ нею , и насладнтьсѣ ушѣшеніями , какія дружба ея могла бы подати мнѣ . Изѣ дому Мнспрнссы Говель послали ошомѣ сказати вѣ Вуд - Лавнѣ , гдѣ узналъ онѣ не шолько то , чпо Мнспрнссѣ Говель обрѣла мужа своего , но еще и происше-ствіе , которе , возвращая Аделіи свободу ея , казалось опнынѣ и для него опверзало путь кѣ благополучію .

Сіа рѣчь Оскара о надеж-дахѣ его ни мало не оскорбляла Аделію , уже пріуготовленную обѣ-ясненіями Мнспрнссы Говель ; но никогда не хотѣла она удалятьсѣ опѣ законовѣ благопрнстой-ности , и взяла швердое намѣре-ніе не вручати руки Оскару , пока не минешся время шраура ; при

помѣ же давала ему выразумѣшь, что между тѣмъ могла принимать его усердныя о ней попеченія ; но для сего надлежало ей доставить себѣ сообщество, которое бы повергло ее въ состояніе видѣть его не нарушая благоприсойности. Не могла она льститься удержатъ долѣе Г. и Мисприссу Говель, а особливо послѣднюю, находящуюся въ великой неперпѣливости увидѣть своего сына. Оскаръ пребовалъ отъ Аделіи, и получилъ позволеніе писать отъ имени ея къ Лорду и Леди Шербюри, дабы обязать ихъ пріѣхать нѣсколько времени препровести въ Вуд-Лавнѣ, обѣщая имъ, что Аделія потомъ побѣдетъ съ ними въ въ Карбери - Кастль, а отшуда въ Аббатство Дунрапнѣ. Приглашеніе было принято, и чрезъ короткое время Оскаръ видѣлъ

приблизившихся глазамъ его , и живущихъ съ нимъ подъ одною кровлею , двухъ для него наидражайшихъ въ свѣтѣ сущесствъ ; онъ проливалъ слезы удовольствія , взирая на Аделію , въ объятіяхъ Аминты находящуюся , которая благодарила новую подругу свою за возвращеніе благополучія любезному ея Оскару. Лордъ Шербюри зналъ уже Аделію , и послѣ Аминты считалъ ее наилюбезнѣйшею женщиною. Лади Марша и Лади Араминпа , пріѣхавшія также въ Вуд - Лавнъ , скоро то же возымѣли мнѣніе. Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ ихъ , Мистриссъ Говель приготовилась къ отъѣзду. Аделія , признававшая ее за впору масть , не могла безъ пролитія слезъ видѣть сихъ пріуготовленій. Любезная моя Аделія ! сказала ей почтенный другъ ея ,

слезы ваши лезны мнѣ, но онѣ огорчаютъ меня. Приверженность ваша прогаешь меня, но досадно мнѣ, что отъбѣздомъ моимъ столь сильно оскорбляешься. Попеченія друзей, окружающихъ васъ, скоро изгладятъ въ душѣ вашей всѣ тягостныя воспоминанія, а меня природа опзываетъ отъ васъ. Хочу взглянуть на дитя, которое Небомъ мнѣ оставлено, и, прибавила она съ омоченными глазами, видѣть землю, воспріявшую ошашки того, котораго я лишилась.

Чрезъ три недѣли по ея отъбѣздѣ, все сообщество опправилось въ Карбери - Каспль. Аминта не могла войти въ оный, не почувствуя тягостныхъ движеній. Она привела себѣ на память жестокою минушу, когда

удрученная печалію и болѣзнію , пришла она шуда по отбѣздѣ отца своего , и преслѣдовала за нимъ въ убогое жилище Бриновъ , дабы отдать ему послѣднія попеченія , которыя онъ и получилъ отъ нее. Плакала она , помышляя , что отецъ ея не былъ свидѣтелемъ ея благополучія . Лордъ Шербюри дознался о причинѣ ея движенія , и усиливался успокоить ее доказательствами нѣжности своей . Сей - то былъ единый бальзамъ , могущій цѣлить такую рану , и Лордъ Шербюри умѣлъ обратиться сію столь чувствительную печаль въ сладостное уныніе . Не замедлила она оправдаться въ монастырь . Добрыя сестры сбѣжались , всѣ около нее шѣснились , кричали , радовались , и всѣ вдругъ говорили , желая ей всѣхъ благъ . Сестра Марія наиболѣе предъ прочими вос-

хищена была. Удовольствіе доброй Настоятельница было гораздо шире и больше прогательство. Замокъ учинился пребываніемъ веселія и благополучія ; но среди сихъ разсѣяностей, Господинъ и Госпожа не забывали должностей, налагаемыхъ богатствомъ и честью ; освѣдомлялись о положеніи всѣхъ бѣдныхъ, держащихъ землю на откупъ, и подданныхъ, облегчали нужды ихъ, слушали ихъ жалобы, и поправляли причиненныя имъ обиды ; на послѣдокъ преисполняли ихъ радостью, общаясь прѣзжати въ замокъ, и всякой годъ препровождаютъ среди ихъ по нѣсколькимъ мѣсяцамъ. Пробывъ путь шесть недѣль, сѣли на судно до Порш-Паприка, откуда отправились въ Аббатство Дунрашъ, которое уже совершенно переправле-

но и убрано новѣйшимъ вкусомъ. Было положено, чѣмъ побыть пушью до свадьбы Лорда Дунрапа, во ожиданіи которой занимали время переменными и пріятными забавами, посѣщеніями сосѣдей и обѣздами той части земли. Но жители Аббатства, соединенные нѣжнѣйшею и взаимною приверженностію, не имѣли часовъ сладостнѣе тѣхъ, которые провождали вмѣстѣ, въ свободѣ отъ всѣхъ другихъ сообществъ. Лордъ Дунрапъ скоро по пріѣздѣ въ Аббатство ѣздилъ по прозьбѣ сеспры своей къ Маркизу Рослину, сказать ему, что Лади Шербюри располагалась сдѣлать посѣщеніе Маркизѣ, если ей оное угодно будетъ. Но Маркизъ отвергнулъ сіе предложеніе, и около сего времени умерла Лади Дунрапъ. Мисприссъ Брксъ удалилась въ другую часть Шот-

ландіи, зтыдзась сбитатъ вѣ той спранѣ, гдѣ поступокъ ея извѣстенъ. Весьма огорчилась симъ Мисприссѣ Дунканѣ, племянница ея. Аминта скоро по своемъ прибытіи ѣздила посѣтитъ оную, и нашла ее поселившуюся вѣ весьма хорошемъ домѣ, недалеко отъ маленькаго городка, вѣ которой онѣ удалились выѣхавъ изъ Аббатства; онѣ увидѣлись съ великимъ удовольствіемъ, и мать и дочери ѣздили вѣ Аббатство Дунрашское препровождать по нѣскольку времени.

Наконецъ насталь щасливый день, долженствующій усовершитъ блаженство Оскара. Вѣ церквѣ Дунрашской, гдѣ Филзаланѣ и Мальвина давали другъ другу взаимные обѣты, Оскаръ получилъ изъ рукъ Лорда Шербюри предметъ нѣжности, столь

долгое время и столь жестоко испытанной; церемонія сія не имѣла иныхъ свидѣтелей, кромѣ малаго числа друзей; но при великолѣпномъ свадебномъ столѣ присутствовали всѣ сосѣднія семейства, и въ то же время подчивали всѣхъ сборщиковъ и опкупщиковъ въ большихъ сѣняхъ, гдѣ танцы заступили мѣсто трапезы, и продолжались всю ночь.

Исторія наша здѣсь находится оконченною; оспрашивается намъ только уведомить нашихъ Читателей о участи нѣкоторыхъ особъ, которыя шумъ означались. Поговоримъ о Лади Грейстокъ, какъ о наиболѣе замѣчательной. По смерти Лади Евфразіи, не находила уже она прежнихъ пріятностей въ сооб-

ществѣ Маркиза , и удалилась въ Банъ. Не долго пробыла она тамъ , не сдѣлавъ знакомства съ иѣкопорымъ родомъ очиспителей слабыхъ умовъ , которые скоро произвели великую перемѣну ; но чрезъ сіе не надлежитъ разумѣть образованія чувствъ ея ; чтобъ дать явное доказательство о своемъ обращеніи на путь истинный , вышла она за молодого и проворнаго предиканша секты. Новой учитель скоро обучилъ ее той добродѣтели , къ которой нужно ей было обратиться : раскаянію ; ибо скоро и очень горестно каялась она въ томъ , что опдала себя во власть его. Измучена , разорена , приѣснена отъ него , впала она въ расслабляющую болѣзнь , которая въ короткое время учинилась неизлѣчима. Когда видѣла себя

умирающею, послала сыскашь Руброка, которому сдѣлала полное покаянiе о своемъ предательствѣ и великой прошивъ него несправедливости. Такимъ образомъ ввела его во владѣнiе всего имѣнiя дяди его, и доставила ему при вечерѣ жизни его награду за все прешерпѣнное имѣ. Умираючи вкушала она шакже великое удовольствiе, вырвать у своего мужа большую часть имѣнiя, для котораго онъ женился на ней.

Мисприссѣ Говель, повидавшись съ сыномъ своимъ, удалилась въ маленькой домикъ мужа своего, гдѣ дни ихъ мирно протекали. Сынъ Говель и Эмилиа его наслаждались всею благополучiемъ, какимъ шолько возможно обладать здѣсь на земли.

Сирѣ Карлѣ Бинглей, два года съ великимъ щқаніемъ убѣгая всѣхъ случаевъ увидѣть Лади Шербюри, нечаянно встрѣтился съ нею и мужемъ ея, и позналъ, что при видѣ Аминшы движеніе его не такъ велико было, какъ онъ того страшился. Лордъ Шербюри приглашалъ его посѣтить себя столь ласковымъ и столь убѣдительнымъ образомъ, что онъ согласился на его просьбу. Бывъ свидѣтелемъ домашняго благополучія двухъ супруговъ, почувствовалъ отвращеніе къ вѣтреной жизни, какую велъ до сихъ поръ. Безпрестанно видѣлъ Лади Араминшу Дормеръ; страсть его къ Аминшѣ угасла; позналъ онъ въ сей молодой особѣ всѣ пріятности и всѣ добродѣтели, которыми она была одарена. Далъ знать о мнѣніи и

чувствахъ своихъ ; объясненіе его принято благосклонно. Онъ получилъ руку Араминпы , а съ оною и блаженство, равное тому, какимъ наслаждался Лордъ Шербюри.

Маркизъ и Маркиза Рослинъ провождаютъ жизнь ихъ въ уединеніи , оплакивая прошедшее и безъ надежды къ будущему. Фреловъ влачитъ свою суешность по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ , хвастаясь похищеніемъ богатой Шотландской наслѣдницы, и увѣренъ бывъ, что послѣ сего уснѣха никакая женщина не можетъ прошивиться ему.

Теперь возвратимся еще къ милымъ потомкамъ семейства Дунрапа , къ дѣтямъ Аббатства : они сохраняютъ доброту сердца и кротость поведенія

всегда ихъ опличавшаго. Побывъ въ школѣ нещастія, сострадаютъ о всѣхъ нещастныхъ, и благосворительность чшутъ долгомъ какъ признашельности ихъ къ Небу, такъ и къ спраждущему чловѣчеству. Сія естъ ежедневная дань, воздаваемая ими сему Всемогущему Существу, Которое пеклось о юности ихъ, оставленной безъ помощи; Которое спасло ихъ отъ шолкихъ опасностей, и Которое благословило ихъ благоденствіемъ, ими еще размноженномъ изліяніемъ онаго на все ихъ окружающее. Желанія Лади Дунрапъ совершились; воспоминанія о претерпѣнныхъ ими нещастіяхъ служатъ имъ покло побужденіемъ къ состраданію о бѣдствіяхъ другихъ. Добродѣтели ихъ увеличиваютъ славу предковъ ихъ, и утверждаютъ

имъ душевное спокойствіе и благополучную жизнь. Каждого изъ дѣтей ихъ считающъ благодѣніемъ Неба не только они сами, но и всѣ тѣ, которымъ извѣстны они. Признательность уже учинила имена ихъ священными, и примѣръ таковой вдохнулъ дѣтямъ ихъ благородный подвигъ подражать имъ.

К о н е ц ъ.

